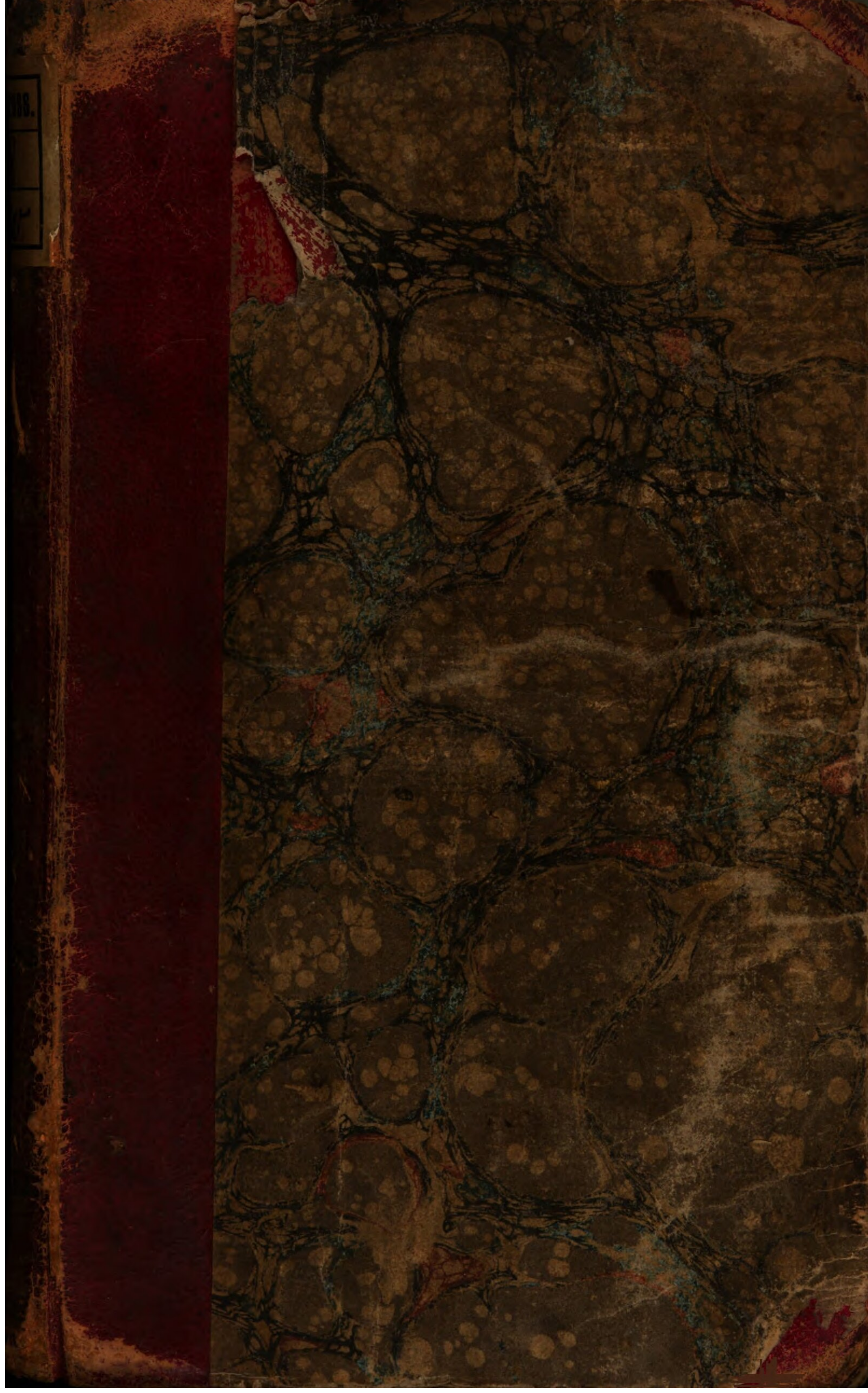

P. o. russ.

Muza

8no

82⁶/₇₉

Dr. Friedrich Knappe,
 Professor der Philosophie.

199

<36629151880018

<36629151880018

Bayer. Staatsbibliothek

L. 73-78 fehlen

10202/112

*Изъ числа книгъ Россійскаго Императорскаго
Библиотекаря*

МУЗА

РОССІЙСКИХЪ СТИХОТВОРЦЕВЪ.

25.

1871. 1872. 1873. 1874. 1875. 1876. 1877. 1878. 1879. 1880.

МУЗА
НОВѢЙШИХЪ
РОССІЙСКИХЪ
СТИХОТВОРЦЕВЪ.

СС

МОСКВА,
ВЪ Типографіи С. Селивановскаго.

1814.

В.м. 5176

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по оппечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ
Апрѣля 27 дня 1814 года. — По назначенію Ценсурнаго Комитета, при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ учрежденнаго, книгу сію разсматривалъ Ординарный Профессоръ *Василій Котельницкій*.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стран.
Смерть Дудона.	1
Вождю побѣдителей.	25
Сады.	28
Къ Юліи.	32
Къ сестрѣ моей.	33
Слихи Г-жѣ Семеновой.	36
Молодой Эпикурѣ.	—
Невинность \.	37
Къ Делію.	39
На смерть семнадцатилѣтней Эрминіи.	41
Къ Мерзлякову.	—
Сады.	45
Гармонія.	49
На смерть Лауры.	53
Къ * * *	54
Вечерѣ.	58
Разлука и Любовь.	60
Орелъ и Чижъ.	62
На пляску Д. въ одномъ превосходномъ балетѣ.	63
Къ Лидѣ.	64
Усадѣ и Всемила.	66
Прости — къ моей родинѣ.	70
Вахлическая пѣсня.	72
Къ Калліопѣ.	74
Призываніе Сильвіи.	77
Идиллія.	78
Мое мечтаніе въ ночь осеннюю.	80

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стран.
Надпись надъ гробомъ молодой пастушки.	82
Паденіе листьевъ.	—
Къ Поэзіи.	84
При встрѣчѣ весны.	86
Надгробная Г. С.	88
Сады.	89
На смерть Д.	93
Къ московскимъ стихотворцамъ.	94
Селадонъ и Амелія.	95
Элегія.	98
Пѣсни изъ Есфиры и изъ Ашталіи Раси- новой.	99
Людмила.	108
Осень.	115
Озеро.	117
Сѣтованіе.	124
Пѣсня.	126
Низосъ и Эвріалъ.	127
Мечтаніе на берегахъ Волги.	141
Ручей	148
Сады.	149
Посланіе Капона къ Юлію Кесарю.	153
Ерминія	158
Молитва Линданы.	165
Къ моей отчизнѣ.	172
Желаніе.	173
Миръ.	174
Къ моему соловью.	178
Гробница	179
Щастливецъ.	181
Спихи къ моей лирѣ и къ друзьямъ моимъ.	183
Слава.	185
Свѣтлана.	187
Деревня.	196

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стран.
Мелибей.	197
Гимнъ дружбѣ.	202
Крестъянинъ и смерть.	204
Романсѣ.	205
Къ Амуру.	206
Къ неизвѣстной пѣвицѣ.	—
Стихи, сочиненные для Альбома М. В. П.	210
Олинпъ и Софронія.	212
Любовь къ родинѣ.	224
Изображеніе Россіи.	229
Къ Торквату.	231
Горестное сновидѣніе.	232
Ученъе.	237
Пѣвецъ.	238
Безсмертіе.	240

1712
1713
1714
1715
1716
1717
1718
1719
1720
1721
1722
1723
1724
1725
1726
1727
1728
1729
1730
1731
1732
1733
1734
1735
1736
1737
1738
1739
1740
1741
1742
1743
1744
1745
1746
1747
1748
1749
1750
1751
1752
1753
1754
1755
1756
1757
1758
1759
1760
1761
1762
1763
1764
1765
1766
1767
1768
1769
1770
1771
1772
1773
1774
1775
1776
1777
1778
1779
1780
1781
1782
1783
1784
1785
1786
1787
1788
1789
1790
1791
1792
1793
1794
1795
1796
1797
1798
1799
1800

СМЕРТЬ ДУДОНА.

Уже предвѣстникъ дня, осыпанный росой;
Повѣялъ легкій вѣтръ надъ утренней горою:
Аврора воспаетъ съ румяныхъ облаковъ;
Унизанъ розами превыспренныхъ садовъ,
Злапой ея вѣнецъ полнеба озаряетъ;
Уже по спану кликъ геройской пробѣгаетъ;
Въ доспѣхахъ войны; ударилъ трубный громъ,
И съ шумомъ разлилось веселіе кругомъ. —
Готфредъ — впереди полковъ. — Какъ Царь, какъ
другъ правдивой
Пишетъ, правитъ жаръ опѣаги шоропливой.
О дивный трудъ Вождя! — удобнѣе стократъ
Сдержатъ стремленье волнъ въ кипящій Сцил-
лы адъ;
Удобнѣй сшатъ прошивъ Бореевъ усремлен-
ныхъ
Съ утеса Аппенинъ на гибель флотовъ плѣн-
ныхъ;
Готфредъ — Богъ ратныхъ бурь, — и чуждые
препонъ,
Хранятъ и въ быспрошѣ устройство и за-
конъ.
Не стопы ихъ несутъ; ихъ крыла увлекаютъ;
Желанья пламенны полетъ ихъ упреждаютъ:
Казалось, не бѣжитъ отъ мѣдныхъ стопъ
земля;
Но солнце мечетъ взоръ на блѣдныя поля:
Зарѣблась окрешность, огнемъ его палима, —
И загорѣлися верхи Ерусалима. —

О радость! — вотъ Сіонъ! — Голгофа! — Божій градъ!

Се ты Ерусалимъ! привѣстствуемъ спокрашъ!
Такъ смѣлые пловцы, игралище волненій,
Для славы суешной далекихъ опкровеній,
При блескъ чуждыхъ звѣздъ, воюя Океанъ,
Блюждаютъ бѣдныя, — корысть враждебныхъ
спранъ! —

Уже опчаянье сердца ихъ заспужаетъ;
Но вдругъ желанной брегъ ихъ взоры пора-
жаетъ;

Во испуленіи, безмолвны, издали
Другъ другу кажутъ видъ синѣющей земли;
Еще приблизились: — еще туманъ яснѣе,
Знакомѣ мѣста, и сердце веселѣе;
Открылось! воплями потрясса горній
сводъ, —

Какъ будто не было, ни бѣдъ, ни непогодъ. —

Но радость перваго на Божій градъ воззрѣнья
Смѣнилась трепетомъ святымъ благоговѣнья;
Уныніемъ святымъ исполнились сердца;
Всякъ мнилъ: се бренное пристанище Творца!
Здѣсь онъ рожденъ, спрадалъ, здѣсь гробу
покорился,
Здѣсь, рушивъ смерти плѣнъ, на небо возвра-
тился!

Взоръ томной, тихій шагъ, склоненная глава,
Рыданье, токи слезъ, прерывныя слова,
Являли скорбію веселье разтворенно;
Несешся томной гуль надъ ратью умиленной.
Такъ бурный рѣшетъ вѣтръ, ударясь въ
мрачный лѣсъ:
Скрылъ корней, листьевъ шумъ восходитъ до
небесъ;

Такъ ярая волна , разбилая скалами,
Ревешъ—и вопль ея вшорится межъ горами.

Всѣ рашники , благихъ ревнители вождей,
Текутъ по ихъ слѣдамъ священной спезей;
Стопы обнажены, опринутъ шлемъ пернашый,
И злато, броней блескъ , и всякъ уборъ бога-
тый.

Смирениемъ Креста унижены въ конецъ,
Отвергли суешы и помыслы сердецъ;
Съ очами полными росы благоговѣнья,
Они въ себѣ винятъ холодность умиленья.
Такъ здѣсь , Спаситель мой , гласитъ герой
спеня ,
Такъ здѣсь излита кровь святая за меня!
И я, безчувственный, къ слѣдамъ Твоимъ ка-
саюсь!
И я въ источникъ слезъ еще не превращаюсь!
И сердце лдяное не таетъ отъ скорбей!
Согрѣйся хладна грудь!—перзайся, рвись, болѣй!
Преступная душа, теперь ли мнѣ измѣнишь!
Ты вѣчностію слезъ минуть сихъ незамѣ-
нишь!—

Такъ плакали Креста послушные сыны.
Межъ тѣмъ невѣрныхъ спражъ , съ бойнич-
ной вышины,
Чрезъ горы и луга простря свое вниманье,
Зритъ вихря мглісшаго далеко волнованье;
То заревомъ оно , то пламеннымъ столбомъ,
То тучею грозитъ, спремящей бурной громъ;
Еще мгновеніе—шуманы разступились,
Горящій рядъ мечей и всадники открылись.
О Небо! возопилъ—ошколь , ошколь возспалъ
Сей праха черной вихрь—сей, пламень льющій
валъ?—

Отколь сія гроза?—Къ оружію! на стѣны!
Къ защитѣ граждане, спокойствомъ оболь-
щенны!
Къ защитѣ!-брань зоветъ!-несется супостатъ!
Ужь близокъ.—Спонетъ гулъ—основы стѣнъ
дрожатъ!—
За копья! за мечи! се онъ!—се тучи яры,
Спремящія на насъ погибельны удары!—
Восколебался градъ! и спарецъ и молодой,
Слезаящая толпа, недружная съ войной,
И жены, чуждыя геройственной науки,
Подъемятъ къ олтарямъ препещущія руки;
Въ доспѣхахъ ратники, воспитанны въ бояхъ,
Въ доспѣхахъ селянинъ, могущій стать въ
рядахъ;
Волнуются вокругъ стѣнъ; стоятъ—врагамъ
опора;
Все движетъ Аладинъ;—все плодъ его надзора!

Раздавъ велѣнія пошребныя вождямъ,
Султанъ безпрепешной въ бойницу входитъ
самъ,
Которая, возставъ между двумя врагами,
Казалось, царствуетъ надъ доломъ и горами;
Отсель онъ видитъ, гдѣ бушуетъ яра брань,
И гдѣ его нужна спасительная длань.
Предъ нимъ Эрминія, Эрминія прекрасна!—
По смерти родшаго, оставивъ домъ,—не-
щасна!
Оставивъ милой градъ и падшій пронъ опцовъ,
Въ Царѣ она нашла и друга и покровъ.

Клоринда между тѣмъ лепитъ на поле боевъ,
Съ ней многіе пекутъ; одна впреди героевъ.
Аргантъ среди засадъ въ таинственной глуши,
Едва, едва смиралъ пыль ярыя души;

Мгновенье каждое казалось часами;
Клоринда всѣхъ крѣпшѣ и взоромъ и словами:
„Теперь, теперь, друзья, мы подвигомъ благимъ
Надежду первую Востока ушвердимъ!“
Рекла, — и зришѣ толпу прошивныхъ отдѣленну.
Богатствомъ добычи бевременно прельщенну;
Почти у самыхъ врагѣ отважные тогда
Стремились вѣстанѣ угнать питающи спада.
Безпрепетная къ нимъ; спѣснись вокругъ
ловимы;
Гордонъ, ихъ вождь, даетъ знакъ гибельныя
бимы.
Герой великихъ силъ, но слабый передъ ней—
Ударъ—и роемъ прахъ онъ тяжестью своей,
И жертва первая свершилась Богу брани!
Невѣрныхъ сонмища подвемлютъ къ Небу
длани;
Гремитъ веселій плескъ, и жреческій совѣтъ
Сію побѣду чтитъ предвѣспіемъ побѣдъ.—
Клоринда гордая въ среду полка влепаетъ,
Ея рука сто рукъ геройскихъ замѣняетъ;
Невѣрные во слѣдъ спезей кровавыхъ сѣчь,
Которую отверзъ ея ужасной мечъ,—
Тѣснятъ, перзаютъ, жмутъ, кружатся въ
вихряхъ праха;—
Корысть возвращена. — Сраженны, чужды
страха,
Въ порядкѣ Рыцари отходятъ къ вышамъ;
Отъ сонма помощь къ нимъ несется по лу-
гамъ.
Какъ вѣтръ порывистой, крутя пески сыпучи,
Какъ огонь падаетъ изъ нѣдръ громоносящей
шучи,
Велѣніемъ вождя Готфреда устремленъ
Танкредъ, спѣшитъ Танкредъ, и ихъ разру-
шенъ плѣнъ.

Его геройской видѣ, отвага, стройность,
сила,
Царя невѣрнаго вниманье поразила.—
Онѣ чтилѣ его однимѣ избранныхѣ вождей.
Попомѣ склоняся къ той, кою той трепетѣ
страстной
Давно уже сказалѣ, кто рыцарь сей опасной,
Царевна, онѣ гласитѣ, ты зрѣла Гальску рать,
Ты можешь ихѣ вождей и въ шлемахѣ позна-
вать!
Повѣдай мнѣ, кто сей, столь стройный, по-
ропливой,
Играющій копьемѣ съ улыбкой горделивой?
Изрекѣ.—Опвѣтомѣ вздохѣ и слезы лишь однѣ!
Скрываетѣ слезы, вздохѣ въ сердечной глубинѣ;
Но влажный взоровѣ блескѣ, но блѣдныхѣ
устѣ дрожанье
Являютѣ тайное души ея спраданье.—
Красавица молчитѣ, вздыхаетѣ, плачетѣ вновь,
Наружною враждой одѣвъ свою любовь,
Увы! рекла она, его давно я знаю....
Злодѣйства помню всѣ... въ груди моей пи-
таю.
Онѣ кровью нашихѣ силѣ долины упоилѣ,
Онѣ воды трупамѣ въ рѣкахѣ остановилѣ;
Всѣ правы, чары всѣ науки ухищренной
Не могутѣ врачевать имѣ раны нанесенной!
Столь тягостенѣ ударѣ!... Ахѣ! вишь сей,
Танкредѣ,
Боюсь, чтобѣ не погибѣ.... чтобѣ лютой
мечѣ... нѣтъ! нѣтъ!
Когда бы плѣнникомѣ его я принимала!
Когда бѣ живому я всю силу показала
Той мести сладостной, для коей я жива!
Вѣщала; тяжкой вздохѣ прервалѣ ея слова....

Всѣ, всѣ они, рекъ Царь, найдутъ иль плѣнѣ,
иль гробы . . .
(Слѣпой! онѣ страсть любви щипалъ вос-
торгомъ злобы)!

Клоринда между тѣмъ; склоненна на лукъ,
Къ Танкреду понеслась;—копье въ ея рукъ.
Стеклись, ударили въ забрала шлемовъ мѣд-
ныхъ;
Змѣятся въ воздухъ изгибы молній блѣдныхъ;
Часть шлема у нее отбилая лешишь;
Еще ударъ . . . онѣ снятъ . . . неожиданной видъ!
На спаль брони волна злыхъ власовъ упала,
Въ ужасномъ рапникѣ красавица предстала.—
Ланиши въ пламени . . . горитъ враждою взглядъ.
И въ самомъ гнѣвѣ милъ!—Что жъ будетъ въ
часъ отрадъ,
Въ часъ нѣжныя любви?—Танкредъ ожесто-
ченный,
Гдѣ мысль твоя?—гдѣ взоръ?—уже ли ослѣ-
пленный,
Еще ты не позналъ небесныхъ сихъ очей?
Вотъ радость! вотъ тоска! мечта души твоей?
Ахъ! въ сердцѣ у тебя сіе изображенье;
Спроси его; оно разсѣетъ заблужденье;
Се та, которую узрѣла страсть твоя
Въ тѣни древесъ, въ водахъ прохладнаго ручья;
Познай: броня и шлемъ сей, лаврами покрытый,
Таили отъ любви взоръ милый и ланиши!
Сей видишь наконецъ . . . смущенъ, недви-
жимъ, нѣмъ!—
Она, сокрывъ главу, прошивъ него съ мечемъ;
Онѣ вспяшь, она за нимъ; женетъ,—бѣжитъ
несчастной,
И гряды жертвъ лежатъ спезей его ужасной.

Но лютая къ его привязана слѣдамъ;
Постой, сразись, речешъ, и вдругъ къ его
стопамъ

Повергнула двоихъ, двѣ мщению препоны;
Разимый не разитъ, не хочетъ обороны,
Взоръ быстрой не къ мечу, къ симъ взорамъ
устремленъ,
Гдѣ страшной богъ любви гласитъ безсмерт-
ной плѣнъ.

Ахъ! что моя рука?—Герой въ себѣ вѣщаетъ,
Ударъ мой въ воздухъ безплодно погибаетъ;
Удары прелестей не щещны, не умрутъ,
Сквозь мѣдную броню въ сердца они идутъ!
Рѣшился наконецъ искашь,—но не любви,—
Погибели искашь, чтобъ съ жизнью, съ по-
комъ крови
Излишь и таинство несчастное предъ ней;
Чтобы узнала все, что онъ ей не злодѣй,
Что плѣнникъ, рабъ ея прелещущій, смирен-
ный.

О ты, копорой взоръ, свирѣпствомъ воспа-
ленный,
Являешъ, что тебѣ здѣсь въ тысячахъ вра-
говъ
Врагомъ лишь только я оставъ ряды
полковъ,

Ошдѣлимся нашъ долгъ познать другъ
друга болѣ;

Тамъ силы мы свои извѣдаемъ по волѣ.—
Пріемлешъ договоръ.—Съ блистающимъ ме-
чемъ,

Забывши, что главы не кроетъ бранный шлемъ,
Свирѣпая лепитъ; за ней Танкредъ унылой,
Преступникъ, предъ своей открытою могилой.
И битва началась.—Помедли, онъ речешъ,
До брани совершимъ мы брани сей завѣшъ.

Остановилася.— Любовь, шоска, шомленье
Въспрадалъческую грудь вливають дерзновенье.
„Коль мира утвердишь не хочешь ты сомной,
Внемли завѣшь, изрекъ рыдающей герой.

Вотъ сердце: рви его, воительница дивна!
Оно не можетъ жить, коль жизнь тебѣ про-
шивна!

Оно твое давно не властенъ въ немъ,
сражай

И собственну корысть себѣ ты возвращай!—
Смотри: вотъ здѣсь рука.— Кидаю шлемъ,
забрало . . .

Вотъ грудь открытая что медлишь, или
мало?

Иль помощь для тебя? или мой нуженъ плѣнъ?

Возри: срываю я броню свою съ раменъ . . .

Повелѣвай, рази еще Танкредъ несчастной

Стремился изржать шоску любви ужасной,

Какъ вдругъ невѣрныхъ сонмъ свирѣпостью
рѣки

Нахлынулъ съ воплемъ къ нимъ : смѣшались
полки,

Разятъ . . . И варвары теперь не устояли;

Иль хитрость, или страхъ къ твердынямъ
ихъ погнала.

Единъ изъ Христіянъ конечно врагъ
красы,

Зря юной всадницы волнуемы власы,

Свирѣпой къ ней спѣшилъ, приблизился,
надъ жертвой

Заноситъ грозной мечъ; — къ нему Танкредъ
полмертвой;

Поспой, вскричалъ; летишь, не удержимъ ни
чѣмъ,

И мечъ ничтожнаго отбилъ своимъ мечемъ.

Но совершенъ ударъ — дымится легка рана,
Съ власами русыми смѣшалась кровь багряна,
И капли рѣдкія на бѣлу грудь падушъ;
Таковъ художника испытаннаго шрудъ,
Рубина нѣжной огонь на златѣ такъ пылаетъ.
Танкредъ неистовый какъ левъ въ лѣсахъ ры-
каетъ;

Къ убійцѣ низкому склоняетъ свой полетъ.
Но ратникъ вспяшь пошекъ. — Танкредъ за
нимъ во слѣдъ,

Какъ вышняго перунъ, гроза неизбѣжима. —
Клоринда смущенная, безмолвна, недвижима,
Не знала, что начашъ, не вѣрила очамъ;
Потомъ съ толпой своихъ пустилась ко стѣ-
намъ.

Но часто на бѣгу претящею являлась;
И отступала вдругъ, и вдругъ останавливалась.
Бѣжитъ, преслѣдуетъ, побѣждена, и нѣтъ;
Не хочетъ уступить, не хочетъ и побѣдъ!
Таковъ является на битвищахъ оправданныхъ
Волъ ярый среди псовъ, горячей крови жад-
ныхъ:

Уставитъ ли рога: — разсѣялись дождемъ;
Бѣжитъ, — и всѣ за нимъ, и всѣ впились въ
немъ.

Безстрашная главу щипомъ пріосѣняетъ,
Ударъ удару въ слѣдъ безплодно погибаетъ;
Такъ Мавръ, спремаясь назадъ, искусенъ на
играхъ

Остановитъ меча враждебнаго размахъ.

Уже гонимые, гонящіе смѣшенны,
Борясь, уткнули подъ горды града стѣны: —
Внезапно страшный вопль раздался по спра-
намъ,
Невѣрныхъ полчища, подобая волнамъ,

Разлились изъ засадъ, и долы наводнили;
Мгновенно Христіянъ Срацины окружили;
Терзающъ, гонящъ, жмушъ, — и самъ Арганшъ
съ полкомъ,
Какъ смерть, ошчаянныхъ предсталъ передъ
лицомъ.

Черкесъ неистовый, въ огнѣ и буряхъ хлад-
ный,

Исходитъ изъ рядовъ, какъ волкъ изъ ны-
рищъ гладный.

Ужъ всадникъ пылкихъ лѣтъ, отвагою вле-
комъ,

Глошаетъ влажну пыль, попранъ своимъ ко-
нѣмъ;

Уже вокругъ грознаго лежали труповъ горы;

Ненасытимые пылающъ адомъ взоры;

Копье его лешищъ опломками на прахъ;

Онъ поднялъ страшной мечъ! прошивнымъ но-
вый страхъ!

Клоринда съ нимъ дѣлится лавръ чеспи и ис-
куства;

Уже Арделіонъ, лишенный жизни чувства,

Лежитъ сѣдый герой, въ преклонныхъ младъ
лѣтахъ;

Подпору старости онъ зрѣлъ въ двоихъ сы-
нахъ.

Надежда тщетная! — закрывъ отца собою,

Старѣйшій сынъ Алкандръ палъ смертною
косою.

Младый мечъ избѣгъ; для нихъ любившій жить,

Увы! онъ не возмогъ ихъ смерти раздѣлить! —

Межъ тѣмъ Танкредъ, горя отмщенья жаж-
дой лесной;

Напрасно мнилъ поспичъ врага своей любезной,

Эфирный конь его отъ казни уносилъ.
Герой остановясь, взоръ къ спутникамъ скло-
нилъ,
И зрѣтъ, что преданны слѣпой геройской
страсти,
Предѣлы перешли, и на краю напаси,
Объятые врагомъ; — даетъ коню броды,
Лешитъ — храбрѣйшихъ сонмъ печетъ въ его
слѣды,
Дружина вольная, цвѣтъ рати, ограждение!
Ренальдъ, смиритель битвъ, красавицъ вос-
хищенье,
Ренальдъ напередѣ. — Не столь порывистъ
громъ!
Уже Эрминія, познавъ его шломъ,
На коемъ изображенъ орелъ быстროпарящій,
Познавъ сей спройный спанъ, сей видъ, вра-
гамъ грозящій,
Вотъ, вотъ, гласитъ Царю, отважнѣйшій изъ
всѣхъ,
Въ сей мышцѣ положенъ судьбиной битвъ ус-
пѣхъ!
Нѣтъ равнаго ему въ искусствѣ ратныхъ пре-
нѣй; —
Соперникъ не рожденъ. Младенецъ — богъ сра-
женій! — —
Когдабъ враждебна рать могла въ себѣ со-
честъ
Еще подобныхъ прехъ: — проси Воспока
честъ!
Во узахъ Христіанъ владыки бѣ възстекали
И Полдня и Зари народы бы познали
Со шрепешомъ его законовъ новый свѣтъ;
И хитрый Нилъ, въ горахъ сокрывшій свой
хребетъ,

Склонился бѣ тройственнѣ кѣ стопамъ его
главою.—

Его зовутъ Ренальдъ . . . одной своей рукою
Скорѣе махинъ всѣхъ онъ стѣны потрясетъ.

А сей, кошораго опликой злачной цвѣтъ
На сребреной бронѣ, — *Дудонъ* его названье.

И слава прадѣдовъ и дѣлъ его блистанье

Со всѣми первыми сравнять его могли;

Лѣша ему права начальства приноси.

Другой—окрестъ его . . . какъ черной дубъ ве-
ликій,

Жернандъ, отважный братъ Норвежскаго вла-
дыки;

Въ немъ сердце гордости самой воплощено,

Блещащихъ дѣлъ его позорное пятно!

Сии два рыцаря . . . единство безпримѣрно!

Во сребренныхъ броняхъ, супругъ съ супругой
вѣрной!

Гилдилла! Одоардъ! влюбленныхъ образецъ

И храбростью въ бояхъ и нѣжностью сердецъ!

Рекла.—Въ сей люшый часъ свирѣпа буря
брани

Расколыхалася—спѣснились съ дланьми длани—

И льется кровь рѣкой.—Танкредъ съ Реналь-
домъ тамъ,

Гдѣ ратники густѣй, гдѣ мечъ опоръ мечамъ;

За ними яв слѣдъ *Дудонъ* съ дружиною гро-
мовой;

Кружится, съешъ смерть, на нивѣ онъ ла-
вровой.

Аргантъ, и самъ Аргантъ Ренальдовой рукою

Стѣсненъ и пораженъ, адъ видитъ предъ со-
бой—

Едва подѣмлется . . . погибъ бы дерзновенной!

Но вдругъ Ренальдовъ конь, въ порывахъ за-
круженной,

На землю грянулся со всадникомъ своимъ;
Сѣбѣснившись рыцари, приникли въ помощь
къ нимъ.

Тогда язычники, смященны ярымъ страхомъ,
Помчались ко стѣнамъ, и пылъ закрыли пра-
хомъ;

Аргантъ съ Клориндою стояли, какъ оплотъ,
Какъ мѣдная скала прошиву бурныхъ водъ.

Текутъ послѣдніе и бьются въ отступленъ,
Усилій Христіянъ преграда и помленье! —

За ними реяся, какъ пчелы за стѣной,
Безбѣдно варвары побѣгъ скрываютъ свой.

Дудонъ увѣренный, побѣдѣ предается;

Весь въ пламени, въ пыли неистовый не-
сется,

Все рубитъ, всѣхъ разитъ, какъ лѣшнюю
праву.

Единымъ махомъ снялъ Тигранову главу;

Алзара не спасли съ колчугой мѣдны латы;

Разшибенъ по частямъ Корбана шлемъ пер-
нашый:

Ихъ чела, руки, грудь . . . ужаснѣйшій позоръ!

Все рана лишь одна, смущающая взоръ!

И ты, о Амурашъ! окончилъ дни любезны! —

Мегмедъ и Альманзоръ, сраженій столбъ же-
лѣзный,

Въ безплодной ярости пьютъ кровью влажной
прахъ! —

Аргантъ въ душѣ своей безвѣстной слышитъ
страхъ,

Скрежещетъ великанъ . . . остановился къ бою,

Кружится . . . отступилъ къ препещущему
строю

И вдругъ нечаянны, какъ свитый клубомъ змей,

Напрягнулся, сверкнулъ громовою снруей,

И мечь въ ребро вождя открытое вонзаетъ:
Бѣ кровавомъ парѣ жизнь изъ раны истекаетъ;
И очи помныя, обвѣяны смертной тьмой,
Сковалъ желѣзной сонъ и тягостной покой;
Трикрашы онъ открышь глаза свои спре-
мится,
Чтобъ милымъ свѣтомъ дня въ послѣдни на-
сладисься,
Трикрашы, опершись на локошь, всшатъ хо-
тѣлъ,
Трикрашы упадалъ. . . вдругъ взоръ оцѣпенѣлъ,
Упали вѣжди. . . смерть оледенила члены;
Нѣмѣютъ, влагою холодной орошенны! — —
Неисповый Арганъ, еще ненасытимъ,
Чрезъ блѣдный шрупъ протекъ къ убійстви-
ямъ инымъ;
Свирѣпой радостью кипятъ кровавы взгляды,
Хохочетъ, — и склонясь на Гальскіе отряды,
Сей мечь, гласитъ, мнѣ даръ отъ вашего Царя,
Еще дымится онъ, весь кровію горя;
Повѣдайте Царю, какъ я за даръ примѣрной
Теперь ему воздалъ. . . онъ будетъ веселъ вѣрно!
Скажите, въ семъ мечѣ безцѣннѣе стократъ
Доброта прочная, чѣмъ блестящій нарядъ! —
Скажите, что онъ самъ то скоро испытаетъ;
Что медлитъ, иль меня во станѣ ожидаетъ? —
Приду! не долго ждать! его не долгогъ страхъ!
Изрекъ, героевъ сонмъ вскипѣлъ при сихъ сло-
вахъ.
Стѣснились, гордостью безумной оскорбленны,
Летятъ на дикаго, какъ вихрь воспламенен-
ный. . . .
Летятъ. . . но гдѣ борецъ? — . . . Сліясь съ
своей толпой,
Онъ слѣсъ и стыдъ сокрылъ за градскою стѣ-
ной.

Какъ буря съ горъ валишъ, дыша зимой и
хладомъ,
Посыпались со стѣнъ каменя грознымъ гра-
домъ;
Какъ шуча снѣжная въ свислящей быст-
рошъ,
Сѣкутся, реются тѣмы стрѣлъ на высотѣ;
Убийственная мгла надъ рапью опягчилась,
Ліется смерть дождемъ — и храбрость изу-
милась;
Недвижны рыцари... и полчища Срацинъ
Безбѣдно входяшъ въ градъ... но се Бершоль-
довъ сынъ!
Течешъ, не знающій ни страха, ни закона,
Свершишъ доспойну казнь губишелю Дудона.—
Чего вы ждете здѣсь? — Почто стоятъ? —
пойдемъ
(Со громомъ бурныхъ словъ, раздался брони
громъ),
Или не слышите къ вамъ крови вопіющей? —
Или откажешесь отъ чести васъ зовущей?
Какъ? мщенію преграда можешъ бышъ? —
Вашъ гнѣвъ, вашъ правый гнѣвъ, швердыня
преградитъ! —
Нѣшъ, нѣшъ! хошя она и крѣпче адаманта,
Хошъ сложена изъ горъ, не защититъ Арганта!
Найдемъ его вездѣ, изроемъ сердце скалъ!...
На приступъ, войны! — и первой побѣжалъ! —
И храбрые за нимъ, кипящими волнами.
Уже осыпанъ шлемъ нещепными стрѣлами,
Вихрь камней надъ главой, громады вокругъ
него,
Вездѣ ревуша смерть — невидитъ ничего. —
Высокое чело, какъ небо предъ грозой,
Нахмуренно, спрашитъ рѣшительной борьбою;

Ланишы гнѣвныя то блѣдны, то горятъ,
И сердца въ глубинѣ шрепещетъ смутный градъ.
Мужаютъ рыцари . . . Срацины цѣпенѣютъ,
Ихъ руки на мечахъ бездѣйственны хладѣютъ..
Уже побѣды часъ . . . но мудрый *Сегіеръ*
Владыки именемъ слова къ нему просперъ;
Исполненъ пѣвдоси прямой и непреложной,
Претишъ отвагѣ онъ вождя неосторожной:—
„Вспяшь, вспяшь ступай герой; не здѣсь тебѣ
чреда!—
Отъ храбрости твоей не здѣсь мы ждемъ
плода!“
Вѣщаетъ такъ Готфредъ.—Ренальдъ остано-
вился,
Безмолвный, шрепешалъ; покорный, онъ ярился!
Какъ бурная волна, стѣсненна между скалъ,
Окаменѣлъ но гнѣвъ въ глазахъ его бли-
сталъ.
Невольно вспяшь текутъ геройскіе дружины,—
И смотрятъ съ шрепешомъ на опсупъ ихъ
Срацины!..

Тогда послѣднюю пріемлетъ честь Дудонъ:
Побѣды хвальной звукъ смѣнили плачь и
стонъ;
Унылые друзья съ померкшими очами,
Несутъ бездушный трупъ межъ ратными ря-
дами.
Готфредъ, на высотѣ горы уединенъ,
Въ то время озираетъ искусство градскихъ
стѣнъ.

Се градъ на двухъ холмахъ основанъ укрѣ-
пленныхъ,
Неравной высоты, другъ къ другу обращен-
ныхъ;
Б

Межь ними, какъ рѣка, глубокой долъ лежитъ,
Солиму пышную онъ на полы дѣлитъ.
Съ прехъ спранъ погибельно ко граду при-
ближенъ;
Отъ сѣверной едва примѣтно возвышенъ;
Сія ошкрытая для воинства спрана
Спѣною спрашною и рвомъ ограждена.—
Земля, нѣжнѣйша мать сыновъ своихъ люби-
мыхъ,
Исполнила весь градъ ключей неиспощимыхъ;
Искусство воды ихъ размножило въ садахъ;
Внѣ града запершы изходища въ горахъ.
Лугъ черенъ, мертво все, ни рѣкъ, ниже по-
тока,
Не кроетъ въ лѣтній зной деревьевъ тѣнь
глубока,
Не тѣшатъ спранника лазуревы цвѣты,
Все пусто.—Тамъ вдали съ нагорной высоты
Возносятся лѣса, духовъ геенскихъ сѣни,
Жилище мрачное коварствъ и обольщеній!—
Блаженный Иорданъ отъ утренняя зари
Кашистъ, величествомъ исполнены струи;
Отъ Запада валы Средьземна моря воютъ,
Кипя, въ пескахъ береговъ безплодную яросць
кроютъ;
На Сѣверѣ *Бетель*, склоненный предъ шель-
цомъ,
И съ блѣднымъ *Самаритъ* невѣрія челомъ;
Межь ними *Вифліемъ*, шуманомъ покровенной,
Смиренна колыбель Зиждителя вселенной!

Такъ мудрый вождь племенъ лешающимъ
умомъ
Измѣривалъ сей градъ и окрестность кругомъ,
И выгоды спраны и мѣстоположенъ,
И перстомъ указалъ, гдѣ полю бысть сраженъ,

Гдѣ слабая страна, гдѣ пристуа вѣнецъ
Эрминія его узрѣла наконецъ.
Се онѣ! гласишѣ Царю, сей мужѣ подѣ багря-
ницей,
Сѣ величіемѣ вѣ очахѣ, сѣ простертою де-
сницей,
Которой, кажется, ушавы подаетѣ,
Осанисшѣ, знаменишѣ сей дивный мужѣ
Готфредѣ,
Судьбами вышняго рожденный для короны,
Онѣ знаетѣ и вождя и ратника законы;
Начальникѣ и судья, вѣ совѣтахѣ и вѣ бояхѣ,
Вездѣ герой великѣ, вездѣ прошивнымѣ спрахѣ;
Единый лишѣ Раймондѣ сѣ нимѣ мудростію
равенѣ;
Одинѣ Танкредѣ, Ренальдѣ шолікожѣ вѣ би-
твахѣ славенѣ.—
Я знаю Вишязя, (опвѣштвовалѣ шіранѣ).
Носящій нѣкогда посла священный санѣ,
Я зрѣлѣ, какѣ предводилѣ онѣ праздничные
лики
При блещущемѣ дворѣ Галлійскаго Владыки.—
Я зрѣлѣ, какѣ онѣ ломалѣ на играхѣ копій
рядѣ.—
Еще онѣ ошрокѣ былѣ, но силами богатѣ;
Тогда уже вѣ рѣчахѣ, во взорахѣ и вѣ сраженьѣ
Являлѣ высокое свое предназначенье;
Тогда я предвѣщалѣ, что будетѣ онѣ герой . . .
Нерадостный пророкѣ!—Покрытые слезой,
Здѣсь взоры Аладинѣ безмолвно пошупляетѣ;
Но вскорѣ укрѣпясь,—вѣщай мнѣ, продолжаетѣ,
Кто сей, столь близкій сѣ нимѣ, грядущій
о странѣ?
Одинѣ вѣ нихѣ взорѣ, должны быть чувства
вѣ нихѣ одинѣ;

Подобье дивное . . . онъ ниже только шаномъ;
 Сей *Балдуинъ*, рекла Царевна предъ пираномъ,
 Не образомъ однимъ, дѣлами брашъ и другъ!—
 А сей, которому внимаешъ ратный кругъ,
 Который, кажешся, вождю даешъ совѣшъ?—
 Сей рыцарь есть *Раймондъ*.—Враги, друзья,
 клевереты,
 Всѣ строгаго ума дивяшся быспрошъ;
 Сей старецъ посѣдѣлъ въ военной шѣсношъ;
 Искусный соплеташъ врагу сокрышы ковы,
 Творишъ онъ изъ засадъ лѣса себѣ лавровы!—
 А сей, вдали одинъ, злашой носящъ шеломъ?
 Царя *Бришанска* сынъ, безпрепетный *Гильй-*
омъ,
 Съ нимъ *Гвелфъ*, гроза враговъ, соперникъ,
 храбрымъ равный,
 Породой, знашностью и саномъ доспославный;
 Высока, крѣпка грудь, широки рамена:
 Вотъ признаки его.—Онъ воинства стѣна!
 Но злѣйшаго не зрю межъ ними супосшаша,
 Въ комъ прона моего и племени ушраша!—
 Уже ли ты, *Бомонтъ*, коварства полный
 врагъ,
 Уже ль позналъ ты стыдъ, и кроешся въ
 шашрахъ?

Вѣщала . . . между шѣмъ *Готфреда* умъ ис-
 пышный
 Мѣста всѣ обозрѣлъ, и явныя, и скрышны.
 Богашый въ средствахъ Царь нисходитъ въ
 сонмъ друзей.
 Онъ вѣдалъ: труденъ путь нагорною спезей;
 Тамъ должно брань вести съ Природою угрю-
 мой,
 И къ сѣвернымъ врагамъ склонился ратной
 думой.

Въ долину прошивъ ихъ строй ставитъ онъ
большой,

Просперши рапи цѣпь до башни Угловой.

Какъ выпрeннiй орелъ единымъ быспрымъ
взмахомъ

Упавшій на корысть, уже убиту страхомъ,

Онѣ крыла воинства стѣснялъ и расширялъ,

И третью града часи въ шепетѣ держалъ.

Искусство, съ хитростью сражаяся При-
роды,

Пресѣкло съ прочихъ странъ пути и пере-
ходы:—

Извержешъ ли враговъ въ засады злобной градъ?—

Внезапно встрѣшивъ ихъ въ окопахъ скры-
той адѣ;

Союзники ль придутъ къ Солимѣ въ защищенье? -

Широки рвы, валы неистовымъ прещенье!—

Исполнивъ тако долгъ священнѣйшій вож-
дямъ,

Онѣ сердце преклонилѣ къ печали и слезамѣ.—

Дудона славнаго останки дорогія

Пріемлють почести послѣднія, святыя;

Сшелящій, горестный друзей его соборъ

Стоитъ, склоня на трупъ отъ слезъ померк-
шій взоръ;

Увядшій другъ лежить въ виду передъ пол-
ками

На ложѣ, рашными украшенномѣ вѣнцами;

Трофеи вокругъ него поставлены чредой,

Знамена плѣнные служили плененой. — —

Пришествіємъ вождя и вопль и плачь удвоенъ;

Явился къ нимъ Готфредъ, ни мраченъ, ни
спокоенъ;

Всю горестъ подавилъ въ геройской онъ душѣ:

Волнуемый тоской, сражаемый вопще,

На тѣло устремивъ недвижимыя очи,
Стоишь въ безмолвіи, какъ призракъ въ мракѣ
ночи!

Не слезы и не плачь, вѣщаетъ наконецъ—
Ты долженъ воспріять отъ преданныхъ сер-
децъ,

Почившій для земли, для неба пробужденный,
Отъ праха смершнаго къ бессмертью воскри-
ленный!

Ты славой озарилъ побѣдный путь Креста,
Ты жилъ и умеръ ты, какъ избранный Хри-
ста! —

Окончаны труды и мужества и Вѣры!
Оспавленны друзьямъ великіе примѣры!
Блаженная душа! спокой твой грозный взглядъ!
Нѣтъ брани, нѣтъ враговъ въ обители оп-
радъ!

Блаженствуй и ликуй намъ слезы! намъ
рыданья!

Не твой, но жребій нашъ достоинъ соспра-
данья!

Въ тебѣ утрачена часть важна насъ самихъ!
Въ тебѣ лишились мы силъ собственныхъ
своихъ!

Но если то, что міръ здѣсь смертью назы-
ваетъ,

Земныя помощи друзей твоихъ лишаетъ;
Въ замѣну, предстоя предъ Господомъ бла-
гимъ,

Небесну помощь ты испросишь въ горѣ имъ!
Ты смершный—слѣдуя и долгу и закону,
Оружье смерстное намъ сшивилъ въ оборону . . .
Бессмертный . . . ахъ! позволь надеждой льспи-
ться сей,

Предъ нами попечешь незримой ты спезей;

Архистрапигъ небесъ, ты вѣрныхъ предъ
полками,

Всерушащими днесъ одѣнешься грозами

О горній духъ! внуши моливленнй обѣтъ,

Скажи, устрой нашъ путь, будь вѣстникъ
намъ побѣдъ!

Когда судьба велитъ, коль славою вѣнчанны,

Мы подвигъ совершимъ и клятвы нами данны:

Тогда тебѣ, герой, мы жертвы принесемъ!

Тогда твои хвалы во храмахъ воспоемъ!

Вѣщаль; и се, спустясь Царица темно—
крыла,

Послѣдній гаситъ лучъ небеснаго свѣтила.

Сонъ сладкій усыпилъ мученія въ сердцахъ,

И не течетъ слеза спрадальца на очахъ!—

Одинъ Готфредъ, одинъ, покоя опчужденный,

Вниманіемъ къ стѣнамъ Солимы увлеченный,

Вращалъ въ своемъ умѣ махины грозныхъ
силъ,

И приступъ учредя, немного опочилъ.

Но съ Фебомъ возстаютъ для должностей
печальныхъ,

Самъ шествуетъ во слѣдъ обрядовъ погребальныхъ.—

Въ лугу, надъ коимъ холмъ утесистый на-
висъ,

Останки Вишязя вмѣщаетъ кипарисъ,

И пальма гордая вокругъ вѣтви разширяетъ;

Въ тѣни ея герой по буряхъ почиваетъ;

Спустилась гробна доска, омыта токомъ слезъ;

Синклишъ на небеса мольбы свои вознесъ;

На вѣтвяхъ пальмовыхъ повѣшены богаты

Оружья плѣнныя, мечи, доспѣхи, латы,

Которыя Дудонъ, Сиріянъ, Персовъ страхъ,

Доселъ пріобрѣлъ въ щастливѣйшихъ бояхъ.

Близъ древа щитъ его съ геройскимъ одѣян-
емъ;
И доска о немъ гласитъ печальнымъ надпи-
саньемъ:
Здѣсь въ мирѣ слитъ Дудонъ . . . пришлецъ,
остановись,
Предъ прахомъ сильнаго смиренно преклонись!

Исполнивъ тако долгъ, печали посвященный,
Другъ Вѣры и Любви сталъ паки Вождь во-
енный.
Подъ кровомъ избранной дружины изъ пол-
ковъ,
Онъ дровосѣковъ шлетъ въ глубокій мракъ
лѣсовъ;
Къ дубравѣ страшной сей, сокрытой за го-
рами,
Сиріянинъ привелъ ихъ тайными спезями,
Тамъ грозны зиждутся махины противъ стѣнъ,
Тамъ хитрый умъ творитъ Солимъ страхъ
и плѣнъ. —
Кипящіе въ трудахъ другъ друга упреждающъ,
Дубравы мрачныя отъ ихъ сѣкиръ спенающъ;
Тамъ эхо дикое отъ первыхъ міра дней
Впервые слышитъ стукъ, впервые зрѣтъ
людей.
Подъ грознымъ остріемъ багрянаго булата
Падетъ высокій кленъ и сосна кудревата,
И пальма стройная и томной кипарисъ;
Съ гедерой соплешаясь, скончался нѣжной шисъ.
Пустыни дикія спарѣйшины почтенны,
Огромный древній дубъ и кедръ превознесен-
ный,
Необоримые для бурей и вѣковъ,
Лежатъ въ сырой травѣ безъ вѣтвей и ли-
стовъ.

Тамъ ратники стѣснясь, деревья тянутъ
роємъ,
Желѣзна гнется ось, скрипятъ колеса съ
воємъ;
Рабочихъ крикъ и стонъ, стукъ маловъ,
звонъ мечей
Женутъ изъ дебрей птицъ и изъ пещеръ звѣ-
рей. —

Мерзляковъ.

ВОЖДЮ ПОБѢДИТЕЛЕЙ.

О Вождь Славянъ! дерзнуть ли робки струны
Тебѣ хвалу въ сей славный часъ бряцашь?
Вездѣ гремятъ опмщенія перуны,
И мчишься врагъ, спыдомъ покрытый, вспяшь,
И съ Россомъ міръ тебѣ рукоплескаетъ! . . .
Кшо пѣнью струнъ средь плесковъ сихъ вни-
маешь?

Но какъ молчать? Я испый Славянинъ!
Я зрѣлъ, какъ ты, среди своихъ дружинъ,
Въ кругу вождей, сопутствуемъ громами,
Какъ Божій гнѣвъ, шелъ грозно за врагами!
Со всѣхъ сторонъ дымились Небеса!
Окрестъ земля отъ громовъ колебалась! . . .
Сколь мысль моя тогда воспламенялась!
Сколь дивная являлась мнѣ краса!
О сшарецъ Вождь! я мнилъ, что надъ тобою
Тогда самъ Рокъ невидимый лещѣлъ,
Что былъ сокрытъ вселенныя предѣлъ
Въ твоей главѣ, вѣнчанной сѣдиною! . . .

Сколь промыслъ вышняго неизбяснимъ!
Надменный сей не Имѣ ли былъ хранимъ?

Вотще пески Ливійскіе пылали —
Онъ путь открылъ среди песчаныхъ волнъ;
Вотще враги пучину осаждали —
Его промчалъ безвредно легкій чолнъ!
Спустилъ на брегъ — въ рукъ его корона!
Ужъ хищный взоръ съ похищеннаго прона
Вселенную въ неволю оковалъ!
Ужъ онъ Царей — рабовъ своихъ созвалъ. . . .
И возстаютъ могущіе Тевтоны,
Достойные Арминія сыны.
Неаполь, Римъ собираютъ легіоны,
Богемецъ, Венгръ, Саксонъ ополчены,
И стали въ строй измѣнники Сарматы!
Имъ нѣтъ числа! дружины ихъ крылаты!
И Нордъ и Югъ пошолъ сей наводнилъ!
Вождю во слѣдъ, а вождь ихъ за звѣздою,
Идутъ, лешатъ; ужъ все подъ ихъ стопою!
Ужъ Россъ главу подъ низкій миръ скло-
нилъ! . . .

О замыслы! о неба судъ ужасной!
О хищный врагъ! . . . и трудъ толикихъ лѣтъ,
И трупами устланый путь побѣдъ,
И мощь, и злосць, и козни. . . . все напрасно!
Здѣсь грозная судьба его ждала!
Она успѣхъ на то ему дала,
Чтобъ старецъ нашъ славнѣй его низринулъ! . .
Хвала, нашъ Вождь! едва дружины двинулъ —
Ужъ хищныхъ рать спремглавъ бѣжитъ на-
задъ!

Ихъ гонитъ страхъ, за ними мчится гладъ,
И щипъ и мечъ бросаютъ съ знаменами!
Вездѣ пуши покрыты ихъ костями!
Ихъ волны жрутъ, ихъ губитъ огонь и хладъ!
Вотще свой взоръ подвемлютъ ко спасенью!
Не узрятъ ихъ отечески поля!
Обречены въ добычу испребленью!

И будетъ гробъ имъ Русская земля! . . .
И скрылася, нашъ Старецъ, предъ побою
Сія звѣзда, сей грозный вождь къ бѣдамъ!
Какъ Божій даръ явился ты полкамъ,
И предъ твоей священной сѣдиною
Безумная гордыня пала въ прахъ!
Леши, неси за ними смерть и страхъ!
Еще ударъ — и всей землѣ свобода!
И нѣтъ слѣдовъ великаго народа!

О сколь тебѣ завидный жребій данъ!
Еще вдали трепещетъ Ошшоманъ,
А ты ужь здѣсь! ужь родины спаситель!
Уже погналъ, какъ геній истребитель,
Кичливыя разбойниковъ орды!
И рядъ побѣдъ полковъ твоихъ слѣды!
И самый врагъ, неволею гнетомый,
Твоихъ орловъ благословляетъ громы;
Ты жизнь ему побѣдами даришь! . . .
Когда жъ, свершивъ спасительное мщенье,
Свои полки опчизнѣ возвратишь,
Сколь славное тебѣ успокоенье! . . .
Уже въ мечтахъ я вижу твой возвратъ!
Передъ тобой вѣнцы, трофеи брани!
Во срѣтенье текутъ и спаръ и младъ;
Къ тебѣ ихъ взоръ! къ тебѣ подвемлютъ
длани!
“Се онъ! се онъ! сей грозный Вождь, нашъ
щипъ!
“Сколь величавъ, покрытый сѣдинами!
“Усѣйте путь спасителя цвѣтами!
“Да каждый храмъ мольбой объ немъ гремитъ!
“Да слышитъ онъ вездѣ благословенье!“
Когдажъ, сложивъ съ сѣдинъ своихъ шлемъ
И щипъ съ раменъ, ты возвратишься въ домъ,

Да вкусишь тамъ покоя наслажденье.
Сколь будетъ шокъ твоихъ преклонныхъ лѣтъ
Въ сей тишинѣ величественѣ и ясенѣ!
О! дней благихъ закатъ всегда прекрасенѣ!
Съ веселіемъ вода окрестъ свой взоръ,
Ты будешь зрѣть ликующія нивы,
И скачущи спада по скашамъ горъ,
И хижины орашая счастливы—
И скажешь: мной дана имъ тишина!
И старецъ, въ гробъ ступившій ужъ ногою,
Тебя въ семьѣ вспомняувъ съ мольбою,
Речетъ сынамъ: „мнѣ имъ сбережена
“Въ странѣ опцевъ спокойная могила!“
И скажетъ мать, любясь на дѣшей:
“Его рука мнѣ милыхъ сохранила!“
На пиршествахъ, въ спокойствіи семей,
Предъ олшаремъ, въ обители Царей,
Вездѣ, о Вождь! тебѣ благословенье!
Тебя предасъ пошомству пѣснопѣнье!

Жуковскій.

С А Д Ы.

Священные лѣса! благословляю васъ!
Ужъ къ трепету людей гремѣщій Барда гласъ
Теперь не потрясетъ волшебныхъ вашихъ
сѣней;
Одна задумчивость во мракѣ мирныхъ тѣней,
Въ уединеніи развѣсистыхъ лѣсовъ,
Одна веселая вспрѣчаетъ насъ любовь.
Вершины мрачныя! храмъ ужасовъ священ-
ныхъ,
Убѣжище пѣвцовъ, восторгомъ вдохновен-
ныхъ!

Подъ вашу тѣнь спѣшу, чтобъ нѣжною рукой
Въ васъ тѣсно сочеша убрaнство съ про-
стою;
Искусствомъ новой видъ дасть прелести при-
родной —
И вмѣстѣ сохранитъ вашъ милый видъ, сво-
бодной.

Лѣса всѣ образы гошвы принимають;
Но украшая ихъ, спрaшaишесь искажaть.
Смотрите: тамъ дpевa раскинулись шaп-
рами;
Тамъ блѣдные лучи прокрались межъ листьями;
Здѣсь свѣтъ сражается съ пріятной темно-
той;
Здѣсь чeлaми дpевa склонились надъ водой;
Здѣсь разбрѣлись онѣ, вѣшьями поaвaющъ,
Какъ будто издали другъ друга призываютъ;
Вотъ вмѣстѣ, вотъ онѣ другъ съ другомъ
обнялись —
И вдругъ какъ будто врозь опять ужъ разош-
лись.
Пpиpодa намъ урокъ прекрасный и великій!
Но образуя лѣсъ пpиpодно мрачный, дикій,
Всѣ сильныя черты пощитесь сохранить
И мѣлочныхъ убранствъ ни гдѣ не помѣстите.
Единство, полношa, да будущъ свято—чшaмы,
Да будетъ простъ, великъ сей лѣсъ необо-
зримый!
Пощитесь хитросью своею удержaть
На немъ величiя высокую печать.
Люблю сѣдые пни; хочу, чтобъ воды яры,
Шумя по рышвинамъ, свергались въ круто-
яры;
Оставьте по лѣсамъ глубокіе слѣды
И времени и бурь и вѣтровъ и воды.

Пускай меня спрашивъ видъ грозный скалъ
висящихъ,
Оставше! Пусть въ мѣстахъ, величіемъ бле-
стящихъ,
Все дышетъ дикою и гордой красотою.

Но что? Мракъ пустыни намъ ужасовъ
виной!
Сей ужасъ тайное жить въ обществѣ вле-
чение;
Воздвигните въ лѣсу вы храмъ благотворенья;
Недужный въ немъ елей, бездомный кровъ
найдетъ—
И пустыня какъ рай предъ вами разцвѣшетъ.

Бываютъ бури Царствъ, порывы тѣ на-
родны,
Въ которые гражданъ выбрасываютъ волны
На чужеземный брегъ съ береговъ отчизны ихъ;
Возможно ль не скорбѣть о несчастливцахъ
сихъ?
Ахъ! плачьте, но своей хвалитесь судьбиной;
Нѣжнѣйшей всѣхъ другихъ въ садахъ своихъ
карпиной
Конечно будите обязаны вы имъ:
Отдайте уголокъ въ лѣсу пришельцамъ симъ;
Черпогамъ хижины прошивоположите;
Страннопріимствомъ лѣсъ пустынный освя-
тите.

Хвалитесь, естли къ вамъ изъ отдален-
ныхъ мѣстъ
Придутъ отшельники, несущи тяжкій Крестъ,
Которые дополь храмъ Божій украшали,
Сспраданья вольныя отъ свѣта сокрывали;

Послѣдователи Рансея и Брюно,
Для настоящаго умершіе давно,
Между раскаяньемъ и сладкимъ упованьемъ,
Въ міръ лучшій, въ горній міръ устремлены
вниманьемъ.

Молиште сихъ отцовъ—и дайте тихой кровъ.
Симъ гражданамъ небесъ подъ сѣнію лѣсовъ.

Молва расскажетъ въ слухъ о жилиществѣ
пришельцовъ:
Со всѣхъ сторонъ толпы женъ, старцовъ и
младенцовъ
Святыхъ гостей туда придутъ посѣтитъ;
Богаство нищету придетъ навѣститъ;
Веселье муки зрѣтъ, гордыня зрѣтъ смиренье.
Вы сами, любя лѣсовъ уединенье,
Чертоги пышные оставите для нихъ:
Придете сладкой миръ вкуситъ въ бесѣдѣ ихъ;
Разочаруете здѣсь сердце обольщенно,
Мечтамъ и суемъ мірской поработченно;
Міръ низокъ будетъ вамъ—тамъ воздухъ за-
раженъ
Дыханіемъ страстей—вашъ лѣсъ для васъ
священъ;
Тамъ познакомитесь съ суровымъ воздержань-
емъ
Пустынножителей, и съ вѣчнымъ ихъ мол-
чаньемъ;
Тамъ покаяніе, чуть движуще рукой,
Васъ встрѣтитъ съ заступомъ, въ одеждѣ
гробовой;
Оно заранѣ могилу изрываетъ,
И смерти не спрашась, ее предупреждаетъ.

Сходящу благодать почувствуетъ земля!
За радость вашихъ дней, за жатву, за поля,

Воздѣшны руки ихъ къ Правителю вселенной —
И Богъ, моливъ внявъ безмолвной и усердной,
Небесной милосши прольетъ на васъ лучи.
Когда жъ зашеплются надгробныя свѣчи,
И ночи тишина обширная прервется,
И всенощной мольбы на небо понесется
Перерываемый, протяжный, тихій гласъ,
Быть можетъ гимны ихъ распрогаютъ и
васъ;
Завидую слезамъ, прольете слезы сами
Передъ Христовыми Святыми олшарями;
И тѣломъ на землѣ, а духомъ въ небесахъ,
Возжете ѳиміамъ хваленія въ сердцахъ —
И облеснетъ воспоргъ ликъ иноковъ молящій.
Тогда лѣсъ приметъ видъ не столь уже гро-
зящій:
Необитаемость его вы населивъ,
Умѣря ужасы, безмолвье ожививъ,
Вдругъ наслаждаетесь лѣсовъ очарованьемъ,
И щастьемъ добрыхъ душъ — святымъ благо-
дѣяньемъ.

Воейковъ.

КЪ ЮЛІИ.

Ахъ, Юлія! за чѣмъ прелестный, нѣжный
взглядъ
Въ суровой обращать, и мрачной такъ ка-
заться?
Напрасно, Ангелъ мой! тебѣ лишь улыбаешься
И сердцемъ находишь тѣмъ радостей, оспрадь!
Весна цвѣтущая должна ли быть унылой?
Должна ли милая желать угрюмой быть?
„Но грусть, тоска.“ — О чемъ грустишь,
Иль жизнь свою считаешь постылой?

Довольство, счастье — все вокруг тебя цвѣ-
тешъ!
Сама прекрасна — Чтожъ? чего желать оста-
лось?
Твой милый здѣсь, съ тобой — тобой одной
живешъ,
И Небо васъ любитъ еще не отказалось.

О будущемъ тебѣ ль мечтать?
Заря румяная день ясный предвѣщаетъ!
И кто любя, любимъ, томъ болѣе не знаетъ,
Какъ настоящимъ жить и время забывать;
Не знаетъ, кромѣ наслаждений,
Улыбки радостной и сердца восхищений.
И такъ, мой другъ! утѣшь меня,
Дополни всѣ мои желанья:
Дай видѣть мнѣ всегда тебя
Безъ тѣни, признака сраданья!
Спокойствіе души твоей
Есть радость для меня и долгъ любви моей.
Волковъ.

КЪ СЕСТРѢ МОЕЙ.

Когда, мой другъ, опять съ тобою,
Дорожный бросивъ посохъ свой,
Я нѣжной обнимусь рукою
И водворюсь въ странѣ родной?
Ужъ много лѣтъ прошло разлуки,
Давно твоей другъ осиротѣлъ,
Неуслаждены сердца муки
Ни чей не облегчалъ раздѣлъ!
Когда опять съ восторгомъ встрѣтишь
Ты мой нечаянный приходъ,

И на лицѣ моемъ примѣшишь
Слѣды печалей и заботъ?
Лѣта ужъ много измѣнили
И много взяли въ дань себѣ;
Одно лишь сердце пощадили
И дружбу нѣжную къ тебѣ!
Мечты сокрылися опрадны,
Ихъ грозный опытъ опогналъ,
Повѣялъ вѣтръ осенній, хладный,
И цвѣтъ весны моей увялъ! . . .
Когда наступитъ часъ желанный,
И я въ отеческомъ дому,
Въ пріютѣ дружбы, гость нежданный,
Прижмуся къ сердцу швоему?
Протекшихъ дней воспоминанье
Мы оживимъ въ душѣ своей,
И я начну повѣствованье
Моихъ въ разлукѣ текшихъ дней;
Какъ я съ бѣдами и судьбою
Боролся, силъ лишенъ своихъ —
И, услажденъ швоей слезою,
Навѣкъ изглажу память ихъ!
О другъ мой, счастливъ я заранѣ
Сей усладительной мечтой,
Уже въ пріятномъ чувствѣ обманѣ
Тебя я вижу предъ собой!
То мнился мнѣ, обвороженный,
Съ тобой по рощамъ я брожу!
Вѣщаю — и въ душѣ блаженной
Восторга словъ не нахожу!
То въ блѣдномъ вечера мерцаѣи,
Ведомый дружбой и тобой,
Иду въ задумчивомъ молчаньи
На брегъ высокой и крушой,
Гдѣ Донъ вспоившій насъ свѣшлѣетъ,
Разсплавъ далеко зыби водъ,

Гдѣ жатвой нива богашѣетъ,
Родныхъ полей обильный плодъ! . . .
Но гаснетъ ужъ заря на югѣ,
Въ шуманѣ кроюшся лѣса,
И поселянѣ поющихъ въ кругѣ
Вдали слабѣютъ голоса.
Мы тихою идемъ стопою,
Проспаясь до упреннихъ часовъ,
И провождаемы луною
Въ свой мирный достигаемъ кровъ;
Съ ея опрадными лучами
Низходятъ благшворны сны. . . .
Уже разставшись съ суешами,
Я сплю на ложѣ шишиы!
Часъ ушра! о восторгъ всегдашній!
О немъ, крылами бѣя, гласитъ
Встревожась пѣтелъ мнѣ домашній,
И сонъ отъ гласъ моихъ лешитъ!
Подъ перлами росы блестящій
Открытъ предъ мной зеленый лугъ,
И рогъ звучитъ спада будящій,
И волъ взревѣлъ впряженный въ плугъ!
Любовь швоя своимъ привѣтомъ
Идетъ меня предупредишь. . . .
Я съ бурнымъ распросился свѣтомъ!
Даю зарокъ для дружбы жить!
Но что! швой призракъ удалился,
За нимъ мечтаній рѣзвыхъ рой:
Къ землѣ печальный взоръ склонился,
И я опять одинъ съ шоской!
Томлюсь, Форшуну рабъ слѣпый;
Безъ наслажденья шрачу дни,
И блага промѣнялъ прямыя
На ложны призраки одни!

Мой другъ! счастливаго возвраща
Когда на родину дождусь,
И предъ домашняго Пената
Съ смиренной жертвою явлюсь? . . .

Милоновъ.

СТИХИ Г-же СЕМЕНОВОЙ.

Природа на тебя дары всѣ излила;
Ученье, вкусъ, примѣръ, тебя образовали;
Чувствительность свой даръ сердца плѣннѣ
дала ;

А милы Граціи сестрой своею назвали!
Разсыпали вокругъ тебя цвѣты свои,
И, будь единственной, сказали.

Семенова! сбылись слова сіи.

Ты гордость, красота и слава Россіи сцены;
Ты утѣшеніе чувствительныхъ сердецъ!

Прими жъ отъ Мельпомены
Неувядаемой безсмертія вѣнецъ!

Вельяшевъ.

МОЛОДОЙ ЭПИКУРЪ.

Повеселимся, другъ мой милый!
Пусть радость будетъ намъ подругой цѣлый
день!

Онъ нашъ. . . но онъ мелькнетъ какъ тѣнь.
А завтра! какъ узнашь? Быть можетъ ночь
могилы

Защмитъ зарю счастливыхъ дней.

Но что бы ни было, мы смерти не спра-
шимся,

Съ улыбкой на устахъ въ свѣтъ новый пресе-
лимся,
И шамъ, въ раю тѣней,
Съ тобою вѣчною любовью насладимся
И спанемъ поджидашь къ себѣ своихъ друзей!
Дополъ прочь отъ насъ печали
И зависть мрачная съ блѣднѣющимъ лицомъ! .
Чтобъ гордость, суета дороги къ намъ не
знали,
И для заботъ всегда нашъ былъ затворенъ
домъ!
Навѣки прочь отъ насъ и славы призракъ
льстивый!
Нѣтъ, лучше пусть текуть, безпечностью
щасливы
Дни наши, какъ ручья скользятъ струи лѣ-
нивы
По нивамъ, по лугамъ, едва журча въ цвѣтахъ,
Потомъ невидимо теряясь въ пескахъ.

..... В.....

НЕВИННОСТЬ.

О первыхъ дней краса! Невинность дорогая!
Блаженъ, кто любитъ, чтитъ тебя!
Блаженъ, кто, жизни путь тернистый про-
шекая,
Соблазнамъ не ввѣрялъ себя!

Намъ твой являетъ видъ, притворства,
мрака чуждый,
Любезной, крошкой ручеёкъ,
Подъ тѣнью древъ густыхъ, безъ пышности,
безъ нужды,
Спокойно, скромно льющій токъ.

Не знаетъ бури онъ, не знаетъ преволненій
Мольбы не внемлетъ онъ пловцовъ;
Не носитъ на себѣ земли произведеній;
Не зрѣтъ по берегамъ градовъ!

За то и никому вреда не причиняетъ,
Всегда доволенъ самъ собой;
По низкимъ берегамъ цвѣточки оживляетъ,
■ богащѣ луга правой.

Какъ вѣрный онъ сосѣдъ, для древъ, пали-
мыхъ жаромъ,
Своихъ сокровищъ не щадитъ;
Семейства Папріархъ, игривыхъ рыбокъ да-
ромъ
Онъ кормитъ, веселитъ.

Свободенъ, воленъ, быстръ, онъ вѣтровъ не
спрашится,
Не знаетъ прихотей, зашѣй;
Природы вѣрный сынъ, безъ ропоша капишся
Къ мѣстѣ, назначенный онъ ней.

Онъ извивается . . . не хитроспью водимый,
Какъ льстецъ вельможъ передъ лицомъ;
Онъ вьется здѣсь и тамъ, чѣмъ жаждою
помимымъ
Подашь оспраду шварямъ всѣмъ.

О счастье сладкое! о радость неизмѣнна!
Невинность! что сравнишь съ тобою?
Какими благами богата вселенна
Купишь возможешь швой покой?

Щасливецъ въ хижинѣ, Небесная, съ тобою
Всея природы властелинъ;

Въ безвѣстности великъ, доволенъ самъ со-
бою,
Въ уединенъи не одинъ.

Навѣшны злобнаго и сильнаго гоненье
Его ни мало не спрашишь;
Онъ въ совѣсти своей находитъ утѣшенье,
Когда судьба его разишь!

Въ кругу своихъ родныхъ, онъ съ книгой или
съ лирой
Сшократъ щасливѣе Царей;
Не лъзя отъ горестей закрыться и порфи-
рой;
Богатъ онъ въ бѣдности своей.—

Хранишель—Ангелъ нашъ! просири свой щипъ
надъ нами!

Спезею мирной насъ веде!
Нашъ разумъ озаряй небесными лучами,
И заблужденья упреди! . . .

Посли смиренъе намъ, любовь, доброшу, силы
Желанъя дерзки укрощашь;
Сподоби, Крошкая, и на краю могилы
Твои намъ радости вкушашь!
Сергей Чаплинъ.

КЪ ДЕЛІЮ.

Умѣренъ, Делій, будь въ печали,
И въ щасіи не ослѣпленъ:
На мигъ намъ жизнь Безсмершны дали;
Всѣмъ пущъ къ Тенару проложенъ.

Хопябѣ заботы насѣ помили;
Хопябѣ Токайское вино
Мы, нѣжася на дернѣ, пили:
Умремѣ—такѣ Діемѣ суждено.
Неси жѣ сюда, гдѣ шоподѣ сѣ ивой
Изѣ вѣшъвей соплешаюшѣ кровѣ
Гдѣ блещетѣ ручеекѣ игривой
Среди излучистыхѣ береговѣ,
Вино и масши ароманшы,
И розы, дышущія мигѣ.
О Делій! годы невозвратны:
Играй, пока нишѣ дней швоихѣ
Еще у Парки подѣ персшами!
Ударитѣ часѣ—всему конецѣ!
Тогда—проси и лугѣ сѣ спадами,
И швой изѣ юныхѣ розѣ вѣнецѣ,
И соловья пріятны шрели
Вѣ лѣсу, вечернею порой,
И звукѣ паспущеской свирѣли,
И домѣ и садикѣ надѣ рѣкой,
Гдѣ мы, вѣ сіяніи Діаны,
Кругомѣ дерноваго стола,
Сшучимѣ стаканами вѣ стаканы,
И пьемѣ изѣ чистаго шекла
Вѣ винѣ унылости забвенье!
Играй! таковѣ естѣ мой совѣшѣ.
Не вѣ лѣшахѣ жизнь, а вѣ наслажденѣ!
Кто шасшѣе зналѣ, шотѣ жилѣ шпо лѣшѣ.
Пушѣ быспрымѣ, лишь бы свѣшлымѣ шпо-
комѣ
Промчатѣся дни чрезѣ жизни лугѣ;
Пушѣ смерть зайдетѣ кѣ намѣ ненарокомѣ,
Какѣ добрый, но нежданый другѣ!

Жуковскій.

НА СМЕРТЬ СЕМНАДЦАТИЛѢТНЕЙ ЭРМИНИИ.

Едва съ младенчествомъ распалась,
Едва для жизни разцвѣла
Какъ непорочность улыбалась,
И Ангелъ красотою была!
Въ душѣ ея, какъ утро, ясной
Уже раждался чувства жаръ! . . .
Но жребій сей цвѣтокъ прекрасной
Могила приготовилъ въ даръ!
И жизнь Творцу она вручила,
И взоры тихіе закрыла,
Не сѣшуща на смертный часъ!
Такъ слѣдъ улыбки исчезаетъ;
Такъ за долиной умолкаетъ
Минутный филомелы гласъ!

Жуковский.

КЪ МЕРЗЛЯКОВУ

Поэтъ, воскресившій намъ
Виргилія древняго,
Дающій и правила
И вмѣстѣ примѣры къ нимъ!
Оставь городъ суешной,
Столицу разсѣянья;
Въ деревню, въ деревню къ намъ
Укройся отъ грозныхъ бурь,
Подъ сѣнь роши липовой,
Гдѣ ждетъ соловей тебя,
Соперникъ твой въ пѣніи.
Тебѣ ли жить въ городѣ,
Тогда какъ въ Природѣ все

Цвѣтетъ улыбається?
И чѣмъ утѣшать себя
Среди толпы праздныя,
Гдѣ многихъ занятіе
Злословіе ближняго;
Гдѣ скука роскошная
Зѣваетъ отъ праздности;
Гдѣ спитъ въ пресыщеніи
Богатство лѣнивое,
Всѣ радости скучныя,
Веселости вредныя,
Всѣ ласки прихворныя,
Объятыя холодныя;
Гдѣ голосъ любви самой
Едва, едва слышится,
И гдѣ честолубіе
Въ однихъ дѣтскихъ мѣлочахъ?
Смотри какъ въ садахъ у васъ
Деревья безплодныя
Желѣзомъ обстриженны,
Искусствомъ подровненны,
Стоятъ какъ невольники,
Едва, едва изрѣдка
Листомъ одѣваются,
Едва, едва могутъ лишь
Пускать ростки слабыя;
Сравни ихъ съ высокими
Дубами, роснущими
Среди лѣса дикаго: —
Смотри, какъ подѣмлются
Главы ихъ высокія;
Смотри, разстилаются
Власы ихъ кудрявыя
Играючи съ бурями;
Ихъ корни внутри земли,
Вершины за облакомъ;

Ихъ свойство— величіе,
Удѣлъ—независимость.
Сравни; вошъ подобіе
И жишеля градскаго
И жишеля сельскаго,
Ихъ сходство, различіе! —
О, вѣрь мнѣ, что въ городѣ
И слава вседневная
Есть гробъ славы истинной.
Писатель, желая льстивъ
И нравишся публикѣ,
Блissing мгновеніе,
Теряетъ безсмертіе,
И жертвуетъ самъ собой
Воздушному призраку.
Поэты великіе,
Вольеры, Гораціи,
Любили бесѣдовать
Съ Природою— матерью.
Среди горъ заоблачныхъ
И въ царствѣ зимы сѣдой,
Гдѣ вѣтры свирѣпствуютъ,
Гремятъ громы грозные,
Ревутъ воды ярыя,
Свергаясь въ пропасти,
Въ долинахъ Швейцаріи,
Цвѣтущихъ, муравчатыхъ,
Въ прелеснѣйшемъ сумракѣ
Деревъ сѣнолиственныхъ,
Близъ хижины Дафниса,
Близъ спада Розаліи
Пѣвалъ пѣвецъ Авеля.
На грозной, крутой скалѣ,
На волны нагнувшейся,
Любилъ Демосѣенъ сидѣть,
Любилъ смотрѣть издали
На море пустынное;

Любилъ онѣ прислушивать,
Какѣ волны колышутся;
Обдумывалъ съ геніемъ
Тѣ рѣчи безсмертныя,
Вѣ которыхъ онѣ пережилъ
Аѳины и Грецію.
Подѣ сводомъ густыхъ аллей
Любилъ. Буало бродить,
Искалъ рифмы звучныя,
Творишь стихи сладкіе. —
Приди къ намъ, любезный другъ,
Встрѣчать лѣпо красное!
Ты книгъ не бери съ собой;
Здѣсь книга великая
Природы открыта намъ:
Вѣ деревнѣ не надобно
Цвѣшовъ остроумія;
Здѣсь сердце лишь надобно.
Друзья твои ждуть тебя;
Вѣ обѣщая отверстыя
Готовы прижать тебя!
Приди раздѣлишь съ нами
Не яствы сахарныя,
Не вина заморскія,
Но Русской обѣдъ простой,
Приправленной ласкою
Хозяйки привѣтливой
И дальней прогулкою.
У насъ не найдешь, мой другъ,
Ни злата, ни мраморовъ
Подѣ кровомъ соломеннымъ;
За то шы у насъ найдешь,
Чего нѣтъ давно уже
Вѣ большихъ городахъ у васъ —
Сердца ошкренные,

Свободу безпечную,
Веселость игривую. —
И что пчелъ надобно?
Цвѣты и убѣжище!

Воейковъ.

С А Д Ы.

Опливый зелени старайся замѣчать,
Чтобъ лучше цвѣтъ къ цвѣтамъ, шбнь къ
шбнямъ подбирать.
Учись тому тогда, какъ осень увядаетъ,
И томною рукой вѣнокъ свой украшаетъ:
Какой богатой видъ, величье и свѣтъ!
Багряной, ранжевой, златой и алой цвѣтъ
Льютъ велелѣпной блескъ съ сѣнистой древъ
вершины.
Но, ахъ! сей яркой блескъ предпечаетъ ихъ кон-
чины.
Въ подлунномъ мірѣ семъ равенъ судебъ за-
конъ
Для древъ и для людей: — ужь скоро Акви-
лонъ
Деревья обнажитъ своимъ дыханьемъ бур-
нымъ,
Туманъ расшелепсѣ по небесамъ лазурнымъ;
Отъ вѣтровъ хрупкой листвы въ полянахъ
зашумитъ,
Мечтателей въ саду пріятно устрашитъ
И шумомъ выведетъ изъ думы ихъ унылой;
Но разрушеніе такое сердцу мило.
Когда къ печали я судьбою осужденъ,
Воспоминаніемъ прошедшаго смущенъ,
Съ Природой горестной я горесть раздѣляю,
И въ общемъ бѣдствіи отраду получаю.

Одинъ съ тоской моей брожу шуда, сюда,
Дни юности прошли какъ сладка мечта,
И рѣзвость унесли и радости съ собою!—
О Меланхолія! приди грустнѣй со мною,
Приди не съ страшнымъ ты, нахмуреннымъ
 челомъ,
Какъ скорбь ужасная; приди въ подобьи томъ,
Какъ улыбается осенній день румяный,
Къ намъ прозирающій сквозь синіе шуманы;
Чтобы спокойствіе я видѣлъ на челѣ,
Полузакрытый взоръ, на коемъ дума въ мглѣ,
Глаза гошове печаль дѣлитъ съ друзьями
И сердце облегчить горячими слезами.

Такъ я писалъ въ душѣ печальныя мечты,
Какъ вдругъ цвѣшущіе семействами кусты
Предстали предъ меня прелестны и кудрявы.
Просише, о дубы! о кедры величавы!
Проси обширный лѣсъ! проси дремучій
боръ!

Теперь зовушъ меня и мой прельщающъ взоръ
Не гордые деревья,—кустарники смиренны.

Придише милые! приди, народъ волшебный,
Чертами нѣжными украсишь сцену намъ:—
Вы крашкой переходъ отъ дерева къ цвѣтамъ.
Когдабъ я не спѣшилъ къ предположенной
цѣли,

Вы надолго бѣ меня / ошановишь успѣли:
Съ какой гошовносшью я вамъ бы помогалъ,
Прямилъ вашъ гибкой станъ и вѣшви распра-
влялъ;

Съ какою радостью подѣ вашими шѣнями
Провелѣ бы ручейки своими я руками;
То вѣшьюи сводами, шапрами бы согнулѣ;
То лозы вокругѣ дубковѣ зеленыхѣ обогнулѣ;

И воображалъ бы зрѣшь въ картинѣ этой
милой

Эмблему красоты, соединенной съ силой.

Я ваши краски бы смѣшалъ одну съ другой,

Отъ бѣлой, розовой, до темногубой;

Разнообразилъ бы какъ можно наслажденья,

Чтобъ пресыщенный взоръ избавить упо-
мленья:

Съ зависшной ревностью и ваши бы цвѣтки,

И ваши чашечки и ваши бы верхи

Въ блистательныхъ моихъ ландшафтахъ соеди-
нились,

И Ванъ Гюйзимовы бѣ картины посыдились.

А ны, Богъ коего съ избыткомъ наградилъ,

Чьей власи пышные кустарники вручилъ!

Разсаживай древа съ искусствомъ имъ при-
личнымъ;

Дары ихъ раздѣляй по временамъ годичнымъ,

Чтобъ каждое въ чреду намъ дань свою несло,

И года зрѣли бѣ мы всегда въ цвѣтахъ чело.

Твой садъ по временамъ свой видъ перемѣ-
няетъ,

Что мѣсяцъ — то своя въ немъ роща разцвѣ-
таетъ;

Что рощи — то своя особая весна;

Какъ пшичка чуть мелкнетъ и пролетитъ она.

Тогда мы къ хитрости прибѣгнувъ въ огор-
ченьѣ,

Получимъ отъ нея себѣ вознагражденье;

Весной отцвѣтшія деревья и кусты

Не потеряютъ нѣмъ блестящей красоты:

Такъ Хлоя, нарядясь искусною рукою,

И въ зиму лѣтъ своей прельщаетъ красою.

Но Небо, не смотря на люшый зимній хладъ,

Не всѣхъ лишило насъ пріятностей, отрадъ;

Деревья многія одежду сохраняютъ,
Суровость вьюгъ, снѣговъ, морозовъ прези-
раютъ,
Наслѣдства не совсѣмъ зима опчуждена;
Черно-кудрявая, смолистая сосна,
И тернъ свѣтящійся, иглами вооруженный,
И лавръ божественный, сей лавръ, всегда зе-
ленный,
Отраду льютъ землѣ, за смерть Природы
мстятъ.
Смотри, какъ, съ зеленою смѣшавшись, бле-
стятъ
Коралломъ почки ихъ, плоды цвѣтутъ баг-
рянцомъ;
Всѣ краски собраны, покрыты яркимъ глян-
цомъ.
Милѣе зелень ихъ среди пусыхъ полей:
Неожиданное насъ прогаеетъ сильнѣй.
Такія дерева садъ зимній украшаютъ,
Въ тѣни ихъ въ ясный день морозы забы-
ваютъ;
Зимой, когда земля вездѣ обнажена,
Тамъ пшички въ зелени, забывши времена,
Забывши мѣстъ обманъ, порхаютъ и кру-
жашся,
Поютъ возвратъ весны и лѣтомъ веселятся.

Однако время, вкусъ, искусство и труды
Одни безсильны намъ очаровать сады;
Въ послѣдствіи на все мы смотримъ равно-
душно;
Что прежде нравилось, то послѣ будетъ
скучно;
И часто, какъ въ саду любуется чужой
Великолѣпиемъ, отдѣлкой, красотою;

Владѣлецъ онаго, средь радостей, унылой
Зѣваетъ, пресыщенъ.— Какой же тайной силой
Древа и рощицы возмогутъ привлекать,
Быть вѣчно новыми и вѣчно восхищать?
О! какъ обычаемъ Лапландцевъ я плѣняюсь,
Какъ часто мысленно въ ихъ край переселяюсь!
Умѣютъ укрощать они суровость зимъ;
Ни клену, ни дубовъ въ ихъ полѣ не узримъ;
Не вытерпятъ они мерзвѣщаго тамъ хладу;
Ель мрачная одна дана имъ на опраду;
Ель скудной зеленью въ пропашинахъ блещитъ;
Но самой мѣлкой кустъ, кошорой пощадишь
Жестокость долгихъ зимъ и лютость вѣюгъ,
мороза,
Имъ драгоцѣннѣе, чѣмъ мирты, лавръ и роза.
Тамъ дерево каждое друзьямъ посвящено,
Для друга, для отца оно посажено,
Для гостя, коего отъѣздъ ихъ огорчаетъ,
Пріемлетъ имя ихъ, и вѣчно сохраняетъ.

Похвальному сему примѣру подражай,
Деревья очаруй и садъ свой оживляй —
Счастливыи жители странъ благословенныхъ,
мирныхъ!

Не будешь у тебя тогда лѣсковъ пустынныхъ;
Безмолвныя древа намъ станутъ говорить;
Воспоминанія по рощамъ будутъ жить,
Отсутственныи друзья имъ будутъ украшеньемъ,
И сердцу съ милыми въ разлукѣ утѣшеньемъ.

Всейковъ.

Г А Р М О Н І Я.

Глаголъ таинственный Создателя міровъ!
Начало щастія, источникъ наслажденья!
Чей голосъ выразишь твои благотворенья?
Исполненна твоихъ вселенная даровъ.

Г

Гармонія! вездѣ меня ты восхищаешь! . . .
Ведешь ли въ торжествѣ свѣшилъ небесныхъ
хоръ,
Иль въ Эпиѣ пламенной народы ужасаешь, —
Или угрюмо зришь съ вершинъ кремнистыхъ
горъ;

Внимаю ли тебѣ шумящихъ водъ въ паденьи...
Въ мечтанья погруженъ, съ унылою душой,
Теряюся временъ въ сумрачномъ опдаленьи
И сладостно мирюсь съ разящею судьбой.

Являешься ли ты въ сшихіяхъ раздражен-
ныхъ,
Въ блиспаньяхъ молніи, средь грохота гро-
мовъ —
Недвижимъ, на скалахъ, вѣками разрушенныхъ,
Дивлюся, трепеща, Влассителю міровъ!

Разлуку ль колоколъ печальный возвѣщаетъ,
Въ безвѣстности самой твоей слышимъ див-
ный гласъ;
Звучишь — и слезы извлекаешь,
Наводишь грозное уныніе на насъ.

Великихъ ли дѣла Бардъ славитъ вдохно-
венный!
Зрю пламень лютыхъ битвъ на гибельныхъ
поляхъ;
Полки спираются, летятъ ожесточенны
Пушемъ честей, побѣдъ, жить въ будущихъ
вѣкахъ.

Но кропкій миръ низшелъ — жаръ бранный
погасаетъ,
Смягчившись воинъ зрѣтъ на милую, на чадъ,

Къ трепещущей груди любезныхъ прижимаетъ,
Льетъ слезы—щипъ, копье повержены лежатъ.

Кто, кто не чувствовалъ твоихъ благошво-
реній?
Гармонія! речешь—престалъ стихій раздоръ! . .
Сынъ шлѣнія, игра судебъ и заблужденій,
Подъемлетъ ко Творцу свой благодарный взоръ.

Неизбяснимая! зарею пробужденный,
Невинный селянинъ, въ палящій лѣта зной,
Съ серпомъ блистающимъ на нивѣ, утомлен-
ный —
Не чувствуетъ трудовъ—обвороженъ тобой!

Раздался тихій звукъ пастушеской свирѣли—
Гремящіе рога впорягся надъ рѣкой! . . .
Красавицы села оставивъ мирны сѣни,
Безпечно рѣзвятся въ тѣни дубовъ густой.

Сіяніемъ луны сребристой озаренны,
Вкушаютъ сладкіе дары твоихъ опрадъ;
Спокойны, безъ заботъ, тоской неомраченны,
Желаньемъ дальнихъ благъ себя не тяготятъ.

И я, узнавъ твои святыя наслажденья,
Тебѣ дни юности прелестной посвящалъ:
Щастливый, радостный, въ восторгахъ вдох-
новенья,
Я пѣснію своей свѣтило дня встрѣчалъ.

Осеннею ль порой, угрюмою ль зимою,
Пою . . вокругъ меня почіющій шуманъ;
Въ степяхъ шумящій вѣтръ, громъ, бури съ
черной мглою,
Синѣющій вдали безбрежный Океанъ.

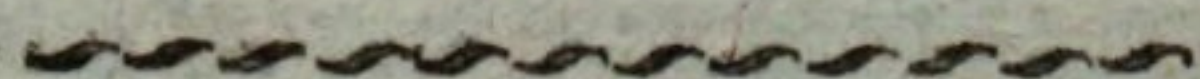
О р е л ь.

Живу на крупизнахъ, внизу внимаю громъ.

Ч и ж ь.

Лизеты грудь мой милый домъ.

Мещевскій.

НА ПЛЯСКУ Д. ВЪ ОДНОМЪ ПРЕВОС- ХОДНОМЪ БАЛЕТЪ.

Волшебствъ и красоты съ незнаемаго міра,
Не Фея-ль, отдѣлясь, предстала предо мной,
Иль Флора нѣжная, любимица Зефира,
На злачныя поля слѣпаяща весной,
Иль Нимфа свѣтлыхъ водъ, прекрасна Данаида,
За коею бѣжитъ въ восторгъ Аполлонъ,
Иль юная сама, Любви мать, Киприда,
Ефировъ звѣздной имѣющая хитонъ?
Съ сей чудной быстрой, съ сей легкостью
небесной,
Съ простыми смертными лешаетъ предо мной,
Движеньемъ правишь хоръ гармоніи прелест-
ной,
И Игры, Прелести вокругъ ее толпой!
То съ нею въ быстротѣ чуть видимой кру-
жится,
То вдругъ, недвижимые, свершивши быстрый
кругъ,
Съ лилейною рукой воздѣты усpreмашся,
Прильнувъ къ устамъ, къ груди! . . . съ сто-
пами вьюща вдругъ! . . .
Она, при громъ спрунъ, во гнѣвѣ и прещеньи,
Богини предо мной являетъ грозный видъ,
И въ выразительномъ, прощажномъ испу-
пленьи,

О нѣжности любви съ улыбкою швердитъ! —
О еслибъ я возмогъ, твоимъ владѣя даромъ,
Очарованье лишь какъ ты вокругъ себя;
Съ какимъ бы сладостнымъ, кипящимъ въ
сердцѣ жаромъ,
О дѣва юная! прославилъ я тебя! —

Милоновъ:

КЪ ЛИДЪ.

О бѣлогруда!
Все здѣсь мечта;
О черноока!
Время лепишь:
Молодость роза;
Утро ей вѣкъ.

Сладостью дышетъ;
Взоры манишь...
Вѣшеръ повѣялъ,
Листъ облетѣлъ,
Нѣтъ аромата,
Нѣтъ красоты.

Болѣ не вьются
Вкругъ мошылки;
Пчелки блестящи
Къ розѣ не льнутъ;
Стебель изсохшій
Прахомъ покрытъ.

Рдяны ланишы,
Алы уста,

Пламенемъ шикимъ
Полная грудь,
Огненны очи,
Свѣшлы власы,

Все восхищаетъ,
Лида, въ тебѣ!
Голосъ твой арфы
Сладкія звукъ;
Юноши роемъ
Въ слѣдъ за тобой.

Лида! но время
Быстро лепишь,
Все на минушу!
Роза цвѣла,
Роза увяла:
Вопъ твой удѣлъ.

Рдяны ланишы,
Алы уста
Блѣдность покроешь;
Въ томныхъ очахъ
Пламень угаснетъ;
Младость, прости!

Юноши роемъ
Прочь ошлешятъ,
Слѣдомъ за ними
Плески, хвалы,
Прелестей слава!
Горестна мысль! . . .

О бѣлогруда!
Радость моя!

Мило бытъ милой ,
Мило прельщать ;
Лида ! — милѣе
Спраспно любить !

Мірѣ безѣ любви
Слезна юдоля.
Почести, слава ,
Дымѣ безѣ нее ;
Сѣ нею шемница
Свѣтлый чертогѣ.

Ты погрузилась
Вѣ думу , вздохнувѣ !
Щеки зардѣлись
Сладостный часѣ !
Кѣ сердцу прижалась
Ты моему !

Лида безцѣнна !
Радость души !
Пусть позабудетѣ
Цѣлый насѣ мирѣ :
Ты мнѣ вселенна !
„Ты цѣлый мирѣ.“

Ивановѣ.

У С Л А Д Ѣ и В С Е М И Л А Б А Л Л А Д А .

„Радость дней моихѣ, Всемила!
„Не грусти, не плачь о мнѣ;
„Безѣ тебя мнѣ жизнь послыла
„Будетѣ вѣ дальнѣй сторонѣ.

„Не грусти! за Русь свяшую,
„За Царя, за край родной
„На Липву иду я злую;
„Скоро свидишься со мной.
„Предъ святыми Образами,
„Предъ всевидящимъ Творцемъ
„Лучше слезы лей ручьями
„О возвратѣ ты моемъ!“

Такъ прощаясь со Всемилой,
Говорилъ Уладъ молодой.
„Ахъ! могу ль расстаться, милой,
„Безъ тоски, безъ слезъ съ тобой?“
Золото кольцо снимала
Тутъ она съ руки своей,
Другу на руку вздѣвала,
Чтобы помнилъ онъ объ ней.
„Можетъ быть, давно могила
„Ждетъ тебя въ странѣ чужой!
„Знай, не будетъ жить Всемила;
„Свѣтъ ей милъ однимъ тобой!“

Время мчится, пролетаетъ;
Объ Уладѣ слуха нѣтъ;
Дни Всемилы скорбь снѣдаетъ;
Ей прошивенъ бѣлый свѣтъ.
Друга ждетъ назадъ всечасно,
День и ночь объ немъ груститъ;
Ожиданіе напрасно!
Ахъ, надежда тщетно льститъ!
Не спѣшитъ Уладъ къ Всемилѣ;
Вѣсти къ дѣвицѣ не шлетъ.
Не уже ли онъ въ могилѣ?
Не ужель покинулъ свѣтъ?

Чѣмъ разгнать печаль и скуку?
Сердцу гдѣ найши покой?—
Получишь Всемилы руку
Вотъ пріѣхалъ Князь молодой.
Злапо, шкани дорогія
И каменья ей дарить.
Будь моею! дни злые
Потекутъ для насъ—твердишь.
Долго слушать не хотѣла
Словъ, гдѣ лести ядъ былъ скрытъ;
Быть измѣнницей робѣла;
Наконецъ—Усладъ забылъ!

Гдѣ, Всемила, обѣщанья?
Гдѣ хранитель-ангелъ твой?
Часъ разлуки, часъ свиданья,
Позабыто все тобой!
Ахъ! но что съ Усладомъ будетъ?
Онъ любви не измѣнитъ,
Долгу клятвы не забудетъ,
Вѣрность къ милой сохранитъ.
Страшно въ гнѣвъ Богъ караетъ,
Имъ возженъ въ насъ огонь любви;
Богъ измѣнницъ не прощаетъ,
Гнѣвъ свой тушитъ въ ихъ крови.

Вѣсть достигла до Улада
(Вѣрный другъ ее принесъ);
Смерть одна ему опрада!
Молишь смерти отъ Небесъ.
Небеса моленью вняли
(Знашь оно достигло ихъ);
Смерти Ангела послали
Разрѣшишь отъ узъ земныхъ.

Въ цвѣтѣ дней Усладѣ, средѣ боя,
Жизнь опчизнѣ въ дарѣ принесѣ;
Въ землю скрыли прахѣ Героя,
И никто не пролилѣ слезѣ.

Вотѣ Всемила съ новымѣ другомѣ
Брачный празднуетѣ союзѣ;
Всѣ желаютѣ ей съ супругомѣ
Легкихѣ и пріятныхѣ узѣ.
Алый сокѣ драгій струится
Въ чашахѣ серебряныхѣ, златыхѣ;
На ланишахѣ радость зрится,
Пьютѣ здоровье молодыхѣ.
Вдругѣ во храмину вступаютѣ
Вишязѣ — взорѣ сокрытѣ его.
Какѣ ни просятѣ, не снимаютѣ
Вишязѣ шлема своего.

Онѣ кольцо вручилѣ Всемиль,
Страсши пламенной залогѣ.
„Торжествуй! Усладѣ въ могилѣ;
„Но измѣну видитѣ Богѣ!
„Спятѣ въ Его десницѣ громы;
„Но онѣ злыхѣ готовѣ каратѣ!“
Рѣчь и поступѣ ей знакомы,
Проситѣ шлемѣ пернатый снятѣ.
Долго вишязѣ не рѣшался
Скинутьѣ шлемѣ съ главы своей;
Наконецѣ повиновался —
Чтожѣ предсшавилось предѣ ней?

Зритѣ Услава — изѣ могилы
Онѣ возсталѣ. (О спрашный видѣ!)
Стынетѣ въ жилахѣ кровь Всемилы,
Громѣ ужасный въ слухѣ разитѣ:

„Ты моя! ничто на свѣшѣ
„Насѣ не можешѣ разлучить!“
Такѣ Всемилы дней во цвѣшѣ
Прервалася жизни нишѣ. . . .
Ахѣ, красавицы! учишесѣ
Клятвы данныя хранишѣ;
Измѣняшѣ любви спрашишесѣ;
Есть Творецѣ, готовый мстишѣ!

Граматынѣ.

ПРОСТИ — КЪ МОЕЙ РОДИНѢ.

Проси въ послѣдній разѣ, родимая дубрава,
Злашая колыбель невинности моей! . . .
Гдѣ дружба, гдѣ любовь, гдѣ милая забава
Мнѣ улыбалися весеннею зарей! . . .

Проси, священный дубѣ, краса долины ро-
димыхъ,
Свидѣтель радостей питомца твоего! . . .
Увы! онѣ ихъ лишенѣ! лишенѣ сихъ дней ща-
сливыхъ!
Лишь горестѣ мѣршвая осталась для него! . . .

Уже твой нѣжный другѣ, сужденный злой
судьбою
Лишь слезы сиротства на чуждой сторонѣ,
Не будетѣ болѣе съ вечернею зарею
Бесѣдовать съ шобой въ безпечной тишинѣ.

И въ полночь — мѣсяца въ задумчивомѣ мер-
цанѣ,
Страдалецѣ не придетѣ подѣ твой священный
кровѣ,

Своихъ печальныхъ чувствъ въ сердечномъ из-
ліяньѣ,
Почтишь слезой любви могильный холмъ оп-
цовъ.

Прости родной ручей, Природы сынъ сми-
ренный!
Полей надежный другъ — котораго кристаллъ,
Порывомъ дерзостнымъ злыхъ буръ невозму-
щенный,
Мнѣ образъ ясныхъ дней щастливца представ-
лялъ! . . .

Увы! прошли тѣ дни невинности щастливой,
Когда я на швоихъ шѣнистыхъ берегахъ
Сидѣлъ въ мечтаніяхъ подъ дремлющею ивой,
И горестный мой взоръ блуждалъ въ швоихъ
струяхъ! . . .

Когда спѣшилъ на холмъ, въ святомъ благо-
говѣньѣ,
Въ часъ ушра золотой привѣтствовать зарю,
И слезы тихія, въ сердечномъ умиленъѣ,
Съ мольбою возсылашь вселенныя къ Царю! . .

О время радостей, о время наслажденій!
Почто промчалось ты съ такою быспрошой? . .
Почто лишился я тѣхъ милыхъ заблужденій,
Въ которыхъ щастливъ былъ невинною меч-
той? . . .

Простите, мирныя опцовъ моихъ долины!
Прости и ты на вѣкъ, уединенной лѣсѣ —
Гдѣ тлѣетъ милый прахъ безцѣнныя Алины! . .
Гдѣ часто проливалъ я рѣки горькихъ слезъ! . .

Другъ сердца моего! кто съ свѣтлою весною,
На гробъ твой первую фіалку принесетъ?
Кто дружбы и любви чистѣйшею слезою
Угаещій пепелъ твой изъ пѣльня воззоветъ? . .

Теперь печальныхъ чувствъ въ разстроен-
ной свободѣ,
Сужденный навсегда оставить край родной,
Пришолъ послѣднее прости сказать Природѣ,
Чтобъ встрѣшить первую луну въ странѣ
чужой,
Семенъ Филимоновъ.

ВАКЛИЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

Други! намъ вожди прямые
Къ храму славы и наукъ —
Леля стрѣлы золотыя,
Рюмокъ звонъ и стукъ!

Дайте жъ, други, мнѣ Лилешу,
Иль Шампанскаго бокаль!
Съ ними весело Поэту,
А безъ нихъ — пропалъ!

Дайте то, или другое!
Съ милой счастливы безъ вина;
А безъ милой — выпью вдвое,
Втрое, все до дна!

Кто усердно выпиваетъ,
Кто и любитъ и любимъ;
Тотъ безсмертіе стяжаетъ;
Честь и слава съ нимъ!

Расцвѣтшая роза чрезъ мигъ исчезаетъ;
Не долѣ у Лиллы зефиръ лобызаетъ,
И лиліи персей и розы ланишъ,
И въ страсти другъ сердца къ нимъ взоры
стремитъ!

Мы также какъ роза мгновенны бываемъ,
Не долѣе зрѣемъ — скорѣй опцвѣтаемъ;
Добыча злой Парки ужъ многіе дни,
Томленіе сердца, ушраша любви.
Съ вѣнкомъ увядаетъ чело имъ увишо,
Мы зримъ, что проходитъ; что будетъ — со-
крыто!

О Лилла! ужъ тѣни не ищетъ въ дубравѣ,
Ни агнецъ, рѣзвяся въ невинной забавѣ,
Ни серна прохлады въ ущелинахъ горъ,
Съ днемъ каждымъ въ долинахъ шѣряетъ нашъ
взоръ

Фіалки и розы, полей украшенье;
То смолкнетъ пернашихъ, что слышится
пѣнье;

Въ лѣса опустѣвши вновь придетъ весна:
Но юность другая для насъ не дана!
Ничто не наполнитъ грудь въ скорби оп-
цвѣтшу,
Ничто не ворошитъ любовь оплещѣвшу!

О Лилла! доколѣ не все опцвѣло,
Вѣнкомъ ароматнымъ украсивъ чело,
Власы распустивши, какъ розы душисты,
На полныя груди, на перси волнисты,
Прижмися, лилейной рукой оплещясь,
Ты къ другу, устами съ устами слѣпясь —
Пусть духъ восплаетъ любовью объятый!
Пусть грозное время къ намъ мчится съ за-
катомъ,

И дни передъ нами какъ стрѣлы летятъ!
Любви наслажденья намъ все замѣнятъ.
Въ ней жизни вся сладость, въ ней счастье
природы,
Минута съ ней по жѣ, что цѣлые годы.

Милоновъ

МОЕ МЕЧТАНІЕ ВЪ НОЧЬ ОСЕННЮЮ.

Зари я вижу просвѣтъ милой;
Я слышу свѣжій вѣтерокъ.
Гдѣ жъ ты, давнишній мой дружокъ,
Съ твоей гармоніей унылой?
Проснись, молчавшая давно,
Проснись прелестница драгая,
Подруга, арфа золотая!
Присѣвъ въ часъ ночи подъ окно,
Хочу игрой твоей волшебной
Въ воспоминанье незабвенной
Свой духъ унылый усладить,
И мракъ окрестный оживить!
Зови ко мнѣ мою супругу
Изъ хладныхъ нѣдръ зимы сырой,
Да прежнюю мою подругу
Узрю въ красѣ ея земной.

О радость! . . . Зефиръ повѣваетъ!
Святой я шепетъ ощутилъ!
Не твой ли духъ съ небесъ слезаетъ,
Сожитель крошкой горнихъ силъ!
Явился мнѣ, душа небесна!
Въ сіяньи Ангела любви,
Шепни: люблю, . . . слова прелестны! . . .
И другомъ сердца назови! —

Не пылъ . . . и въ звѣздочкѣ сребристой,
Не твоей ли слѣдъ, сей слѣдъ огнистой,
Что взоръ мой на небѣ ловилъ?
О! — сколько духъ мой ни унылъ —
Едва увижу взоръ небесный,
Услышу голосъ твой прелестный,
Что ты мой другъ, — и что не вѣкъ
Въ нещастьяхъ спраждемъ человекъ,
Что рано ль, поздно ль, но съ тобою
Я буду жить одной душою:
Утѣшенъ я въ единый мигъ,
И нѣтъ ужъ слезъ въ глазахъ моихъ!

И въ видѣ бабочки прекрасной
Не пылъ къ свѣшльнику леишь?
Леи, спѣши къ душѣ нещастной,
Ты въ ней надежду возродишь:
Надежду, что въ предѣлахъ вѣчныхъ
Безсмертіе она найдетъ
Съ тобою, и въ узахъ безконечныхъ
Союзъ нашъ тлѣнной оживетъ. —
И лучъ, что въ густотѣ древесной
Опъ полная луны скользилъ,
Не твоей ли взоръ — твой взоръ прелестной
На лирѣ струны осребрилъ? . . .
Чужь медлишь, милая супруга!
Явися въ образъ своемъ,
Мой благодѣтель, другъ, подруга
Въ ничтожномъ, мрачномъ мірѣ семъ!
Мой Ангелъ — тамъ, гдѣ все неслѣнно,
Все свято, вѣчно, неслѣнно,
Душа твоя и красота. . . .
Гдѣ жизнь есть жизнь — а не мечта.

НАДПИСЬ НАДЪ ГРОБОМЪ МОЛО- ДОЙ ПАСТУШКИ.

Подруги юныя! въ безпечности игривой
Подъ плясовой напѣвъ вы рѣзвитесь въ лу-
гахъ!
И я, какъ вы жила, въ Аркадіи счастливой,
И я на утрѣ дней въ цвѣтущихъ сихъ поляхъ
Всѣ радости вкусила.
Любовь въ мечтахъ злыхъ мнѣ счастье су-
лила.
Но чтожь осталось мнѣ, пастушки, въ сихъ
мѣстахъ? . . .

Могила! —

Б.

ПАДЕНІЕ ЛИСТЬЕВЪ. ЕЛЕГІЯ.

Разсыпанъ Осени рукою
Лежалъ поблекшій листъ кустовъ,
Зимы предпеча, страхъ съ тоскою,
Умолкшихъ прогонялъ пѣвцовъ.
Болѣзною, скорбью ошягченный,
Собралъ остатокъ слабыхъ силъ,
Въ мѣстахъ сихъ юноша сраженный;
Еще въ послѣдній разъ бродилъ,
„Въ швоемъ, о роща, опустѣньи
Я зрю плачевный жребій мой,
И каждого листа въ паденьи
Я вижу смерть передъ собой!
О Эпидавра прорицатель!
Ужасный швой мнѣ внятенъ гласъ: —
„Долинъ опцвѣтшихъ созерцатель,
„Ты здѣсь уже въ послѣдній разъ!

„Твоя весна скорбѣй промчится,
„Чѣмъ пожелтѣетъ листъ въ лугахъ
„И съ стебля сильный цвѣтъ свалится!“... —
И — гробъ отверстъ въ моихъ очахъ!
Осени вѣтры возшумѣли
И дышутъ хладомъ средъ полей,
Какъ легкій призракъ улетѣли
Златые дни весны моей!
Вались, валися листъ мгновенный!
И скорбной матери моей
Мой завтра гробъ уединенный
Сокрой отъ слезныхъ ты очей!
Когдажъ къ нему съ тоской, слезами,
И съ распущенными придетъ
Вокругъ лилейныхъ плечъ власами
Моихъ подруга юныхъ лѣтъ,
Въ безмолвьи осени угрюмомъ,
Какъ станетъ помрачаться день,
Тогда буди ты легкимъ шумомъ
Мою утѣшенную тѣнь!“...
Сказалъ — и въ пушь свой успремился;
Назадъ уже не приходилъ:
Послѣдній съ дерева листъ сронился,
Послѣдній часъ его пробилъ.
Подъ дубомъ юноши могила.
Но съ скорбію въ душѣ своей
Подруга къ ней не приходила;
Лишь пасырь, гость нагихъ полей,
Порой вечернія зарницы,
Гоня сѣмьяду свою съ луговъ,
Глубокой миръ его гробницы
Тревожитъ шорохомъ шаговъ.

Милоновъ.

КЪ ПОЭЗІИ.

Чудесный даръ боговъ!
О пламенныхъ сердецъ веселье и любовь,
О прелестъ тихая, души очарованье —
Поэзія! съ тобой
И скорбь, и нищета, и мрачное изгнанье —
Теряющъ ужасъ свой!
Въ тѣни дубравы надъ потокомъ,
Другъ Феба, съ ясною душой,
Въ убогой хижинѣ своей,
Забывшій рокъ, забвенный рокомъ —
Поемъ, мечтаешь и — блаженъ!
И кто, и кто не оживленъ
Твоимъ божественнымъ вліяньемъ?
Цѣвницы грубыя задумчивымъ брацань-
емъ,
Лапландецъ, дикій сынъ снѣговъ,
Свою шуманную опчизну прославляешь,
И неискusstvenной гармоніей стиховъ
Смотря на бурные валы, изображаешь
И дымный свой шалашъ, и хладъ и шумъ
морей,
И быстрый бѣгъ саней,
Лешащихъ по снѣгамъ съ оленемъ быстро-
ногимъ.
Щастливый жребіемъ убогимъ,
Орашай, наклонясь на плугъ,
Влекомый медленно успалыми волами —
Поемъ свой лѣсъ, свой мирный лугъ,
Возы, скрипящи подъ снопами.
И сладость зимнихъ вечеровъ,
Когда, при шумѣ вьюгъ, предъ очагомъ бле-
сщящимъ,

Въ кругу своихъ сыновъ,
Съ наипкомъ пѣиымъ и кипящимъ,
Онъ радость въ сердце льетъ,
И мирно въ полночь засыпаетъ,
Забывъ на дикія бразды пролитый потъ. —
Но вы, которыхъ лучъ небесный оживляетъ,
Пѣвцы, друзья души моей!
Въ печальномъ спранствіи минутной жизни
сей

Тернистую спезю цвѣтами усыпайте,
И въ пылкія сердца свой пламень изливайте!

Да звукомъ вашимъ громкихъ лиръ

Герой, ко славѣ пробужденный,

Дивитъ и попрыскаетъ міръ!

Да юноша воспламененный

Отъ нихъ въ восторгъ слезы льетъ,

Олшарь опечесства лобзаетъ,

И смерти за него, какъ блага, ожидаетъ!

Да бѣдный пруженикъ душою разцвѣтаетъ

Отъ вашихъ пѣсней благодатныхъ!

Но да обрушится вашъ громъ

На сихъ жестокихъ и развратныхъ,

Которые въ стыдѣ съ возвышеннымъ челомъ,

Невинность, доблести и честь поправъ но-
гами,

Дерзаютъ величать себя полубогами! —

Друзья небесныхъ Музъ! пленимся ль
суею?

Презрѣвъ минувныя успѣхи —

Ничтожный гласъ похвалъ, кимвальный звонъ
пустой —

Презрѣвши роскоши утѣхи,

Пойдемъ Великихъ по слѣдамъ! —

Спезя къ безсмертію судьбой открыта намъ!

Не остыдимъ себя хвалою

Высокихъ жребіемъ, презрительныхъ ду-
шою, —

Дерзнемъ достойныхъ увѣнчать!
Любимцуль Фебову за призракомъ гоняшься?
Любимцуль Фебову во прахъ пресмыкаешься,
И униженіемъ Фортуну обольщаешь?
Потомство раздаетъ вѣнцы и посрамленье:
Дерзнемъ свой мавзолей въ олтарь преобращать!

О слава, сердца восхищенье!
О жребій сладостный въ любви потомства
жить!

Жуковский.

ПРИ ВСТРѢЧѢ ВЕСНЫ.

Сердце сжатое тоскою,
Слило всѣ въ одинъ предметъ.
Цѣль одна ему къ покою,
Тамо — на краю суешъ.

Тамъ, гдѣ слабому сильнѣйшій
Не счисляетъ своихъ правъ;
Тамъ, гдѣ Нерона любѣйшій,
Ярый укротился нравъ.

Гдѣ за деньги не обидятъ,
Не черпятъ земель въ куски.
Изъ чего ихъ домъ не видятъ,
Изъ мешалла иль доски.

Не гремятъ гдѣ цѣпи рабски
И не брызжутъ слезы — кровь.
Гдѣ не носятъ съ видомъ ласки —
Въ сердцахъ ядъ — въ глазахъ любовь.

Гдѣ вельможа спрогимъ вздядомъ
Сстраха въ душу не прольетъ;
Тихо-кропко, съ нищимъ рядомъ
Спитъ какъ братъ. — Гдѣ власть минетъ.

Крестъ на шеѣ — звѣзды, лента,
Гдѣ разсудковъ не темнятъ,
Графа — пастуха — Агента
Времена гдѣ прахъ смѣсятъ.

Гдѣ мечты покой не рушатъ,
Сстраши сердца не помятъ:
Не палятъ его — не сушатъ;
Гдѣ все спитъ — и страши спятъ.

Я завидую покою
Для меня его, ахъ! нѣтъ:
Сердце сжащенное тоскою,
Слило все въ одинъ предметъ.

Вѣютъ ли кругомъ Зефиры,
Травки ль ароматы льютъ,
Звуки ли согласной лиры
Нѣжны тоны издаютъ.

Иль любимицы прироры
Вѣрные друзья съ весной,
Дѣти счастья, свободы,
Пшички вьются надо мной.

Песстра ль бабочка летаетъ;
Рыбаль плещетъ изъ волны;
Солнце ль надо мной сіяетъ,
Или крошкѣй лучъ луны.

Рѣчка ль тихо протекаетъ,
Иль блеснитъ въ кустахъ роса.
Или въ шеръ завываетъ,
Съ трескомъ въ низъ клоня лѣса.

Черны ль тучи разовьются:
Грянетъ громъ — померкнетъ свѣтъ.
Съ градомъ ли дожди прольются,
Гнѣвъ въ нихъ творческій блеснетъ.

Я смотрю холоднымъ окомъ
Съ равною на все тоской,
И убитый злобнымъ рокомъ,
Духъ вездѣ помишся мой.

Вся природа оживилась;
Жизнь весна всему дала;
Я лишь съ жизнью простилась,
Я , живая умерла.

Время мощною рукою
Изцѣлишь ли раны? — Нѣтъ!
Сердце сжатое тоскою
Слило все въ одинъ предметъ.

Бунина.

НА ДГРОБНАЯ Г. С.

Кто съ миромъ разлучась, лишь прахъ свой
Ев немъ оставилъ,
Пусть лещъ надгробія тому писать велишь:
Дѣлами жъ кто себя великими прославилъ,
О томъ не мраморы — безсмертье возвѣститъ.

С. Родзянка.

С А Д Ы.

Въ картиѣ дѣйствіе пошребно — безъ того
Задремлетъ праздный умъ: оно душа всего.
На мертвыя поля взираемъ мы безъ чувства;
Опять возмемъ въ примѣръ изящныя иску-
ства,

И спанемъ замѣчатъ, какъ живописца кисть
Одушевляетъ холстъ, вливаетъ въ краски
жизнь.

Предметы движутся на молотѣ недвижимъ:
Тамъ вихрь ломаетъ лѣсъ въ стремленіи по-
рывномъ,

Вотъ вьется дымъ изъ трубъ, тамъ слышенъ
буря вистъ,

Тутъ овцы съ яблони ошипываютъ листъ,
Тамъ пляски пастуховъ, свирѣли, хороводы:
Вотъ жизнь, вотъ дѣйствіе! съ согласія при-
роды

Садите и кусты и гордые древа;
Пусть колыхается отъ вѣтра ихъ глава;
Прохладную ихъ тѣнь въ садахъ святыней
чтите,

Желѣзу оскорблять природу запрешите;
Она творитъ и дубъ и вязъ красой лѣсовъ;
Отъ корня до сучковъ, отъ вѣтвей до ли-
стовъ,

Все гибче, гибче ихъ она образовала,
И рощу, какъ рѣку отъ вѣтра, взволновала.
Я зрю невѣжество съ сѣкирою въ рукахъ. . . .
Бѣгите Нимфы рощъ! нѣтъ помощи. . . .
о страхъ!

Неумолимые срубили верхъ красивый. . . .
Не видно, не слышатъ какъ вѣтерокъ игривый

Перебирается сквозь вѣтвей ихъ, жужжитъ,
И нѣгой утомясь, на ихъ листочкахъ спитъ;
Однообразные, бездушные, холодны,
Желѣзу дерева содѣлались подобны.

Видъ сельской есть ландшафтъ: пусть гор-
дый лѣсъ шумитъ,
Пускай струится лугъ, пускай шпротникъ
звенистъ;
Все, все бездушное въ садахъ одушевите,
И даль предметами живыми населите.
Пусть водопадъ ревѣтъ, пускай журчатъ ключи,
Пусть вьются по травѣ игривые ручьи.
Все живо! синій лугъ, уступы горъ съ кус-
тами,
Пестрѣютъ, движущаяся, красуются стадами.
Я вижу, тамъ коза на крутизнахъ скалы,
Виситъ на воздухѣ межъ неба и земли;
Я слышу ревъ быковъ, овецъ, ягнятъ блеянье,
Зыкъ рога по горамъ и эха хохотанье.
На жирной пажити, гдѣ ключъ съ холма бѣ-
житъ,
Колѣна подогнувъ дебелый быкъ лежитъ;
Межъ тѣмъ какъ гордый конь; спротивый,
разъяренный,
Трезубцемъ бога водъ для браней порожденный,
Играетъ вокругъ него бодръ, легокъ и красивъ;
Или бѣжитъ къ рѣкѣ — и съ размаху вскочивъ,
Струи знакомыя съ храпениемъ возмущаетъ;
Иль гриву длинную по вѣтру распускаетъ,
Къ любовницамъ своимъ на пашву онъ ле-
житъ;
Трясется тучный лугъ отъ топота копытъ;
Глаза его горятъ и дымъ съ ноздрей клубится;
Лешитъ — исчезъ — но взоръ мой въ слѣдъ за
нимъ стрѣмится.

Такъ вы безмолвное пространство населя,
Одушевили все: пусшынныя поля,
Дубравы мертвыя въ шуманномъ опдаленьѣ,
Все ожило у васъ, и все пришло въ движеніе.

Желаешь ли ты взоръ сильнѣй очаровать?
Умѣй движенію свободы видъ придашь;
Вопъ мой совѣтъ: границъ не означай ты
саду;
Сломай, или хитрѣй закрой его ограду:
Предѣлъ прекраснаго мой глазъ съ печалью
зришь;
Гдѣ зрѣнью нашему надежда ужь не льститъ,
Очарованіе и прелестъ исчезаетъ;
Тогда несытая душа моя мечшаетъ,
Что за преградою досадныя стѣны
И виды и мѣста бытъ лучшіе должны;
Грущу, вообразя, что я цѣпями скованъ;
Тогда мой умъ смущенъ и взоръ разочарованъ.

Въ вѣкѣ грозный рыцарства былъ каждой
сельской домъ
Прикрытъ бойницами, вокругъ окопанъ
рвомъ,
И каждой предокъ нашъ стѣнами огражденный,
Чтобъ безопаснѣй жить, жилъ такъ какъ за-
ключенный.

Какую пользу намъ ограда принесетъ,
Котору создалъ страхъ, а гордость бережетъ?
Стѣнамъ, которыя стѣсняли наши взгляды,
Не лучше ль предпочесть колючія ограды,
Зеленые валы, гдѣ робкою рукой
Рвемъ розу дикую или крыжовникъ злой?
Несносно скученъ садъ стѣсненный городьбою;
Оковы разорвемъ, и смѣлою стопою

Въ свободный садъ вдохнуть свободно мы пойдемъ;

Ерменовиль для насъ послужишь образцемъ.

Сады казались встарь бесплодными полями;

Засѣяны поля здѣсь кажущся садами.

Сидяща на высяхъ, отколь обѣмлетъ взоръ

Разстланныя поля и рядъ далекихъ горъ,

Природа генію, какъ нѣжна мать, вѣщаетъ,

Черты некончанны докончатъ поручаетъ:

„Мой трудъ недовершенъ; кинь быстрый
взглядъ окрестъ,

„И будь вторымъ творцомъ сихъ вшунъ спящихъ мѣстъ;

„Ихъ отдаю тебѣ въ щастливое подданство,

„Да оживишь сіе молчащее пространство.“

Скончала — онъ лепишь въ пустынные мѣста,

Гдѣ въ мрачной дикости дремала красота;

Слегка, обрисовалъ прелестныя картины,

И осмоля луга, лѣса, холмы, долины,

Одно соединилъ, другое раздѣлилъ,

Сіе пошавилъ въ видъ, а то искусно скрылъ;

Тамъ онъ раздвинулъ лѣсъ, а сдѣсь навѣсилъ
тѣни,

И душу далъ всему; — но сей художникъ — геній,

Какъ нѣкій чародѣй, умѣя льстишь глазамъ,

Не новые шворитъ въ садахъ предметы намъ;

Онъ только старые съ разборомъ поправляетъ,

Черты природою начатыя кончаетъ.

Велишь — и мрачное стремнистыхъ горъ чело,

Лишившись ужасовъ, улыбкой разцвѣло;

Покрылися цвѣтнымъ ковромъ нески сыпучи;

Велишь — суровой видъ теряетъ лѣсъ дремучій,

И на воды склонясь въ ихъ зеркало глядишь;

Велишь — падушъ древа — открылся новый
видъ;

Ручей не ровно текъ — онъ бѣгъ его испра-
вилъ,
Прочистилъ озеро и битъ ключи заставилъ.
Велишъ дорожкамъ онъ и пропкамъ врозь
бѣжатъ,
Сходишься, путаешься, искашь, соединяшь
далеко по саду разбросанныя части,
Которыя досель невѣдомой имъ власти
Всеобладающа искусства покорясь,
Другъ съ другомъ сладкую почувствовали
связь,
И прежде чуждые — составили едину,
Великолѣпную, всецѣлую картину.

Восйковъ.

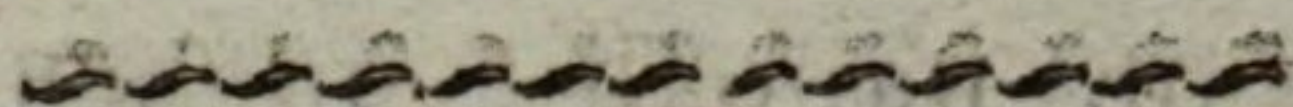
Н А С М Е Р Т Ъ Д.

Гдѣ ты, о юная подруга Терпсихоры?
Вчера ты въ торжествѣ являлась предо мной;
Вчера твои красы срѣшали жадны взоры,
Обвороженные чудесной быстрой;
Зефира легкаго и прелести и движенъе,
Цвѣтъ нѣжныя весны, сокрывшійся на вѣкъ,
Вчера срѣшала ты мой плескъ и удивленъе,
Сего дня . . . встрѣшишь гробъ я ранній твой
пришекъ! —

Когда средѣ сонма Сильфъ и рѣзвыхъ Ореадъ
Дивился твоему искусству несравненну;
Мечталъ ли, что тебя, весельемъ оживленну,
На утро окуетъ внезапной смерти хладъ?
При взглядѣ на тебя, средѣ сладкаго томленья,
Мечталъ ли, чѣмъ красы разцвѣтшія твои,
Утративъ и хвалу и тайнства свои,

И въ сердца къ людямъ отвращенье
Со дня невѣрности твоей.
Другимъ желать я предоставилъ
Любви обманчивыхъ забавъ:
Ахъ! лучше бы я жизнь оставилъ,
Заранѣ, счастья не узнавъ!

П. Л.

ПѢСНИ ИЗЪ ЕСѦИРЫ И ИЗЪ АТАЛІИ РАСИНОВОЙ.

О бѣдственной Сіонъ! гдѣ славы блескъ
твоей?

Величью твоему дивились во вселенной
Ты превращенъ во прахъ! Воспоминанье слезно
Осталось намъ одно отъ славы сей:
Сіонъ до неба вознесенный,
Теперь до ада низведенный!

О пусть безгласна я остануся на вѣкъ,
Коль въ пѣсняхъ скорби твою вѣщать когда
престану!

Я буду пѣть тебя, доколь дышать я стану.

Рыдайте вы со мной, любезныя подруги!
Да скорби нашей вопль проникнешъ въ звѣзд-
ны круги;

Дадимъ свободный шокъ слезамъ.

Введемъ свои мы взоры
Во свѣшлы, лучезарны горы,
Отколь низходитъ помощь намъ.

Въ вселенной мракъ простерся вѣчной ночи...
Израиль гибнетъ весь. Ахъ плачьте, плачьте
очи,

Ж 2

Смирятьте ярость вы разгнѣванныхъ Небесъ. . .
Громъ ярый вознесенъ надъ нашими главами.
Нѣшъ не было во вѣкѣ подъ небесами
Толь праведной причины слезъ.

О агнцы слабые, вы преданы волкамъ,
Лишь воздыханія одно оружье намъ.

Звучатъ мечи, народъ Господень избиваютъ,
Младенцевъ, старцевъ умерщвляютъ,
И брата и сестру, и мать и дочь,
Въ объятіяхъ отца тамъ сына поражаютъ.
Израилю отверзлась гроба дверь.

Вотъ груды мертвыхъ тѣлъ! вотъ члены от-
сѣченны,

И погребенія лишены!

Творецъ! священныхъ твоихъ шерзаетъ люный
звѣрь,

Ихъ тигры, леопарды пожираютъ.

Чужихъ грѣховъ несчастны жертвы!
Что пользы сѣшовать, рыдать?
Отцы творили грѣхъ, отцы во гробѣ мертвы;
За ихъ грѣхи невинныхъ насъ казнятъ.

О Богъ Израилевъ! прорцы, да будетъ день.
Ужель нашъ стонъ Тебя на милость не пре-
клонитъ?
Распоргни Ты покровъ, разсѣй ужасну тѣнь,
Да блескъ лучей Твоихъ печальну ночь про-
гонитъ.

Премудрость вѣчная! какимъ, какимъ пу-
темъ
Ты шествуешь? и кто въ совѣтѣ былъ Тво-
емъ?

Наибреній Твоихъ кто могъ изслѣдитъ бѣзды?
Молчашъ, благоговѣшъ должны во прахъ
смертны.

Живъ, живъ Всевышній Богъ! Онъ правыхъ
защищаетъ,
Невинность щасіемъ вѣнчаетъ.

Проеславимъ Бога своего!
Восхвалимъ, воспоемъ, могущество Его!
Сонмъ нечестивыхъ силъ противъ насъ опол-
чился,
Свирѣпый, люшый врагъ губитъ насъ устре-
мился;

Уже вознесъ онъ острый мечъ,
И наша кровь была готова вся испечь:
Какъ воду бѣ пролили ее на землю.
Гласъ всемогущій внемлю!
Господь возрѣлъ на шоки нашихъ слезъ,
Онъ рекъ отъ высоты небесъ —
И гордый человекъ надменный,
Поверженъ въ прахъ лежишъ, стрѣлой своей
пронзенный.

Я нечестиваго здѣсь зрѣлъ превознесена.
Какъ кедръ главу скрывалъ онъ въ обла-
кахъ;
Онъ громомъ управлялъ, онъ сѣялъ смерть и
страхъ;

Разилъ, пряслась вселенна;
Тѣснилъ враговъ среди величья своего;
И мимо я прошелъ — ужь не было его!

Я славъ грѣшника во вѣкъ не удивлялся,
Пускай другой завидуешъ ему.
Я счастье злаго зрѣлъ, и духомъ не смущался.
Онъ сладостныхъ утѣхъ вкушаетъ тьму;

Во златѣ, въ пурпурѣ одеждой онѣ блискаетъ
Богатству, гордости его предѣловъ нѣтъ;
Онѣ воздыханьями сердецъ не возмущаетъ,
Не знаетъ горести, не терпитъ нашихъ бѣдъ;
На лонѣ роскоши онѣ плаваетъ въ довольствѣ:
Онѣ дремлетъ, спитъ при звукѣ сладкихъ
лиръ;

Онѣ просыпается и изумляетъ миръ.
Надѣется еще ожить въ своемъ потомствѣ.

За трапезой его сонмъ рѣзвыхъ чадъ
Пьетъ радость съ нимъ изъ чаши полной.

Блаженъ народъ сей, говорятъ,
Которой такъ цвѣтетъ, въ обилии, всѣмъ
довольной!

Блаженнѣе народъ стократъ,
Которой на Творца надежду возложилъ!

Минуты грѣшника ужасны, возмущенны.
Онѣ хладенъ средь утѣхъ, томится онѣ ду-
шой.
Лишь добродѣтелью мы можемъ быть бла-
женны:
Блаженство наше лишь въ невинности одной.

Нѣтъ мира грѣшнику, миръ злаго убѣгаетъ;
Извнѣ губящій мечъ ему грозитъ,
Внушрь совѣсть сердце въ немъ грызетъ,
хладитъ!

Спокойства ищетъ онѣ, нигдѣ не обрѣтаетъ;
Геенскихъ мукъ лютой казнитъ онѣ самъ себя;
Вся слава грѣшниковъ въ минушу исчезаетъ,
Ужасный гробъ на вѣкъ ихъ поглащаетъ.
Но напрошивъ, Творецъ! боится кто Тебя,
Десницы тотъ свѣплѣй, блистательнѣй воз-
станетъ.

Коль благъ Господь! Творца коль благо бремя!
Блаженъ, кто сладости его вкусилъ!

Спѣшите юноши къ Творцу во благо время:
Блаженъ, кто съ юныхъ лѣтъ Ему жизнь по-
святилъ!

Потоками утѣхъ сердца Онъ упояетъ:
Нѣтъ радостей такихъ на свѣтѣ семъ.
Награды Божія не лзя сравнить ни съ чѣмъ.
Коль благъ Господь! Творца коль благо бремя!
Блаженъ, кто сладости Его вкусилъ!

Онъ укрощается, прощаетъ,
Неблагодарныхъ ожидаетъ,
Чтобъ обратилися къ Нему.
Блаженъ, кто можетъ всемъ пожертвовать
Ему!

Онъ извиняетъ нашу слабость,
И даже Самъ Онъ ищетъ насъ;
Объятія Его отверсты всякой часъ.
Коль обращаемся, Онъ ощущаетъ радость. —
Онъ льетъ въ сердца неизреченну сладость.
И сына такъ любить не можетъ мать!
Кому, кому любовь съ Нимъ нашу раздѣлять?

Вселенная полна его чудесъ:
Онъ царствовалъ до всѣхъ временъ рожденья.
Да будемъ славимъ въ вѣкъ Господь земли,
небесъ!

Восхвалимъ, воспоемъ его благошворенья.
Напрасно намъ ничтожный человѣкъ
Препятствуетъ вѣщать его хваленъя;
Господне имя не погибнетъ въ вѣкъ.
Природа вся его поетъ и всѣ шворенья:
День возвѣщаетъ дню Творца земли, небесъ;
Вселенная полна Его чудесъ:
Восхвалимъ, возвѣстимъ Его благошворенья!

Онѣ въ мірѣ намѣ открылѣ повсюду красоты;
Онѣ краски нѣжныя наводитѣ на цвѣты;
Для насѣ природу Онѣ плодомѣ обогощаетѣ;
Днемѣ теплошой, въ ночи прохладой ожив-
ляетѣ;

И поле, плодѣ пріавѣ, сторицей возвращаетѣ;
На шверди солнце намѣ сіяетѣ отѣ Него,
И свѣтѣ есть дарѣ руки Его.

Свидѣнія Творца, законѣ Его священный;
Намѣ самый лучшій дарѣ Его неоцѣненный,

О вы, въ которыхѣ страхѣ мрачитѣ Твор-
ца доброты,
Неблагодарные, Онѣ Богѣ утѣхѣ, щедроты!
Ужели Богѣ любви не можетѣ васѣ плѣнить?
Ужель вамѣ тягостно Его любить?

Кѣ тирану лютому рабѣ ужасѣ ощущаетѣ;
Но сынѣ кѣ отцу любовію пылаетѣ,
Хотите получаете вы блага отѣ Него;
А вы не любите его!

Блаженѣ шотѣ юноша, кого Господѣ наспа-
витѣ,
Кшо внемлетѣ гласѣ Его, кого онѣ самѣ упра-
витѣ!

Отѣ міра далеко, сѣ рожденія своего
Воспитывается у Бога предѣ очами;
Украшитѣ душу Онѣ небесными дарами,
И злый не оправитѣ невинности его.

Спокрашѣ, спокрашѣ блаженны чада,
Которыхѣ учитѣ Богѣ, которымѣ онѣ ограда!
Такѣ юна лилія красой украшена
Близѣ шока чистаго, кристальнаго въ долині
Растетѣ отѣ бурѣ защищена,
Любимица Небесѣ, сокрытая въ пустыні.

Отъ міра далеко, съ рожденья своего
Воспитывается у Бога предъ очами;
Украситъ душу Онъ небесными дарами,
И злый не оправитъ невинностей его.
Блаженъ тотъ юноша, спокрастъ дитя бла-
женно,

Которое Творцу предася совершенно!
Какими бѣдствами, Творецъ, окружена
Душа невинная, молодая!

Коль ищетъ здѣсь Тебя, несчастлива она:
Вездѣ препятства зрѣтъ, путемъ Твоимъ
ступая;

Повсюду ей отъ злыхъ поставленъ ковъ,
Какая тѣма у ней враговъ!

Гдѣ избранны Твои себя скрываютъ?
Повсюду грѣшники, всю землю покрываютъ.

Доколь намъ, Господи, доколь терпѣшь отъ
злыхъ!

Въ святилищѣ Твоемъ они насъ оскорбляютъ;
Народъ избранный Твой безумнымъ почитаютъ.
Доколь видѣшь намъ коварство, злобу ихъ?
Доколь намъ, Господи, доколь терпѣшь отъ
злыхъ?

Въ святилищѣ Твоемъ они насъ оскорбляютъ.
Что въ добродѣтели, какая польза вамъ?

Они вѣщаютъ намъ.

Почто шоль сладостныхъ утѣхъ бѣжите?
Приблизьшись, сладости вкушите.
Вашъ Богъ для васъ не сдѣлалъ ничего;
Чего вы ждете отъ Него?

Веселью, радости вы сердце ошворите.
Смѣясь спанемъ, пѣшь, гласитъ сей грѣш-
ный сонмъ;

Намъ безъ утѣхъ несносно жизни бремя.
Безуменъ, кто на будущее время
Надежды полнъ:

Число лѣтъ нашихъ кратко и невѣчно,
А время скоротечно.

Въ часъ ушра должно розы рвать!
Сегодня должно жизнью наслаждаться;
Заутра насъ не будетъ, можетъ статься:
Заутра можетъ быть насъ будущъ погребать.
О Боже! предешать, имъ плакать должно.

Имъ славы зрѣть Твоей не можно;
Сии несчастные вѣкъ Бога не узрятъ.
Намъ должно лѣтъ, намъ, коимъ Ты являешь
Безсмертной Вѣры свѣтъ. Ты съ нами оби-
таешь.

Намъ должно пѣть Твои безсмертны красоты,
Твое величье, дары Твои и славу,

Неизмѣримую Твою державу.
Отъ тщесныхъ ихъ утѣхъ, забавъ ихъ, суеты,
Которымъ здѣсь они душою предаются,
Къ которымъ вихрями на срътенъе несутся,
Отъ всѣхъ веселій ихъ, не терпишь коихъ Ты,
Что имъ останется? Отъ сна что остается
Какъ человѣкъ проснется,

Когда узришь обманъ крылатыхъ мечты.
Они пробудятся; о страшно пробужденъе!
Межъ шѣмъ какъ правые въ небесномъ восхи-
щенъѣ

Возсядутъ миръ вкушать за трапезой Твоей,
Они пить будутъ гнѣва чашу полную,
Котору Ты подашь въ день яроспи Своей
Всѣхъ нечестивыхъ сонму.

• • • • •

Гдѣ древни милости Твои?
О Богъ Израилевъ! насъ ужасъ окружаетъ.
Уже ли вѣкъ спенать намъ за грѣхи свои?
Не Ты ли оный Богъ, Который все прощаетъ?
Въ Тебя устремлены пернапы стрѣлы злыхъ;
Тебя, Тебя въ сей брани

Пусть отдыхаетъ
Матерь - Природа
Въ сладкой беседѣ
Крошкихъ богинь.

Будемъ спокойно
Ждать пробужденья
Матери общей...
Паки весною
Съ нѣжной улыбкой
Взглянешъ на насъ.

Грамматикъ.

О З Е Р О.

Блещащее среди прекрасная Природы
Въ объятіяхъ лѣсовъ, полей, луговъ и горъ,
О Озеро! твои покойсхва полны воды,
Всѣхъ больше водъ другихъ влекушъ мой умъ
и взоръ!

А спрашныя твои любители, Зефиры,
Слещившіе съ кристальныхъ струй твоихъ,
Порхая по струнамъ моей пустынной лиры,
И нѣжно потрясая ихъ,
Въ невнятныхъ звукахъ сихъ
Маняшъ и приглашаютъ,
Зерцало вѣрное Природы, пѣшь себя!
И мнѣ стихи внушаютъ.

Ахъ! какъ не пѣшь, покой, Природу, Музъ
любя!
Твой сонмъ обширныхъ водъ, но взоромъ из-
мѣримыхъ,
Водъ, безъ разлиія, и вѣкъ неистощимыхъ,

Усѣянныхъ собраньемъ острововъ
И зеленѣющихъ мѣстами проспниковъ,
Въ разнообразіи картинномъ зримыхъ;
Судами поселянъ и чолнами ловцовъ,
Стадами лебедей и прочихъ пшицъ-гребцовъ,
Прелестно испещренныхъ;
Ихъ криками, игрой, и пѣснями пловцовъ
Повсюду оживленныхъ! . . .
Ахъ! какъ не пѣть твоихъ амфишестръ бре-
говъ,
То низкихъ, то крутыхъ, пустынныхъ, насе-
ленныхъ,
Подъ солнцемъ, подъ луной различно освѣщен-
ныхъ;
Подъ тѣнью ль видимыхъ тумановъ, облаковъ,
Въ зеркалѣ ль тихихъ водъ изображен-
ныхъ,
Безвредныхъ ли твоихъ въ движеніи валовъ?
Не пѣть ли собственны красы и особливы,
Твои премѣнные и мысы и заливы,
Гдѣ смотряся въ водахъ друзья ихъ, пышны
ивы;
Гдѣ мечешь уду, сѣшь, въ запишь рыболовъ;
Куда ведетъ стрѣлковъ
Пріятной голосъ куликовъ? . . .
Въ истокахъ, въ устьяхъ рѣкъ, ключей и ру-
чейковъ,
Твоихъ ли данниковъ, или побой рожденныхъ,
Равно побой обогащенныхъ,
Исполненныхъ твоихъ избытковъ и даровъ,
То быстрыя струи, шумящи и игривы,
Являющъ ихъ пущи стропшивы,
Исходы ихъ и входы горделивы :
То тихія въ шравѣ, межъ камней иль песковъ,
Журчащъ и нѣжашся, таясь подъ сводъ кус-
стовъ. . . .

Забуду ль здѣсь еще картины незабвенны,
Опѣ коихъ были мы въ восторги погруженны:
Какъ сморится въ водахъ твоихъ Луна изъ
шучь;
Какъ Солнце первой свой или послѣдній лучъ,
Просперши изъ за горъ, и длинными броздами
Сливаясь съ тѣнями,
Лазурь твою златишь;
Какъ въ радужны цвѣты шуманы наряжаетъ;
Какъ перлами въ росѣ на простникахъ бле-
стишь!
Чему и подражать Искусство не дерзаетъ.
Безсмертной кистію Вернетъ, Лорень, Пусинъ,
Царя свѣтилъ писать не смѣли ни одинъ.
Пишова лишь иныхъ восторги наградило
И самое свѣтилъ свѣтило.
Знашь пѣснопѣніе въ Поэзіяхъ глава;
Сильнѣе струнъ, кистей и красокъ въ немъ
слова.

Всѣхъ зрѣлищъ сихъ красы различны,
Однимъ твоимъ водамъ и берегамъ приличны,
Достойны, вѣдаю, чтобъ пѣла ихъ не я;
Тебя бы сладостной пѣвицѣ пѣть Ручья!

Но не картинами и видами твоими,
Ласкающими взоръ, плѣняюсь я одними:
Картины всѣ для глазъ
Лишь только прогаютъ на часъ;
Холодныхъ зришелей и праздныхъ ушѣшаютъ,
Живописателей Природы восхищаютъ:
Для услажденія чувствительныхъ сердецъ
Другія надобны картины наконецъ,
Кошорыя къ глазамъ и душу пріобщаютъ,
Кошорыя покой, блаженство возвѣщаютъ,
И чувства сего ни чѣмъ не возмущаютъ;

И мирныя твои картины лишь однѣ
Ту несмущенную приносятъ сладость мнѣ.
Пусть водѣ иныхъ для глазъ картины веселѣе;
Твои для сердца всѣхъ милѣе.

Я слышу — водопадъ шумитъ;
Смотрю, какъ воды онѣ спростишь;
Какъ брызжетъ, пѣнится, кипитъ,
Цвѣты всѣ свѣта отражаетъ:
И бьющихъ водъ гора алмазная горитъ!
На часъ меня онѣ удивляетъ;
Игра чудесная Природы въ немъ разитъ;
Кичливость, суешность ласкаетъ,
Иль дерзость оживляетъ. . . .
И чтожь попомъ? .. онѣ только оглушаетъ. . .
Султанъ. . . . и за возрѣнье мститъ!
Рѣка, ручей, и всѣ водѣ быспрыхъ токи,
Бываютъ иногда свирѣпы и жестоки
Къ гостепріимнымъ берегамъ,
Въ которыхъ обрѣли они своимъ струямъ
Возлечь покойно ложе:
Терзаютъ тѣ берега и ложе то язвятъ,
И въ своенравіи любезныхъ не щадятъ,
Подобясь люшостью Азійскому Вельможѣ.
Любуясь ихъ красой въ иныя времена,
Клянутъ въ другія ихъ со стономъ имена.

Чтожь безпредѣльныхъ водъ пустыня
Море? . .
Не ближе ли всего съ нимъ мысль и слово:
горе? . . .
Боюсь я на него и робкой взоръ просперть:
Какъ пѣть, въ семнадцать лѣтъ, мнѣ ужасы
и смерть?
Могутъ ли подражать на сельской тихой лирѣ,
Безсильной подражать и пшичьимъ голосамъ;

Или журчащимъ ручейкамъ,
Всѣмъ преволненіямъ и звукамъ въ водномъ
мірѣ,

Гремящимъ небесамъ,
Ревущимъ, плещущимъ волнамъ,
Спешащимъ берегамъ,
Обуреваемымъ судамъ
И уповающимъ пловцамъ? . . .

Но естьлибъ духъ и даръ пѣвцовъ его имѣла,
То Моря и тогда я пѣть бы не хотѣла,
Неблагодарнаго всегда къ своимъ друзьямъ.
Ласкался ли еще за страхъ къ нему на-
градой?

Въ немъ гибнетъ Камознсъ съ бессмертной
Лузіадой! . . .

Вотъ слабый Моря видѣ,
Царя между водами,
Иль справедливѣе, пирана межъ рабами.
Въ немъ все спрашивъ,
Оно всему грозитъ;
Оно не брегъ одинъ — страны опустошаетъ,
И даже поглощаетъ;
Подземные огни воспламеняетъ;
Въ немъ все и взоръ, и умъ, и сердце изум-
ляетъ;
Въ немъ все величествомъ и ужасомъ помнитъ!
Его покой, дары, добро, какъ зло опасны;
Съ нимъ связи всѣ, на немъ владычество не-
щастны,
Влекущія бѣды, развраты, роскошь, брань.
Пусть жадность и корысть несутъ пирану
дань;

А я пирановъ ненавижу
Ни въ людяхъ ни въ водахъ.
Въ зеркаловидныхъ лишь однихъ своихъ
спруяхъ,

На скромныхъ, Озеро, твоихъ лишь берегахъ
Я посюйнное добро и щастье вижу.
Ты браней не ведешь съ землею никогда;
Ее не пошопляешь,
Не сносишь ни жилищъ, ни сельскаго труда,
Судовъ не разбишаешь,
И не наводишь ты на чуждые берега
Къ опустошенью ихъ внезапнаго врага;
Къ отважнымъ замысламъ не соблазняешь,
Корыстью, роскошью людей не оправляешь;
Не льются на тебя ни слезы ихъ, ни кровь.
Надъ ясною твоей и тихою водою
Любуясь въ ней собою,
Лешають Граціи, Зефиры и Любовь!
Ты щедрости прямой примѣры лишь являешь,
Безъ благодарности добро всегда творишь:
Струями чистыми ты жителей поишь,
Своими рыбами и пшпцами питаешь,
На кровы ихъ жилищъ тростникъ произра-
щаешь,
Гуляньемъ на водѣ и видами даришь.
Ты образъ Мудраго въ уединеньѣ!
Ты добродѣтелей его изображенье;
Неколебимаго блаженства образецъ;
Картина скромности и мудрости свободы,
Невинной красоты и благости Природы,
Для добрыхъ и просыхъ чувствительныхъ
сердецъ.
Безъ своеправія Вельможи и Султана,
Безъ ненавистнаго величества Тирана,
Возлегши въ скрытой долѣ отъ бурь,
Одѣянно въ небесную лазурь,
Украшенное островами,
Увѣнчанное тростниками,
Съ сосудомъ неподвижныхъ водъ,
И заключенное подъ свѣтлозарный сводъ,

Кругообразными, какъ храмомъ, берегами,
Хотя сей храмъ не блещетъ торжествомъ,
Ты нѣкимъ кажешься мнѣ воднымъ божес-
ствомъ!

Ахъ! какъ не чтишь тебя хвалами!

Почто же сонмъ пѣвцовъ морей, ручьевъ и
рѣкъ,
Едва ли о тебѣ гдѣ слово вскользь изрекъ?

Не отъ того ли ты забыто,
Что и на Пиндѣ, такъ какъ въ свѣтѣ, зна-
менисто

Лишь то, что блещетъ и гремитъ,
Хотя блистаніемъ и громомъ тѣмъ вредишь;
Или что странностью дивишь;
Иль что затѣйно, хитро, ново,
То вещь ли, видѣли, дѣйство ль, слово,
Съ воспоргами о томъ кричишь весь свѣтъ,
И общимъ мнѣніемъ во слѣдъ
Влекутся Философъ, Витія и Поэтъ;
А добродѣтели уединенны, мирны,
Не часто о себѣ внимаютъ звуки лирны?

Да примутъ, Озеро, съ тобою здѣсь они
Дань малую въ мои едва наставши дни;
Да посвящаются имъ и впредь произведенья
Восторга моего отъ нихъ и удивленья!

И естли жизнь мою угодно длить Судьбѣ,
Да будетъ тишиною,
Донынѣ чувствуемой мною,
Она подобится тебѣ;

Да будетъ какъ теперь, всегда уединенна,
Отъ предразсудковъ, отъ спрасшей,
И отъ ловцовъ, и отъ сѣтей,
Тебѣ подобно огражденна!

Да буду я всегда имѣть такихъ друзей,
Такихъ наставниковъ, какъ въ юности моей!
Да льются одному на гробъ слезы вѣчно
Отъ благодарныхъ чувствъ моихъ;
А попеченія и дружество сердечно
Да будетъ данъ моя живущему изъ нихъ!
Да сшарости его подамъ я утѣшенье,
Примѣру моему во нравахъ, въ просвѣщенъѣ,
За все о юности моей его раченье.
Да музы усладятъ его преклонный вѣкъ,
Къ кошорымъ онъ любовь въ душѣ моей воз-
жегъ;
Да будутъ игры ихъ всегда забавой нашей;
Да пьемъ швой, Озеро, покой мы полной чашей!

С Ы Т О В А Н І Е.

Лейшесь слезы изъ очей!
Лира вшоръ шоскъ моей!
Здѣсь Лилы шихая могила!
Все милое почіетъ здѣсь!
Какъ молнія прелесшна Лида
Сверкнула ты — и блескъ изчезъ.
Я зрѣлъ: шѣнь смерти, разшилаясь,
Зашмила утро дней швоихъ;
Глаза прелесшныя, смыкаясь,
Искали друга и родныхъ.

Лейшесь слезы изъ очей!
Лира вшоръ шоскъ моей!
Сонмъ юношей — толпа крылаша,
Что роемъ вслѣдъ за ней вилась —
Свѣтъ суешный — сія утраша
Не извлекла слезы у васъ....

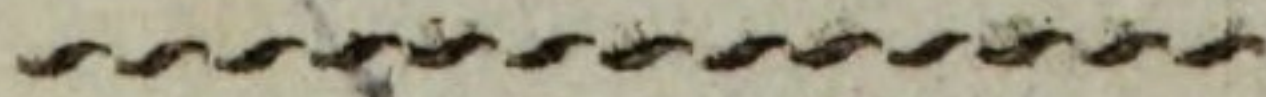
А вы, что въ мукахъ дни считали,
Чьихъ бѣдъ прервала Лила нишь,
Въ груди и вздоха не сыскали
Сменящу тѣнь ея почшишь.

Лейтесь слезы изъ очей!
Лира вторъ тоскъ моей!
Увы! и дружба возвратила
Утѣхи, радостны мечты;
Померкшій Лилы зракъ забыла!
Одежды горести сняты!
Другъ нѣжный, Лила несравненна
Въ сихъ будно не цвѣла мѣсцахъ,
Лишь урна здѣсь уединенна
Гласитъ увядшей Лилы прахъ!

Лейтесь слезы изъ очей!
Лира вторъ тоскъ моей!
Одна любовь безъ утѣшенья!
Любовь лишь горести вѣрна!
Не ищетъ грусти услажденья,
Тоской своей живетъ она.
Въ тоскъ денницу я встрѣчаю;
Днемъ мрачно все въ моихъ глазахъ;
Во тмѣ ночной одинъ рыдаю;
Проходитъ ночь — я все въ слезахъ!

Лейтесь слезы изъ очей!
Лира вторъ тоскъ моей!

Ивановъ.

П Ъ С Н Я.

Тихая Гитара, другъ души унылой!
Что съ тобою стало? Нѣтъ въ акордахъ
строю,
Звуки всѣ печальны! Иль съ моей душою
Разспроившись вмѣстѣ, поскуешь по милой?

Звукъ твой тихострунный съ пѣніемъ
сливайся!
Легкаго зефира голосъ мой коснися!
Голосъ нѣжной страсти къ милой понесися,
Слухъ ея плѣняя, въ сердцѣ отдавайся!

Скажи моей милой, чтобъ не горевала;
Рѣвою, веселой при людяхъ казалась;
Съ горемъ, со слезами одна укрывалась;
Помня о любезномъ, тихонько вздыхала!

Слово ея свято, чувства ея нѣжны!
Сердце мое чисто, честь хранишь умѣю!
Что люблю не ложно, утверждать то смѣю!
Что жь людей бояться? — Судьбы неизбѣжны!

Наше время будетъ, дождемся мы счастья!
Слышалъ я отъ старыхъ, что, по ихъ при-
мѣтамъ,
Даже и понынѣ всегда свѣтитъ лѣтомъ
Солнышко свѣтлѣе послѣ бурь, ненастья.

А. Г.

Ты нашей жизни дни собою позлащала,
И розами скалы угрюмыя вѣнчала.

Границу древню двухъ Державъ
Я видѣлъ быстрый Днестръ, въ берегахъ зла-
то-песчаныхъ;
Обильный во плодахъ и гроздіяхъ румяныхъ;
Тамъ тысячи овецъ и сладко-млечныхъ кравъ
Пестрѣютъ по степямъ сребрящимся въ бурь-
янахъ.—

Издревѣ тамъ лѣса чернѣлися дремучи,
Недремлющая въ нихъ мечи осприла брань;
Подвиглись Россіе богатыри могучи,
Громъ грянулъ, сбилъ лѣса — лавръ въ полѣ
Россамъ дань (*)!

Не рѣдко я видалъ и *Днѣпръ голубоводый*,
На лонѣ машери — Природы
Еще младенцомъ — ручейкомъ;
Но зрѣлъ я, зрѣлъ его въ величьи, рѣкъ царемъ!
Какъ области собой поя Россійски многи,
Пробивъ межъ горъ себѣ дороги,
И пѣной оснѣжа пороги,
Съ греющимъ грохотомъ и съ шумомъ вдоль
лешитъ!
Высоко-башенный *Смоленскъ* надъ нимъ сто-
итъ!

И холмы Кіевски, цвѣшущи, возвышенны,
И храмы Божіи, богато позлащенны,

(*) До первой Турецкой войны окресности Буга, особливо за рѣчкою *Кодимомъ*, покрыты были дремучими лѣсами. Татары, чинившіе набѣги, укрывались съ добычею въ сихъ лѣсахъ. Во время военныхъ дѣйствій Росіянъ противу Турокъ, огонь изстребилъ лѣса, и теперь видны тамъ однѣ обширныя степи, заросшія крупною траву *бурьяномъ*.

Исполненна чудесѣ, глядится вѣ немѣ страна!—
Днѣпромѣ поглощена прекрасная *Десна*;
Чрезѣ *Малоросію* льетѣ свѣтлой шокѣ она:
Благословенный край! роскошный садѣ При-
роды!
Тамѣ дружны съ простотой безпечные на-
роды.

Забуду ли тебя, гостепріимной край,
Тебя, цвѣтущій красою! —
Гдѣ я, плѣнясь людей любезныхѣ доброю,
Вѣ палахахѣ и вѣ поляхѣ встрѣчалѣ для
сердца рай (*).
Я Польски рѣки зрѣлѣ; зрѣлѣ шокѣ прозрач-
ной Вислы;

Извивистой зрѣлѣ *Бугѣ*;
Зрѣлѣ Замки древніе на бездны скалѣ навислы:
Героевѣ давнихѣ лѣтѣ паритѣ надѣ ними духѣ.
Страны прелестныя не разѣ облилы кровью,
Земля усѣяна костыми,
Изѣ давнихѣ лѣтѣ уже присвоена любовью,
Наполненна ея приманками, сѣтѣми...
Ни шумѣ оружія, ни грозны бранны звуки
Не могутѣ защищать сердецѣ отѣ страст-
ной муки.
И хитрой богѣ любви, какѣ Царѣ всевластной
шамѣ,
Сѣ улыбкой шествуя по лаврамѣ и щипшамѣ,
Стрѣляетѣ вѣ брони позлащенны,
Вѣ сердца, вѣ пожарахѣ битвѣ громовыхѣ за-
каленны...
Какѣ сладко шамѣ провелѣ зарю я дней моихѣ!
Средѣ пышности утѣхѣ, подѣ блескомѣ Рус-
ской славы,

(*) Благодарность навсегда запечатлѣна вѣ памяти и
сердцѣ моемѣ, Ласковое гостепріимство Г. П. М. и Н.
М. С.

Въ чертогахъ у вельможъ, богатъ пріязнью
ихъ. —

Край Польской нареченъ столицею забавы,
Богъ вкуса Граціямъ въ немъ храмъ соорудилъ.
Въ разсѣяньи, въ шуму, въ пріятномъ чувствѣ
волненьи,
Средь нѣги и любви, въ сердечномъ упоеньи,
Я сердцемъ жилъ!

Сулрута скромная, о рѣчка безъизвѣстна (*)! —
Гдѣ въ мирѣ и любви живетъ чета прелестна,
Гдѣ дружбы сладостью грусть сердца отвожу
И радость отъ судьбы украдкой нахожу: —
Тамъ одиночество мое позабываю,
И счастливъ счастьемъ друзей моихъ бываю.
Какъ спутникъ, многія еще я видѣлъ рѣки,
Которыя повѣсь собой края далеки,
О коихъ идешь въ мірѣ молва...
Тебя, дочь Ладоги, о свѣтлая Нева!
Я зрѣлъ въ младенческія лѣта,
Не опытнымъ еще бывъ гостемъ бѣла свѣта;
Не зналъ я и именъ суенъ, заботъ и бурь:
Въ душѣ моей сіялъ веселія лазурь,
Равно какъ сводъ небесъ въ тебѣ изображался.
Ахъ! въ тотъ златой мой вѣкъ съ страстями
я не знался,
Не плакалъ отъ тоски, не думалъ крѣпкихъ
думъ...

И града пышный блескъ, смятеніе, звукъ и
шумъ,
Богатство, слава, честь: — всѣ смертныхъ
обольщенія
Мелькали предо мной какъ тѣни сновидѣнья:

(*) Не большая рѣчка въ дачѣ В. Г. Л.

Мнѣ жизнь была нова! не зналъ я въ ней пу-
тей;

Не зналъ, что міръ сей полнъ прельщеній и
сѣтей.

Безбурны дѣтства дни, о дни мои златыя!

Забуду ль васъ когда? — о радости святыя!

Копоры по цвѣтамъ безлечнаго вели;

И сами, какъ цвѣты, вокругъ него неспрѣлись,

Уже ли для меня на вѣкъ вы опцвѣли? —

Забавы юныхъ лѣтъ какъ пшички разле-
тѣлись. —

Придете ль вы опять, о дни моихъ утѣхъ,

О дни безпечности, отрадъ, очарованій!

Я щастливѣе былъ въ пылу надеждъ, мечтаній,

Любимцовъ роскоши и нѣтъ! . . .

Но суровой смертныхъ просвѣтитель,

Воздушныхъ зданій разрушитель,

Угрюмой олитъ мнѣ свой грозный видъ явилъ,

Смолистымъ факеломъ на міръ сей посвѣтилъ,

И міръ подернулъ черной тканью. . . .

„Гробъ мрачной, рекъ онъ мнѣ, одинъ конецъ
страданью;

„Обѣты щастья ложъ! дни жизни, дни суешъ!

„Волшебны зеркала — прелестныя мечтанья,

„Когда и гдѣ ихъ нѣтъ.

„Существенность совсѣмъ инымъ являетъ
свѣтъ:

„Являетъ міръ въ слезахъ, людей въ тоскѣ
страданья. . .

Надежды и мечты

„Насъ шѣпашъ какъ дѣтей, и вянушъ какъ
цвѣты!

„Подъ бурями страстей мертвѣетъ добро-
дѣтель!“

Такъ олитъ намъ гласитъ, суровой благодѣ-
тель! —

Ахъ! къ прежнимъ радостямъ искашь ли вновь
пушей?

Гдѣ, гдѣ укроюсь я отъ мятежа спрасшей?

Не при тебѣ ль, о, рѣкъ Россійскихъ мать и
слава

О, лышна Волга, величава!

Мнѣ рокомъ суждено блаженство возвратишь
И сердца груснаго всѣ раны излечишь? . . .

О Волжскія струи! о холмы возвышенны!

Воскреснутъ ли при васъ дни щастьемъ обно-
вленны?

Прольется ль въ помну грудь веселія струя,
И буду ль, буду ль щастливъ я? . .

Брега прелестные, плѣняючи собою!

Не здѣсь ли заключишь могу я миръ съ судь-
бою?

Ахъ! будете ли вы, нагорны высоты!

Припономъ странника, пріютомъ сироты?—

Въ укромной хижинѣ, къ утесу прислоненной,

Дубами древними отъ бурей осѣненной,

Найду ли наконецъ желанной я покой? —

Я восхищался бы прелестною рѣкой,

И вшоря соловьямъ, бряцалъ на скромной лирѣ

Пѣснь тихую рѣкѣ, столь шумной, громкой
въ мірѣ!

Ябъ видѣлъ ладій бѣгъ, крылатые спруга,

Какъ къ морю синему высокіе берега,

И полны пажитями зеленые луга

Въ свой быстрой Волга слѣдъ проводитъ. . .

Мечта! опять мечта къ мечтамъ меня заво-
дишь! —

Мнѣ ль щастья ожидаешь? — Судьбы гремющей
гласъ

Велишь оставишь вновь, берега прекрасны,
васъ! . . .

Я странникъ! не ищу чертоговъ пышныхъ
строишь;
Ищу лишь уголка, гдѣбъ сердце успокоить.—
С. Глинка.

~~~~~
РУЧЕЙ.

Прелестный Ручеекъ, какъ сходенъ я съ
тобою:
Стремяся по лугамъ излучистой струей,
Всегда ты слѣдуешь назначенной стезею;
И я, и я умру съ наклоностью одной.

По мѣлкимъ камышкамъ дробясь, прошекая
Безъ треска, грохота, ты можешь лишь жур-
чать;
И я свою любовь въ груди моей скрывая,
Я смѣю лишь о ней тихонько воспѣвать.

Ты капишься въ лугахъ, кристаллами ки-
пящей,
Что возмутишь тебя? — всегда ты сере-
бришь:
Огнь истинной любви, въ душѣ моей горящей,
Какъ твой прозрачный токъ — онъ также
свѣтелъ, чистъ!

Пусть море бурный вѣпръ волненьемъ воз-
мущаетъ,
Твою поверхность онъ не можетъ возмутить;
Пусть щастіе мое рокъ злобный премѣняетъ,
Но чувствъ моихъ ничто не можетъ премѣ-
нить!

Какъ Хлои, ко твоимъ попокамъ привле-
ченной,
Прелестной, милой видъ въ тебѣ изображенъ:
Такъ почно взоръ ея, любовью вспламененной,
Навѣкъ въ груди моей, навѣкъ напечатлѣнъ!

Ты не грозишь ни чѣмъ, ни камнемъ, ни
волнами;
И я не сокрывалъ обманчивыхъ сѣтей!
Всякъ видишь дно твое подъ свѣтлыми стру-
ями —
Всякъ можетъ прочиташъ внутри души моей!
Саларевъ.

С А Д Ы.

Дороги суть вожди къ предметамъ, — и они,
Показывая ихъ, ихъ украшать должны;
Въ раждающихся вновь садахъ я запрещаю
Дороги проводить; я глазомъ назначаю
Мѣста, приличнѣй имъ въ окончанныхъ садахъ;
Пусть вьющаяся тамъ онѣ въ прекраснѣйшихъ
мѣстахъ;
Открой намъ лучшія картины въ отдаленьѣ.
Замѣть, когда свой садъ и мѣстоположенье
Ты посѣтишю желаю показашъ,
Съ какою тонкостью ты щистишься выстав-
ляшъ
Все, все хорошее, и скрывать, что безобразно.
Ты мимоходомъ видъ покажешь намъ прекра-
сной,
И гостя знаешь, чѣмъ забавить и увлечь,
Часть прелестней къ пуши возвратному сбе-
речь;

Вновь виды поразить нечаянно готовы;
Изъ сценъ ужъ видѣнныхъ родятся сцены новы!
Есть живописныя въ природѣ кривизны;
Ихъ образцомъ своимъ поставишь мы должны.
Дороги для шлѣгъ, тропинки стада́ реву-
щихъ,
Подъ кровъ соломенный разсѣянно идущихъ,
Паспушка медленно бредущая въ поляхъ,
И погруженная въ пріятнѣйшихъ мечтахъ,—
Покажутъ нѣжность намъ волнистыхъ обо-
рошовъ,
И угловатыхъ какъ избѣгнуть изворотовъ.
Здѣсь навсегда замѣшь: коль къ цѣли насъ об-
ходъ,
И запруднишельный, и дальній поведѣшъ,
Успокоеніе должно быть тамъ опрадой,
И удовольствіе за всѣ труды наградой.

Поэтамъ славнымъ ты дерзни во слѣдъ
идши
Коль Муза ихъ, идя и уклонясь съ пути,
Позволишь тѣмъ себѣ нарушить планъ свой
строгій:
Сей отступъ для меня игривѣй всей дороги;
Онъ насъ прѣдъ тѣнь съ собой умѣетъ зама-
нишь.
Здѣсь Низосъ жизнью жизнь друга искупишь,
На копья, на мечи кидается безъ страха;
На гробъ Гектора спенаетъ Андромаха.
Такъ поступай и ты! ведя насъ по цвѣтамъ,
И тягостный обходъ пріятнымъ сдѣлай намъ;
Пусть насъ веселые предметы развлекаютъ,
И при концѣ труда за трудъ вознаграждаютъ;
Да тамъ искусство вдругъ нечаянно явишь
Творенія искусствъ, Природы пышный видъ,

Живой поэмы сей прелестны эпизоды.

Тамъ зрю зеленый грошъ, вершеровъ мрач-
ныхъ воды,

Жилище тишины, и тѣни, и прохлада.

Воображеніе предупреждаетъ взглядъ.

Прудъ чистый, какъ кристалъ, сводъ неба
отражаетъ;

Тамъ перспективу взоръ далеко открываетъ,

Величественную, слиянную для глазъ,

И убѣгающую все далѣе отъ насъ.

То иногда дѣсокъ, плѣнительно скругленный,

Природой и швоей рукою украшенный

Роскошенъ, но не хитръ, и весь въ тѣни, въ
цвѣтахъ,

Какъ будто говоритъ: „постой! въ какихъ
мѣстахъ

Ты можешь лучше быть?,, И вдругъ иная
сцена:

На мѣсто радости — Задумчивость священна,

Безмолвіе, покой, жилище тишины,

Гдѣ мы не любимъ быть ничемъ развлечены,

Гдѣ любимъ размышлять, шворить, играть
мечшою,

Гдѣ любимъ человекъ бесѣдовать съ собою,

Отъ настоящаго къ грядущему парить;

О благахъ, о бѣдахъ, которыми покрытъ

Путь жизни наша, живѣй вспоминая,

И на прошедшее взоръ томный обращая,

Онъ любитъ замѣчать не много сихъ ми-
нутъ,

Столь крапкихъ, столь драгихъ, которыя
цвѣтутъ

Какъ розы на степи. — Ахъ, сладко вспоми-
нанье

О прошлыхъ радостяхъ, и даже о страданъ!

Не ставь въ примѣръ себѣ людей холодныхъ
сихъ,
У коихъ нѣтъ премѣнъ въ садахъ холодныхъ
ихъ;
Имъ благородная совѣмъ безвѣстна смѣлость;
Вездѣ увидимъ мы иль легкость, иль весе-
лость,
Прелестны рощицы, плѣнительны лѣски;
Вездѣ цвѣшутъ цвѣты, вездѣ висятъ вѣнки;
Все улыбается; вездѣ блестятъ уборы,
Здѣсь видѣнъ храмъ Любви, а далѣе храмъ
Флоры.

Однообразная веселость ихъ скучна;
Обыкновенная дорога не должна
Остановить тебя; путь новый пролагая,
Контрасты смѣлые швоя и помѣщая,
Противны дѣйствія старайся согласишь,
И къ цѣли ихъ шобой желаемой согласишь.

Пуссень тебѣ урокъ прекрасный представ-
ляетъ,
Когда на праздникахъ весны изображаетъ,
Какъ рѣзвый хороводъ паслушекъ, паслуховъ,
Сплетясь рука съ рукой на зелени луговъ,
Играетъ и поетъ подъ тѣнью вязовъ темной;
Недалеко отъ нихъ могила, камень гробной,
Ужъ въ землю вдавшійся, обросшій сѣрымъ
мхомъ,
Съ простою надписью, начертанной на немъ:
„И я былъ паслухомъ въ Аркадіи щастливой.“
Такое зрѣлище въ противности съ игривой,
Безпечной юностью, бѣгущей по цвѣтамъ,
Сколь выразительно изображая намъ
Забавы, радости, ничтожность жизни нашей,
Вѣщаетъ: смертные! спѣшите полной чашей

Пить наслажденье! — ахъ, пѣсней сладкій гласъ,
И пляски, и пиры. и сами вы — на часъ! . . .
Тутъ посшепенно въ слѣдъ за радостью живою,
Овлаждаетъ грусть распротанной душою.

Вотъ образецъ! въ него старайся ты вни-
кашь,
Гробницы мирныя и урны воздвигашъ
Среди смѣющихся, плабнительныхъ явленій.
И кто не испыталъ въ сей жизни огорченій!
Кто слезъ непроливалъ надъ прахомъ дорогимъ!
Передавай печаль лѣсамъ, цвѣтамъ своимъ.
Чувствительный во всемъ себѣ друзей нахо-
дишь;
Онъ горестъ раздѣлишь съ деревьями прихо-
дишь.
Уже надъ мирною гробницей обнялись
Задумчивая ель, унылый, нѣжный шисъ, —
И ты, почившихъ другъ, о кипарисъ печальный!
Ты охраняющій въ могилѣ пепелъ хладный,
Ты ближній мнѣ, родной! — Любовникъ мир-
ты рвешъ,
Для побѣдителей зеленый лавръ растешъ;
Имъ славу и любовь охотно уступаешь;
Но ты въ печалахъ намъ и въ горѣ состра-
даешь.

Восейковъ.

ПОСЛАНИЕ КАТОНА КЪ ЮЛІЮ КЕСАРЮ.

Пусть Рокъ благоволитъ измѣнѣ дерзно-
венной;
Есть право для души невинно убищенной! —

Не лѣзя его, не лѣзя со дски свободы спершь;
Нелюбѣдимое, святое право — смершь!

Надежда праведныхъ! — въ днѣмъ бѣдъ моихъ
опрада! —

Мнѣ чуждо все твое: и мщенье, и пощада; —
Я жизнию своею могу располагать; —

Капона ль Кесарю прощеньемъ унижать! . . . .
Нѣтъ! — духъ незыблемъ мой, спокойствомъ
огражденный; —

Въ рукахъ моихъ Плащонъ — и мечъ непришу-
пленный;

Одинъ безсмертіе души моею гласитъ,
Другой свободу мнѣ до смерти сохранилъ.
Увы! ужь Рима нѣтъ; почто же жить Капону?
Онъ зрѣлъ во мнѣ противъ тиранства оборону;
Я Римлянамъ казалъ побой изрытый ровъ,
Я тягость предвѣщалъ позорныхъ сихъ оковъ;
Противъ себя я шелъ съ Помпеемъ въ полъ
брани;

Въ крови рабовъ твоихъ мои дымятся длани. —
Такъ, Кесарь, чьи сердца тирану преданы —
Тѣ Кесарю рабы — но Риму не сыны! —
Знай, если предъ побой все пало съ униженьемъ,
Кашонъ одинъ не палъ фарсальскимъ пораже-
ньемъ!

На брегѣ Африки, собравъ остатки силъ,
Противъ злодѣйства я Свободу ополчилъ;
Мнѣ измѣнилъ шамъ рокъ, но духъ мой твердъ
остался.

Хотя бы звукъ оковъ по всей землѣ раздался,
Хоть Небо, возведя на тронъ тебя, злодѣй,
Предастъ тебѣ во власть и Римъ, и всѣхъ
Царей;

Хотя бы цѣлый міръ дрожалъ передъ тобою. . . .
Передъ измѣнникомъ я не склонюсь главою. —

Та сила, кою мечъ и лещъ тебѣ даетъ,
Вселенную обнявъ — меня не досягнешъ!

С тупай и носрамляй Римъ гордой коле-
сницей,
Свободу скованну влеки швоей десницей! —
Не мни, чшобѣ спонѣ ея для Римлянъ но-
вымъ былъ:
Ты шокмо то свершишь, чѣмъ Силла имъ гро-
зилъ. —

Яви имъ шоржесшво счастливаго злодѣя —
Вели передѣ собой нести главу Помпея —
И въ Капишоліи, повергнувъ предѣ алшаръ,
Воскликни: „Римъ въ цѣпяхъ! и Юлій — міра
Царь!“

Тамъ лики Праощевъ въ примѣрѣ сынамъ бли-
стаютъ.

Смотри: и въ храморѣ, пиранѣ, они рыдаютъ!
Ихъ слышу, мнишся, спонѣ! . . . и стѣны по-
тряслись. . . .

Изъ камня хладнаго слезъ шоки полились! —
О мужи славные! скорбь вашу измѣряю,
Колико гнусенъ взоръ измѣнника, я знаю;
Когда и вы уже спрадаете въ сей часъ,
Возможноль превзойши мнѣ швердостію васъ?
Блаженъ, когда сравнюсь! . . . Капонъ изнемо-
гаетъ,
И швердъ въ своихъ бѣдахъ, о Римъ онъ ры-
даетъ.

Судьба таинственна! — се царствіямъ урокъ:
Здѣсь въ узахъ Римъ, а тамъ Капонъ льетъ
слезной шокъ! . . .

Воззри пиранѣ, воззри, успѣхами хвалятся! —
Азійскіе брега отъ крови упились. —

Тамъ пали троны вокругъ, тамъ пали шьмы
людей,
Тамъ все тебѣ гласишѣ: „о Кесарь, ты злодѣй!
Воззри ты на народѣ, красу и честь вселенны,
Владыку зрѣли въ комъ Цари парабощенны;
Тобой онѣ посрамленѣ, поверженѣ, и въ цѣ-
пяхъ;
Зри, падая какъ Римѣ, влечетъ вселенну въ
прахъ!
И въ будущемъ познай отечество злощасно,
Тиранамъ, извергамъ покорное, безгласно,
Гордыни произволъ приѣмлюще въ законѣ! . . . .
Вотъ всѣ дѣла твои — вотъ спражدهтъ чѣмъ
Кашонѣ!
Стыдись, тиранѣ, стыдись, въ кровавой сей
коронѣ,
Не Римлянинѣ ужъ ты вселенныя на тронѣ,
Сколь выше я тебя! — за Римѣ мой вѣкѣ угасѣ;
Кашонѣ въ лучахъ; а ты — въ безчестьѣ ты
погрязѣ!
И можно ль чью судьбу съ твоей сравнить
судбою? . . . .
Раскаянне, какъ тѣнѣ, опнынѣ за тобою,
За слезы Римскія оно тебѣ опмсшишѣ,
Фарсальски ужасы вездѣ тебѣ явишѣ. —
Чьи тѣни воюшѣ тамъ? . . . о страшный видѣ
измѣны!
Се трупы согражданѣ! растерзаны ихъ члены!
Се падшій здѣсь Помпей къ опчизнѣ за лю-
бовь!
И Римска вокругъ тебя дымишся моремъ кровь! —

Но мнишь ли, что твой вѣкѣ спокойно за-
копится?
Злодѣй! мечъ мщенія въ безмолвіи острится;

Повѣрь, готова мзда злодѣйствіямъ твоимъ!..
И издыхающій — еще ужасенъ Римъ!

Но ахъ! вошше герой, ко мести успрем-
ленный,
Возстанетъ, кровію тиранской обогранный!
Симъ подвигомъ бѣды умножатся спократъ.
Увы! злодѣями сталъ нынѣ Римъ богатъ! —

И такъ свершилось все! опечесство погиб-
нетъ!
Но не узритъ Катонъ, какъ Римлянъ спыдъ
поспигнетъ,
Какъ славу и боговъ граждане предадутъ,
И милостей искастъ къ тирану пошекутъ!
Такъ, Кесарь! — Римъ ужъ рабъ; міръ выю
преклоняетъ;
Катонъ — не рабъ; — тебя и міръ твой прези-
раетъ!

О вы, умѣвшіе въ себѣ соединять
Доброты мирныя съ искусствомъ побѣждать,
Герои славные, чьи подвиги высоки
Къ величью Римлянамъ открыли путь ши-
рокій!
Безпрепешный Камиллъ, къмѣ въ прахъ низ-
ринутъ Галлъ,
Торкватъ, и ты, къмѣ палъ ужасный Ганни-
балъ,
Презрѣвшіе враговъ, гоненія Рока люты!
Примите днесъ въ вашъ ликъ, герои пресло-
вушы,
Примите, отвратя отъ міра взоръ и слухъ,
Остатки Римскіе, — Катона скорбный духъ! —
Ивановъ.

Е Р М И Н І Я.

Въ то время быстрой конь Эрминіи прелестной
Занесъ ее во мракъ дубравы неизвѣстной;
Покинула бразды дрожащая рука. —
Ни мертва, ни жива, — вся — шепетъ и попка,
Надежному коню Царевна предается;
Онъ, пущая сшези излучисты, несется,
Вдругъ близокъ, вдругъ далекъ, гонимелей
помишъ;
Сокрылся наконецъ, — и имъ оставилъ стыдъ!
Какъ псы, скончавшіе ловитвы подвигъ даль-
ной,
Идушъ дрожащи вспяшъ, потупивъ взоръ печальной,
Тоскуютъ, потерявъ горячій звѣря слѣдъ,
Ушедшаго въ лѣса отъ поля и отъ бѣдъ:
Такъ воспаленные досадою, Христіане,
Успалые, въ своемъ явились паки спанъ. —
Эрминія печетъ одна въ лѣсу густомъ: —
Все робкую спрашивъ, все кажется вра-
гомъ! . . .
Проходитъ темна ночь, настало царство
свѣта,
Блуждаетъ сирая безъ друга, безъ совѣта,
Не видитъ въ быстрой, не слышитъ ни чего,
Боится шороха и стона своего. —
Уже отъялъ коней отъ ига Царь — возница,
И понушъ въ златъ волю и богъ, и колесница;
Царевна приехала на Іорданской брегъ,
И здѣсь рѣшилась взятьъ спокойство и ночлегъ.
Не принимаетъ брашна: ей брашнами мученье,
И слезы горькія — ей жажды утоленье;

Единый шокмо сонъ, несчастныхъ доброй
другъ,
Забвенія росой врачующій недугъ,
Единый шокмо сонъ отъ сирой не чуждался;
Крылами тихими надъ ней поколебался,
И муки усыпилъ. . . . но люшая любовь
Послала ей мечты, и вновь волнуешъ кровь.
Уже пѣвцовъ лѣсныхъ воспоргъ и ликованье,
Привѣтсвующъ зари румяныя возснанье;
Шумъ бродитъ въ мракъ рошъ, и шепчущъ
ручейки;
Съ цвѣтами и съ волной играющъ въ шерки:
Открывъ Царевна взоръ, тоской обремененный,
Зритъ кровы пасуховъ вдали уединенны,
И слышится ей гласъ сквозь волны и сквозь
лѣсъ,
Да утѣреннуетъ Скорбь стenanьемъ, покомъ
слезъ! —
Куда, куда поидетъ боязни жертва хладной! . . .
Но се, внимаетъ звукъ и громкой, и опрадной,
Простое пѣніе блаженныхъ пасуховъ,
Сліянно съ дикою свирѣлью сихъ луговъ.
Возснала, и грядетъ къ нимъ медленной спо-
пою.
Зритъ старца въ сѣдинахъ подъ тѣнью древъ
густою
У стада возсѣдая, кошницы онъ вязалъ,
И пѣснямъ опроковъ, сидящихъ съ нимъ, вни-
малъ.
Узрѣли пасухи блестящіе доспѣхи,
И устрашились! — и смолкла пѣснь и смѣхи!
Она привѣтсвуетъ, спокоитъ ихъ сердца,
Открывъ имъ злато власъ и прелести лица.
Не прерывай, рекла, о родъ стократъ бла-
женной,
Работы, отъ самихъ боговъ благословенной!

Сему оружию негрозной данъ уставъ,
Преогорчашъ вашъ трудъ и сладости забавъ!
Но, мой отецъ, вѣщай, какъ ты единый нынѣ,
Когда пожаръ по всей пылаетъ Палестинѣ,
Какъ можешь ты вкушать опраду тишины;
Не опасаясь свирѣпости войны!
Такъ, сынъ мой! старецъ рекъ: не испыталъ
я нужды;
Моя семья, стада, обидѣ и горя чужды;
Мы здѣсь блаженствуемъ; и грозной гласъ гро-
мовъ
Не оглушалъ еще безвѣстныхъ сихъ лѣсовъ.
Благословенъ будь Богъ! — Онъ правду огра-
ждаетъ;
Смиренну пастуховъ невинность возвыша-
етъ! —
Громъ Неба падаетъ на горды высоты;
Но онъ щадишь всегда обишель простоты.
Такъ! чуждаго меча свирѣпство разъяренно
Караешь лишь владыкъ величье напыщенно;
Безвѣстность, нищета, покоя другъ и мать,
Не привлечетъ сюда корыстей жадну рать;
Безвѣстность, нищета — хотя она безслав-
на, —
Милѣ мнѣ богатствъ и скипетра державна;
Ни алчна злата страсть, ни буйна страсть
чесней
Не смѣютъ возмущать миръ совѣсти моей;
Струи сего ключа — питье мое, прохлада;
Я не спрашуся въ немъ примѣшеннаго яда.
Сии стада, сей садъ и сей цвѣтущій долъ
Снабжаютъ брашнами умѣренный мой столъ;
Желаній многихъ нѣтъ, и нуждъ у насъ не-
много;
Не пышно житіе — однако неубого;

Ты зришь моихъ дѣшей; подпора старыхъ
лѣтъ,
Они брегутъ спада; рабовъ у насъ здѣсь нѣтъ.
Такъ дни мои текутъ въ щастливой сей пу-
стынѣ;
Есть дѣло, я тружусь; а нѣтъ, — брожу въ
долинѣ,
Смотрю, какъ серны вокругъ и лани разбре-
дятся,
Сбираютъ тучну снѣдь, или, съ береговъ скло-
нясь,
Дивлюсь на рѣзвость рыбъ; смотрю — подъ
небесами
На птицъ, мелькающихъ различными цвѣтами.
Но былъ и для меня вѣкъ призраковъ, суешъ;
Другаго я желалъ во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ;
Не милы были мнѣ спада мои драгія.
Тогда слѣпецъ бѣжалъ отъ родины благія;
Жилъ долго въ Мемфисѣ, при пышномъ жилъ
дворѣ;
И я вельможей слылъ, и я былъ при Царѣ;
Хотя однихъ садовъ верховный управитель,
Не менѣе коварствъ, и жертва былъ и зри-
тель!
Надеждой льстивою обманутый спокрашъ,
Все зло я испыталъ, чѣмъ шолько дворъ бо-
гатъ.
Но красны дни прошли, какъ вѣсныя потоки;
За ними — блескъ надеждъ и помыслы высо-
ки! —
Я сердцемъ сталъ болѣть о мирной тишинѣ,
О бѣдной жизни сей, столь прежде милой мнѣ.
Прости, сказалъ двору — въ родную тѣнь скло-
няюсь.
Здѣсь радость — вѣрной другъ; безъ страха
наслаждаюсь! —

Такъ старецъ говорилъ. Царевна во слезахъ;
Казалось, вся душа у старца на устахъ;
Премудрый сей ошвѣтивъ, взглядъ тихой и смиренье,
Смятенныхъ чувствъ ея покоили волненье;
Задумалась она, колеблется душой.
Рѣшилась наконецъ, въ пустынь скромной сей,
Отъ свѣта, отъ враговъ сокрыть себя до-
полъ,
Пока священныхъ судебъ угодно будетъ волѣ.

Ты щасливъ, что познашь нещастія воз-
могъ,
О старецъ, о мудрецъ! — когда тебѣ швой
Богъ
Съ благими жизни сей не далъ любостыжанья,
Ты не откажешь мнѣ въ оправдѣ состраданья!
Прими меня, прими подъ свой блаженный кровъ;
Какъ сладко жить съ тобой, и чтишь од-
нихъ боговъ!
Быть можешь, въ сей тѣни, хотя на мало
время,
Хоть часью облегчу я мукъ сердечныхъ бремя.
Чего желаешь ты во мзду заслугъ своихъ?
Алмазовъ, золоша, сихъ идоловъ земныхъ, —
Чего тебѣ, вѣщай: — еще симъ зломъ обиленъ;
Всѣ, всѣ я утолишь твои желанья силенъ!
Съ словами плачетъ вновь... какъ бисеръ,
токъ скорбей
Ліется изъ ея прекраснѣйшихъ очей.
Потомъ повѣдала часть нѣку приключенья,
И старецъ спонетъ съ ней, исполненъ уми-
ленья;

И утѣшеніемъ сладчайшимъ для сердецъ
Пріемлетъ сирую, пріемлетъ, какъ отецъ.
И въ потъ же самой мигъ, съ улыбкою веселой,
Ведетъ ее къ своей супругѣ престарѣлой,
Которая, какъ онъ, дышала доброшю. — —
Дщерь Царска облеклась одеждою простой;
Сложилась прелестъ власъ подъ грубо покры-
вало;
Но гордый станъ, но взоръ, но поступь, все
являло,
Что ей не родина — пустыня и лѣса; —
Блится въ простотѣ и важность и краса,
И гордость, знаменье сердецъ благороден-
ныхъ! —
Величье царственно въ работахъ униженныхъ! —
Одна съ свирѣлю и гибкою лозой
Сбираетъ въ лугъ щелицъ, и гонитъ ихъ до-
мой,
Тукъ млечный изъ сосцовъ обильныхъ извле-
каетъ,
Сама готовитъ сыръ, и масло составляетъ.
Не рѣдко въ знойные злѣпаго лѣша дни,
Какъ овцы ушомясь, лежатъ уже въ тѣни,
На молодой корѣ дубовъ и кедровъ важныхъ,
Любезно имя ей выводитъ въ видахъ разныхъ;
Ввѣряетъ маленькимъ кусточкамъ и цвѣтамъ,
Исторію любви, прошивной небесамъ;
То пишетъ, то, свои сама чистая строки,
Вздыхаетъ и лжетъ нѣжнѣйшихъ слезъ пошоки;
Гласитъ сменящая: о милыя древа,
Храните ввѣренны любовью вамъ слова! —
Храните горестей моихъ повѣствованье;
И естли нѣкогда, иль радость, иль ссраданье,
Въ тѣнь вашу вѣрнаго любовника введетъ: —
Пусть въ сердцѣ обо мнѣ онъ сладко воздох-
нетъ;

Пусть скажетъ, изочня души моей печали:
„Возможно ль, чтобъ Любовь толико боги
гнали!
Возможно ль, чтобъ Любовь мученьемъ, игомъ
бѣдъ,
Платила вѣрности, которою живетъ!“
Быть можетъ, ежели до горняго селенья, —
Доходятъ теплыя несчастливыхъ моленья, —
Быть можетъ, и придетъ со временемъ сюда
Тотъ, коему шеперь доска моя чужда!
И взоръ склонивъ на холмъ, подъ коимъ со-
кровенны
Спрадалицы молодой уснутъ останки брен-
ны, —
Въ награду спраси злой, возстонетъ, такъ,
какъ другъ,
Какъ братъ, какъ милая лишившійся супругъ!
Такъ! если въ жизни сей любовь моя спра-
даетъ,
Пускай она, хотя по смерти, миръ познаетъ, —
Пускай мой бранный прахъ, шаясь въ землѣ
сырой,
Хоть сосраданія согрѣется слезой! . . .

Такъ двѣ рѣчь ведетъ съ безмолвными дре-
вами;
Древа, цвѣты, спада здѣсь были ей друзьями!
Танкредъ межъ тѣмъ, стремясь безвѣстною
спезей,
Чѣмъ ближе быть хотѣлъ, тѣмъ далѣ былъ
отъ ней

Мерзляковъ.

Онѣ мраморны столпы лучемъ своимъ бѣлилъ:
Въ себѣ самомъ и въ нихъ свѣшилъ.

Отъ храма въ двухъ шагахъ, шуманами по-
крытый,
Какъ черной маншіей, мужъ лѣшами масли-
тый,
Приспавъ перстѣ къ успамъ, задумчиво си-
дѣлъ.

Нескромность, буйство, шумъ у ногъ его въ
печали,

Цѣпями скованы, помились и молчали:

Отъ перста грознаго языкъ ихъ онѣмѣлъ.

Близъ свѣшлаго ручья у корней пальмъ вѣш-
висныхъ,

На грудѣ книгъ дремалъ голубоокій богъ;

И девять сестръ вѣя вѣнки изъ лавръ душис-
тыхъ,

Хранили спящаго. Три Граціи у ногъ,

На лиру опершись, блюли ее въ молчаньи:

Надъ мѣстомъ тѣмъ носилися сіяньи.

Вдали мелькала тѣнь, какъ будто изъ па-
ровъ,

Чуть легкою стопой касаяся луговъ;

Безъ шороху, тайкомъ весь островъ обтекала,

Прикрывая едва хламидою одной,

Съ мечемъ при поясѣ, съ мерцаньемъ надъ
главой:

Въ одной рукѣ вѣсы, въ другой огонь дер-
жала,

По ту сторону рѣки, на высотѣ холмовъ,

Форшуна облегшись челомъ на рогъ алмазный,

Страшася близкаго присутствія боговъ,

Какъ строгій судія, правдивый, безприспра-
стный,

Готовила дары по качествамъ людей:

Повязки не было на ней.

Безсмертными полны тѣ были всѣ пре-
дѣлы;

Вездѣ раскиданы колчаны, шлемы, стрѣлы.

На лиліяхъ, а гдѣ на розовыхъ кустахъ,

Съ улыбкой крошкою Амуры почивали.

Зефиры рѣзвые прохладу къ нимъ свѣвали,

Лѣтая ушомась, на алыхъ ихъ устахъ,

И въ свѣтлыхъ локонахъ безпечно отдыхали;

Спускалися на грудь, еще смѣлке спавъ,

Въ ихъ пламенныхъ сердцахъ бѣненіе считали.

Но сей, всеобщаго молчанія уславъ

Вдругъ стономъ прерванъ былъ молящейся у
трона;

Всѣ боги отъ того вздрогнули спона.

„О ты, кошораго едино мановенье,

Линдана начала, мірамъ даетъ движенье;

Кошорый бросивъ взглядъ, имъ солнца засвѣ-
тилъ;

Драконамъ, кроликамъ, зміямъ и мнѣ влилъ
душу;

Связалъ невидимымъ узломъ моря и сушу,

И въ мрачномъ хаосѣ стихіи раздѣлилъ;

Облекъ несчетныя планеты атмосферой,

Провелъ рукой чершу, велѣлъ имъ течь по
ней,

И держишь тяжестъ ихъ тебѣ извѣстной мѣ-
рой;

Желаньемъ лишь однимъ и волею своей

Творишь міры — попомъ въ ничто ихъ обра-
щаешь:

Грозами смертныхъ поражаешь.

„Кошорый грозенъ, благъ — и строгъ, и ми-
лосердъ;
Бросаешь молніи, и избавляешь бѣдъ!
Внемли! . . . . . “Тутъ грудь ея при разѣ со-
тряслася,
И, тяжкій вздохъ, какъ громъ, во сводахъ за-
гремѣлъ.
Фортуна сильная вдругъ съ мѣста поднялася;
Дохнулъ Борей — испокъ взмутился, заки-
пѣлъ;
Плеснули изъ воды Наяды и Тритоны;
Поднялъ главу Дельфинъ, Сапиръ отъ сна
вспрянулъ;
Разнесся гулъ въ горахъ — молчанья богъ вздох-
нулъ;
А лира издала сама собою звоны.
Θемида на вѣсы взглянула съ быспрошой:
Свѣшочъ ко храму устремила свой.

„Внемли мольбѣ моей, Линдана продолжала,
Просперла къ небу взоръ, и на колѣна пала:
Не вѣчной юности, не долгихъ жизни лѣтъ
Просишь я пришекла у твоего здѣсь трона,
Молю. . . . . пролей любовь ты въ душу Аріона;
Смягчи суроваго — и сердце дай. . . . . Ахъ!
нѣтъ! . . . .
Пусть будетъ онъ, какъ былъ — ему ль пере-
мѣняться?
Пускай и грубость чувствъ останется при-
немъ;
Ни съ гордостью его я не хочу расстаться;
Хочу его принять за образецъ во всемъ;
Хочу, чтобъ самые пороки Аріона
Служили вмѣсто мнѣ закона.

„Едва Пигмаліонъ умъ спрасъю омрачилъ,
Ты для безумнаго спашую оживилъ;
Чрезъ Леду рекъ: я жизнь даю не для мученья.
За что же я, о Дій! не жизнь вкушаю, адъ?
Ахъ! сжался, премѣни судебъ опредѣленья,
Иль смерть ко мнѣ пришла, возьми свой даръ
назадъ.
Жизнь пагуба въ бѣдахъ. — Тронись моей пос-
кою,
И благости своей примѣръ на мнѣ яви; —
Скажи: я внялъ тебѣ, для щастія живи;
Не лзя того. . . . пусть гробъ насъ прими-
ритъ съ судьбою.
Когда помится духъ, тогда посшылъ весь
свѣтъ:
Нещастному и рай жилище бѣдъ.

„Ты въ тайные сердецъ изгибы проникаешь,
И смертныхъ слабости въ душахъ у нихъ чи-
таешь;
А кто ихъ чуждъ? . . . и томъ, кѣмъ вяну и
помлюсь,
Чей взоръ одинъ судьбу мою опредѣляетъ:
Природу для меня мершвитъ и оживляетъ,
Кому какъ мощному я божеству, молюсь,
И томъ, какъ ни великъ. . . . а все имѣетъ
спраси.
Прошу тебя, Перунъ! устрой меня по нимъ.
Тебѣ ль, который все въ своей имѣешь власти,
Тебѣ ли дивно то? — Коснись жезломъ своимъ —
И ядъ въ груди моей престанетъ разливаться:
Въ блаженство скорби превращаясь.

„Когда химерами прельстися Аріонъ,
Свѣтящей пыли блескъ, призракъ, мешалла
звонъ

Въ припадкахъ разума всему предпочищаетъ;
Съ богатствомъ лишь однимъ находить счастье,
миръ;

Когда душа его лишь злату цѣну знаетъ:
Сей призракъ и моей тогда души кумиръ.
Едема не хочу въ селеніяхъ небесныхъ;
Сто царствъ земныхъ хочу во власть я по-
лучить,
Чтобъ скипетры отъ нихъ рукъ его вручить.
Прошу — дай силу мнѣ тогда волшебствъ чу-
десныхъ,
Презрѣнну грязь — прахъ ногъ преобразать
въ металлъ;
Кремни въ жемчугъ, въ алмазъ, въ опалъ.

„Коль любишь Аріонъ лишь прелести на-
ружны:
Прошу одной красы: — богатства мнѣ не
нужны.

Зажги во взорахъ огонь, устамъ улыбку дай,
Въ лицѣ, по которому теперь ллются слезы,
Въ лицѣ лилеи брось, вмѣшай въ нихъ свѣжи
розы,

И пепельны власы кудрями раскидай;
Станъ, ростъ, походку, гласъ: красы всѣ зна-
менишь

Прелестныхъ прехъ богинь во мнѣ соедини;
Да яблоко Парисъ отнявъ у Афродиты,
Съ почтеньемъ мнѣ вручитъ. — Какъ Фобовъ
лучь во дни
Мрачитъ блескъ звѣздъ, луны, такъ я кра-
сой своею

Зашмила бѣ смертныхъ и Психею.

„Когда онъ холоденъ къ заразамъ красоты;
Когда за славою парятъ его мечты:

Хочу ума... хочу быть чудомъ совершенства,
Вседенну изумишь, царямъ даваешь законъ,
Быть шѣмъ, что есть шеперь — и взглядомъ
рушишь тронъ,
Быть шѣмъ, что есть шеперь — и избѣжаешь
равенства;
Хочу вдругъ все имѣть: Премудрость, слова даръ;
Хочу вдругъ всѣхъ привлечь къ себѣ на по-
клоненье,
Не таинствомъ волшебствъ — не средствомъ
темныхъ чаръ,
Но силой разума, — Услышь мое моленье!
Клянусь, не обращаю во зло щедротъ твоихъ;
Губить не стану даже злыхъ.

„Тогда, какъ дальнія страны, иноплеменные
Воздвигнушь мнѣ въ похвалу пирамиды не-
тлѣнны;
Какъ Музы для меня вѣнки изъ лавръ сплешутъ;
Созиждутъ съ надписью : *Линданъ мудрой,*
храмы;
Какъ Граціи мой бюстъ цвѣтами обовьютъ;
Какъ гордый воскуритъ мнѣ должны оиміамы;
Сложивъ величіе съ себя, ему скажу:
Смотри гордецъ! . . . и я свою имѣю славу. . .
Трофеи, почести присвоила по праву;
Но знай! . . . не въ нихъ, въ тебѣ все счастье
нахожу,
Чтобъ сдѣлать твой триумфъ, ищу съ вы-
сотъ паденья;
Мѣняю славы дань на униженья.

„Но еслили Аріонъ познавъ химеръ тщету,
Не ловитъ, какъ диша, съ игрушками мечту,
И радости свои беретъ не отъ искусства;
Когда любовь предъ нимъ не звукъ рѣчей пу-
стой;

Когда душа его не умерла для чувства:
То сердце вѣрное ему мое открой. . . “
Съ симъ словомъ спраспная Линдана замол-
чала,
И руки на груди съ смиреніемъ сложа,
Какъ бы преступница — блѣднѣя и дрожа,
Рѣшенія небесъ безмолвно ожидала:
Но твердь небесная вдругъ тучей обложилась,
Ударилъ громъ, — и Цинпія сокрылась.
Бунина.

КЪ МОЕЙ ОТЧИЗНѢ.

Рощи тихія, безмолвныя!
Пріимите упомленного
Жизни бременемъ мучительнымъ
Въ самомъ цвѣтѣ нѣжной юности;
Пріимите, — и въ тѣни своей
Защитите отъ гоненія
Рока гнѣвнаго, жестокаго!
Къ вамъ спремится, рощи мирныя,
Къ вамъ Пѣвецъ никѣмъ незнаемый;
Дайте, дайте мнѣ убѣжище,
Гдѣбѣ спокойно кончилъ дни свои!
Ужъ ничто не веселитъ меня;
Нѣтъ на свѣтѣ чистыхъ радостей,
Нѣтъ прямого удовольствія,
Скорбь и горестъ — ихъ сопутники.
Мигъ одинъ — и призракъ щастія
Изчезаетъ предъ спрадальцами,
И ужасная существенность
Взорамъ нашимъ представляется.
Такъ! утѣхи, наслажденія,
Нѣжной плодъ Эдема горняго,
Не растутъ въ юдоли бѣдствія!

Здѣсь подѣ кровомѣ неизвѣстности,
Вѣ нѣдрахѣ тихаго спокойствія, —
Здѣсь пускай увянутъ дни мои.
Никогда любимцы щастія,
Люди славные, великіе,
Не заглянутъ вѣ бѣдну хижину,
Гордый взорѣ ихѣ отвратится прочѣ
Отѣ обители пустынника;
Но гонимый рокомѣ, злобою,
Вѣ ней найдетѣ себѣ убѣжище!

Грамматинѣ.

ЖЕЛАНІЕ.

Озарися, долѣ шуманный!
Разступися, мракѣ густой!
Гдѣ найду исходѣ желанный?
Гдѣ воскресну я душой?
Испещренные цвѣтами
Красны холмы вижу тамѣ;
Ахѣ! за чѣмѣ я не сѣ крилами!
Полетѣлъ бы я къ холмамѣ!

Тамѣ поютѣ согласны лиры!
Сладкій голосѣ тишины!
Мчатѣ ко мнѣ отполь зефиры
Благовонія весны!
Тамѣ блестятъ плоды златыя
На сѣнисныхѣ деревьяхѣ!
Тамѣ не слышны вихри злые
Вѣ сладкодышущихѣ цвѣтахѣ!

О предѣлъ очарованья!
Какѣ прелестна тамѣ весна!

Какъ отъ юныхъ розъ дыханья
Тамъ душа оживлена!
Полечу туда! . . . напрасно!
Нѣтъ пушей къ симъ берегамъ.
Предо мной пошокъ ужасный
Грозно мчится по скаламъ!

Лодку вижу. . . . гдѣжъ вожатый?
Бдемъ! будь что суждено!
Паруса ея крилапы
И весло оживлено!
Вѣрь тому, что сердце скажетъ!
Нѣтъ залоговъ отъ небесъ!
Намъ лишь чудо путь покажетъ
Въ сей прелестный край чудесъ!
Жуковский:

М И Р Ъ

Проснись Пиѳійскаго Поэта древня лира,
Вѣщательница дѣлъ геройскихъ, брани, мира!
Проснись — и новый звукъ отъ струнъ своихъ
издай,
И сладкою своею игрою насъ плѣняй —
Исполни духъ святымъ восторгомъ!

Какъ лира дивная небеснаго Орѣя,
Гремишь ли битвы пы — наперсники Арѣя
Берутся за мечи и взорами грозятъ,
Ихъ бурные кони ярятся и кипятъ,
Крутя свои волнисты гривы.

Поешь ли шишину — громъ Зевса потухаетъ;
Орелъ, у ногъ его сидящій, засыпаетъ,

Вздыхая медленно пернатый свой хребетъ; —
Ужасный Марсъ свой мечъ убійственный кла-
детъ,
И крепость въ сердцѣ ощущаетъ.

Проснись! и Миръ воспой блаженный, бла-
годашный;
Пусть онъ слезитъ съ небесъ, какъ нѣкій
богъ крылатый.
Вѣчнозеленою оливою махнетъ,
И грозну брань съ лица вселенной изженетъ,
И примиришь земные роды!

Гдѣ онъ — тамъ вѣчное веселье обитаетъ,
Тамъ человѣчество свободно процвѣтаетъ,
Пишась щедростью природы и боговъ;
Тамъ звукъ не слышится невольничьихъ оковъ
И слезы горести не льются.

Тамъ нивы жатвою покрыты золошою;
Тамъ въ селахъ царствуютъ довольство съ
тишиною;
Спокойно грады тамъ въ поля бросаютъ тѣнь;
Тамъ счастье навсегда свою воздвигло сѣнь:
Оно лишь съ Миромъ сопряжено.

Тамъ мирно старецъ дней закатомъ весе-
лился,
Могилы на краю, — неволи не спрашивая;
Сступя ногою въ гробъ — онъ смотритъ со
слезой
Унылой, горестной на путь скончанный свой,
И жить еще — еще желаетъ!

Тамъ воинъ, лишь въ поляхъ сражаться приу-
ченный,
Смягчается — и мечъ, къ убійству изощренный,

Въ отеческомъ дому подъ миршами кладетъ;
Блаженство пишины и дружбы познаетъ,
Союзъ съ природой обновляетъ.

Тамъ Музы чистыя, увѣнчанны оливой,
Веселымъ пѣніемъ возносятся дни щасливы;
Ихъ лиры стройныя согласнѣе звучатъ;
Онѣ спокойствіе, не страшну брань гласятъ,
Свящую добродѣтель славятъ!

Слеши, блаженный Миръ! — вселенная вызы-
ваетъ —
Туда, гдѣ бранныя знамена развѣваютъ;
Гдѣ мертвъ Природы гласъ, и гдѣ ея сыны
На персяхъ матери сражаются, какъ львы;
Гдѣ братья братьевъ поражаютъ.

О страхъ! . . . какъ яростно другъ на друга
спремятся!
Кони въ пыли, въ попу свирѣпствуютъ,
ярятся,
И топчутъ всадниковъ, поверженныхъ во прахъ;
Оружія гремятъ, кровь льется на мечехъ,
И стоны къ небесамъ восходятъ.

Тотъ сердца не имѣлъ, отъ камня тотъ
родился,
Кто первый съ бѣшенствомъ на брата устре-
мился. . . .
Скажите, кто перунъ безумцу въ руки далъ,
И жизни моея владыкою назвалъ,
Надъ коей я и самъ не власпенъ?

А слава? — нѣтъ! — ея злодѣй лишь въ брани
ищетъ;
Лишь онъ въ спенаніяхъ побѣдны гимны слы-
шитъ;

Въ кровавыхъ горахъ тѣлѣ трофеи чести
зрѣтъ;

Потомство извергу проклятіе гласитъ,
И лавръ его, поблѣкши, тлѣетъ.

А твой всегда цвѣтетъ, о Россѣ велико-
сердый,
Въ примѣрѣ земнымъ родамъ Судьбой превоз-
несенный!

Но время удержатъ орлиный твой полетъ;
Колоссъ незыблемъ твой, онъ вѣчно не па-
детъ:

Чего жъ еще желать осталось?

Ты славы пѣнь протекъ Алкидовой стѣпою,
Полсвѣта покорилъ могущею рукою,
Тебѣ возможно все, ни въ чемъ препоны нѣтъ:
Но стой, Россѣ! опочій — се новый вѣкъ гря-
детъ (*).

Онъ миръ, не лавръ, тебѣ приноситъ.

Возьми сей миръ, возьми, и снова будь
Героемъ, —
Героемъ въ пишинѣ, не въ кровопитномъ боѣ.
Будь міра гражданинъ, вѣнецъ лавровый свой
Омой сердечною, чувствительной слезой,
Тобою падшимъ посвященной!

Брось палицу свою и щитъ неборимый,
Преобрази во плугъ свой мечъ несокрушимый;
Пусть роетъ онъ поля опчизны твоея:
Прямая слава въ ней, лишь въ ней ищи ея;
Лишь въ ней ее обрѣсшь ты можешь.

(*) Сочинено въ Декабрѣ 1800 года.

На персяхъ шишины, въ спокойствіи бла-
женномъ,
Цвѣти, съ народами земными примиренный!
Цвѣти, великій Россѣ! — лишь злобу поражай,
Лишь страсти буйныя, строптивы побѣждай,
И будь во брани — только съ ними.

КЪ МОЕМУ СОЛОВЬЮ.

Не терзай ты сердца болѣ,
Томной пѣснью, соловей!
Грустно живѣшь тебѣ въ неволѣ,
Грустно живѣшь мнѣ безъ друзей!

Сердце ноетъ и вздыхаетъ,
Снонетъ, съ грусти замираетъ;
Естьли бѣ крылья я имѣлъ,
То взвился бѣ и полетѣлъ
Въ тѣ мѣста — мѣста любезны,
Гдѣ живешь другъ милой мой;
Тамъ преспалъ бы лишь покъ слезный,
Тамъ бы — веселъ былъ душой.

Не терзай ты сердца болѣ
Томной пѣснью, соловей!
Въ горькой и злосчастной долѣ
Ты не милъ душѣ моей!

Было время, какъ плѣнялся,
Какъ тобой я восхищался,
Какъ — въ весельѣ утопалъ,
Дни — минушами считалъ!
Но теперь все улетѣло,
Радость для меня ничто;

Безъ зависти на все взираетъ,
Не хочетъ удивлять собой;
Благодаритъ Творца Вселенной,
Что, промышля обо всемъ,
По благости неизреченной
Печется также и объ немъ.

Блаженъ, кто друга здѣсь имѣетъ;
Кто въ міръ семъ не одинокъ.
Кто симъ сокровищемъ владѣетъ,
Тому не спрашенъ злобный рокъ.
Напастъ ли, горе ли случится:
Его другъ милый защититъ;
Не лзя отъ бѣдствій защитишься:
Онъ состраданьемъ облегчитъ.

Блаженъ и тотъ, кто даръ чудесный
Владѣтъ сердцами получилъ;
Кого чистѣйшій лучъ небесный
Стихотворенья озарилъ;
Въ кругу родныхъ, въ уединеньи,
Онъ славитъ радость мирныхъ дней,
И въ шихомъ сердца восхищеньи
Поетъ умѣренность, друзей!

Грамматинъ.

С Т И Х И.

къ МОЕЙ лирѣ и къ друзьямъ МОИМЪ.

О лира, другъ мой неизмѣнной,
Повѣренный души моей!
Въ часы тоски уединенной
Утѣшь меня игрой своей!

Съ тобой всегда я не разлученъ,
О лира милая моя!
Для одинокихъ міръ сей скученъ,
А въ немъ одинъ скишаюсь я!

Мое младенчество сокрылось;
Ужь вянетъ юности цвѣтокъ;
Безъ горя сердце истощилось,
Впередъ присудишь что-то рокъ!
Но я предъ нимъ не поблѣднѣю:
Пущь будешь то, что должно быть!
Судьба ужасна лишь злодѣю,
Судьба меня не устрашишь.

Не нужны мнѣ вѣнцы вселенной;
Мнѣ дорогъ вашъ, друзья, вѣнокъ!
На что чертогъ мнѣ позлащенной?
Простый, укромный уголокъ,
Въ тѣни лѣсовъ уединенной,
Гдѣ бы свободно я дышалъ,
Всѣмъ милымъ сердцу окруженный,
И лирой духъ свой услаждалъ. —

Воцѣ все — я больше не желаю,
Въ душѣ моей цвѣтетъ мой рай.
Я бурный міръ сей презираю. —
О лира, другъ мой! утѣшай
Меня въ моемъ уединеньи;
А вы, друзья мои, скорбей,
Осшая свѣтъ сей преволненный,
Сберитесь къ хижинѣ моей. —

Тамъ, въ мирѣ сердца благодатномъ,
Нашъ вѣкъ, какъ ясный день, пройдетъ;
Съ друзьями и шоска пріятна,
Но и шоска насъ не найдетъ. —

Когдажь придетъ намъ разставаться,
Не будемъ слезъ мы проливать;
Не долго на землѣ скипаться:
Друзья! увидимся опять.

Жуковский.

С Л А В А.

Душа дѣяній знаменитыхъ,
Вѣнецъ Героевъ, Мудрецовъ,
О слава, всюду обоженна!
Надъ смертью торжествуешь ты,
Вотще она въ гробницы мрачны
Дѣла великія ввергаетъ; —
Ты ихъ испоргнувши опшоль,
Въ ихъ полномъ блескѣ, лучезарномъ,
Являешь всѣмъ вѣкамъ, народамъ —
Душамъ высокимъ вѣ образецъ.

Презрѣнна лести, Сирены гласовъ,
Злодѣйству похвалы поетъ,
И гнусное чело порока
Вѣнчаетъ дерзостной рукой.
Одна лишь чернь непросвѣщенна,
Одни, одни сердца лишь низки
Боготворятъ сей испуканъ; —
Но передъ взоромъ мудрыхъ, добрыхъ
Завѣса лести раздираясь,
Являетъ мракъ, гдѣ свѣтъ сіялъ.

Ты, Слава! гласу правды внемлешь,
Гнушаешься коварствомъ злымъ;
Ты лишь едину добродѣтель
Во всѣ концы земли гласишь.

Пускай не мнѣ рабы пороковъ,
Злодѣйства громомъ міръ трясуци,
Достойны бышь твоихъ похвалъ.
Хоть лещь имъ олшари возносишь;
Проклятія въ потомствѣ грянутъ,
И прахъ ихъ въ гробъ потрясутъ.

Царь мудрый, подданныхъ любящій,
Пекущійся о благѣ ихъ;
Чей тронъ, порфира, скиптръ, корона,
Лучами милости блещутъ;
Чья жизнь — есть цѣпь благихъ дѣяній,
Народа къ счастью устремленныхъ;
Кто правосуденъ такъ, какъ Богъ:
Сей Царь, о Слава! въ храмъ твой внидетъ,
И ты своей трубой гремѣющей
Его потомству возгласишь.

Кто, слыша гласъ своей отчизны:
Следи меня! летишь на брань,
И всѣ опасности презрѣвши,
Въ ничто свою вѣчная жизнь,
На огонь, на громъ, на смерть стремишься;
Кто, низложивъ прошивны силы,
На грудяхъ падшихъ слезы льетъ;
Кто не былъ людямъ бичъ ужасный,
Но былъ ихъ твердый щитъ, надежный,
Кто былъ Герой — и человекъ:

Сей воинъ, духомъ возвышенный,
Въ груди носящій огонь добра,
Во храмъ Славы лучезарномъ
Внѣцъ бсзсмертія приметъ. —
Мудрецъ, что строгу добродѣтель
Во всѣхъ дѣяньяхъ сохраняетъ,

Ни хвалы Пѣвца Оивянскаго,
Ни сокровища Царей земныхъ
Не утѣшатъ, не займутъ вовѣкъ
Сердца въ мірѣ одинокаго.

Ахъ! — безъ милаго товарища
Нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ радостей!
Онъ намъ кажется пустынею.

Все безъ друга съ нами сѣшуетъ,
Все пріемлетъ образъ горести!

Солнце льетъ лучи потусклые,
Рѣки тихо въ берегахъ текутъ,
Не шумятъ дѣса тѣнистые,

И не слышно пшичекъ пѣнія;

Вся Природа мнѣ, какъ чуждая,

Будто я уже не сынъ ея! . . .

А съ товарищемъ совсѣмъ не то:

Все и весело и счастливо,

И прекрасно все твореніе,

И доволенъ я самимъ собой,

И возвышенъ предъ Творцемъ моимъ! . . .

Ахъ, сколь благо Провидѣніе

Для того, кому даетъ Оно

На стези скорбей, нещастія,

Путеводцемъ Дружбу нѣжную! —

Жизнь есть бремя, бремя шяжкое;

Мы не въ силахъ бы сносить его,

Естьлибъ, Дружество небесное,

Естьлибъ ты не помогало намъ! —

Но возможно ли всѣ радости,

Всѣ изчислить удовольствія,

Кои ты даешь намъ чувствовать!

Грамматинъ.

КРЕСТЬЯНИНЪ и СМЕРТЬ.

Б а с н я.

Набравъ валежнику, порой холодной, зимной,
Старикъ, изсохшій весь отъ нужды и тру-
довъ,
Тащился медленно къ своей лачужкѣ дымной,
Кряхтя и охая подъ тяжкой ношей дровъ.

Несъ — несъ онъ ихъ и утомился,
Остановился,

Спустилъ дрова съ себя долой,
Присѣлъ на нихъ, вздохнулъ и думалъ самъ съ
собою:

„Куда я бѣденъ, Боже мой!

Во всемъ нуждаюсь, къ помужъ жена и дѣти —
А тамъ подушное, боярщина, оброкъ —

И выдался ль когда на свѣтѣ
Хоша одинъ мнѣ радостный денёкъ?“
Въ такомъ уныніи на свой пеняя рокъ,
Зовешъ онъ смерть — она у насъ не за горами,
А за плечами,

Явилась въ мигъ

И говоритъ: за чѣмъ ты звалъ меня, старикъ? —
Увидѣвши ея свирѣтую осанку,
Едва промолвишь могъ бѣднякъ оторопѣвъ:

„Я звалъ себя, коль не во гнѣвъ,
Чтобъ помогла ты мнѣ поднять мою вязанку.“

Изъ басни сей
Намъ видѣть можно,
Что какъ бываетъ жить ни пошню,
А умирашь еще пошнѣй.

Крыловъ.

Гдѣ жизнь свою вести, гдѣ умереть родились?
Нѣтъ! милосердія и благости Творецъ
Не можетъ сотворять спраданія сердецъ:
Онъ самъ намъ повелѣлъ любить страну род-
ную.

Отвѣдайте въ страну переселили иную
Щастливыхъ жителей земель туманныхъ тѣхъ,
Гдѣ пища скудная; питье гдѣ шлою снѣгъ:
Все предложите имъ, чѣмъ роскошь, чѣмъ
искусство
Умѣютъ услаждать избѣженное чувство;
Различны знанія вперите въ разумъ ихъ;
Сшарайтесь отыскать все въ мысляхъ по
своихъ,
Что можетъ каждый мигъ питать вообра-
женіе,
Что можетъ возраждать ушѣхъ, забавъ со-
боръ:
Куда же жителей тѣхъ обратится взоръ?
Куда, гдѣ милое, родимое селенье,
Гдѣ первый видѣли опечесивенный дымъ;
Гдѣ слышали шумъ бурь, гдѣ вьюги, гдѣ не-
настье!
Чѣмъ веселимся мы, чѣмъ будемъ ихъ не-
щастье.
Невольно разлучась съ опеческою страной,
Быть можетъ отъ того и въ гробъ сойдутъ
съ шоской.

Въ шотъ вѣкъ, въ которой все перему-
дришь старались,
Когда забывъ свои стремились въ чужилъ;
И мыслей праздною во всѣмъ странамъ ски-
тались —
Природа и тогда все шла путемъ своимъ.

Напрасно мудрецовъ гордыня вопіяла:
„Друзья! вселенная жилищемъ вашимъ стала!“
Вѣщало чувствіе: жилище наше тамъ,
Гдѣ мать объятія простерла нѣжны къ намъ,
Гдѣ къ сладостямъ любви любовью приучала,
Гдѣ голосъ нѣжнаго слышали отца,
Гдѣ насъ онъ наставлялъ любить того Творца,
Которой каждый день по солнцу возжигаетъ,
Которо, кажется, для насъ однихъ сіяетъ!
На нашей родинѣ мы зримъ его восходъ;
Нашъ лѣсъ родной его считаемъ мы предѣломъ,
Пока невинности младенческой удѣломъ
Забавы служатъ тѣ, о коихъ дней въ исходъ
Еще съ веселіемъ сердечнымъ вспоминаемъ!
Блещущей роскоши утѣхи забываемъ;
Но не забудемъ дней младенческихъ своихъ:
Сердечны чувствія заключены всѣ въ нихъ.

Увы отъ мѣстъ родныхъ страдальца здѣсь
изгнали;
Супруга, дѣши съ нимъ всю люпость бѣдъ
узнали.
Неистовыхъ людей здѣсь злоба имъ грозитъ,
А здѣсь безжалостно ихъ муки каждый зришь!
Все кажется для нихъ въ Природѣ омертвѣло;
Но сердце къ радостямъ еще не онемѣло.
Изгнанники сіи и по опрадой чшуть,
Что темношой ночной отъ злобы укрываясь
И къ родинѣ своей любезной приближаясь,
Хоть могутъ воздухомъ еще роднымъдохнуть!

Все прелестъ для души на родинѣ имѣетъ!
И вѣтерокъ для насъ тамъ сладостнѣе вѣетъ,
И чистой ручеекъ пріятнѣе журчитъ,
И солнышко для глазъ яснѣе тамъ блеститъ.

Любя опечески лѣса, долины, нивы,
Забудемъ ли родныхъ, забудемъ ли друзей,
И бышіе души забудемъ ли своей? . . .
Забудемъ ли часы столь радостны, щасливы,
Когда шамъ принесли опраду сиротѣ,
Когда на помощь шли спраданыю, нищестѣ?
Забудемъ ли мѣста, гдѣ чувствіе душевно
Благошвореніемъ пишалось повседневно;
Гдѣ крикомъ радостнымъ встрѣчалъ насъ
сонмъ дѣшей,
За то, что мы хранимъ отцовъ ихъ, матерей?
Гдѣ дряхлой старости мы руку подавали,
И къ мирной хижинѣ ее препровождали!

Все развлекаетъ умъ средь шумныхъ горо-
довъ;
Въ нихъ внѣ себя живемъ, себя позабываемъ;
Во всемъ на родинѣ себя воспоминаемъ.
Вѣщаетъ сердцу шамъ и мирный прахъ от-
цовъ!
Онъ намъ безмолвіемъ своимъ напоминаетъ,
Что участь равная насъ также ожидаетъ;
Что насъ щеславный свѣтъ ласкаетъ смут-
нымъ сномъ:
Что лишь швоя добро, мы истинно живемъ.

Блаженъ, кто пробудясь ошъ суешныхъ
мечтаній,
Отъ всѣхъ обманчивыхъ, превратныхъ ожи-
даній,
Къ безбурной пристани, присталъ къ род-
нымъ мѣстамъ,
И чувствіемъ добра животворится шамъ!

Н. Н.

ИЗОБРАЖЕНІЕ РОССИИ.

Прости мнѣ, естѣли я пѣвецъ безвѣстный
вѣ мірѣ,
Дерзаю пѣшь тебя, бряцаю на тихой лирѣ
Тебѣ, краса земли, о мать обширныхъ странъ,
Царица Сѣвера градовъ превознесенныхъ,
Великолѣпіемъ и олавою озаренныхъ;
Владычество чье чшутъ и сушь и океанъ! —
И мнѣ ль тебя достойно пѣшь? ..
Едва лишь могутъ бурны громаы,
На крыльяхъ вѣтреныхъ несомы,
Твое величіе гремѣть!

Сопканной изъ лучей порфирой ты одѣта;
Ведичесвенъ престолъ — подножіе — пол-
свѣта!
Лавровый на челѣ вѣнецъ швоемъ блещетъ,
И пальма надъ побой съ оливой развѣваетъ;
Бурливый океанъ край ризы омываетъ;
Булашный при бедрѣ мечъ въ заревахъ горитъ.
Народы дики, отдаленны,
Къ тебѣ сердцаши усшремленны:
Речешъ! пойдутъ, куда велишь;
И въ нихъ, сыновъ шы вѣрныхъ зришь.

Сыны швои, сыны преславны, знаменишы,
Лешатъ на огонь, на мечъ! и для швоей за-
щишы,
Съ веселіемъ души, и смерти образъ зрятъ:
Пускай предъ ними громъ ось міра пошрясаетъ;
Пусть зыблется земля, пусть швердь вокругъ
пылаетъ: —
Съ любовію къ тебѣ готовы все принять.

При знакѣ семѣ шомѣ Грекѣ, которому судьбы,
На гибель Фригіи, хотѣли жизнь спасти,
Изѣ чрева конскаго Ахейцовѣ свобождаютъ. —
Подѣ сѣнію ночной громада ихѣ раждаетъ; —
И се! изѣ нѣдрѣ ея пространной глубины
Исшорглись радостны Ахейскіе сыны.
Свенелѣ, Улиссѣ, Тессандрѣ, внукѣ мститель-
ный Пелея,
Спустились по вервямѣ; во слѣдѣ имѣ сынѣ
Ашрея,
Свирѣпый Акамасѣ, искусный Махаонѣ,
Герой Тоантѣ, Эпей кѣмѣ конь сооруженѣ,
Вѣ нѣмомѣ неистовствѣ текутѣ вѣ Пергамѣ
священный,
Вечернимѣ пиршествомѣ, виномѣ обремененный.
Союзники враговѣ — и Бахусѣ, и Морфей;
Уже спруишся кровь ошѣ яростныхѣ мечей!
Нѣмѣ спражи болѣе; и Сцейскими врапами
Во градѣ спремится смертѣ сѣ Ахейскими
полками.

Тогда рука боговѣ лила на Трою сонѣ.
Безпечный вѣ тишинѣ почилѣ весь Илліонѣ.
Уже я сладостной дремошой усыпился;
Вдругѣ Гекторѣ, Гекторѣ самѣ, казалось, мнѣ
явился:
Нагѣ, блѣденѣ и вѣ крови, таковѣ предѣ мной
онѣ былѣ,
Какѣ колесницею Пелидѣ его влачилѣ;
Когда предѣ башнями сменящаго Пергама
Вѣ очахѣ супруги, чадѣ, Гекубы и Пріама,
Обезображенной главой чершилѣ песокѣ;
Воззрѣлѣ я на него, — и слезный пролилѣ токѣ.
О Боги! Гекторѣ сей — и бышѣ тѣмѣ не меч-
тался,
Которой нѣкогда сѣ Аргивцами сражался,

Ихъ флотъ объялъ огнемъ, ихъ сильныхъ ус-
трашилъ,

Себя въ Ахилловы доспѣхи облачилъ!

Всклокочена брада, станъ прахомъ покровен-
ный,

И кровію власы запекшейся слѣпленны,

И стопы, всдувшіесь подъ лютошью вервей,

Слѣды кравовою являвшіе стезей;

Расперзанная грудь; сей щипъ, хранившій
Трою:

Его лишь бѣдствія живили предо мною;

Спешащимъ голосомъ ему я возопилъ:

„О ты, кѣмъ Троссовъ градъ великъ и сла-
венъ былъ!

„Въ какой странѣ твой духъ геройскій оби-
таешь?

„Твое пришествіе что намъ предвозвѣщаетъ?

„Почто ты въ видѣ семъ являешься предъ
насъ?“

Онъ мнѣ не отвѣщалъ; но скорбный, спраш-
ный гласъ

Изъ устъ его изрекъ: „Бѣги, сказалъ со вздо-
хомъ,

„Спасайся, другъ небесъ! отринуты мы Бо-
гомъ.

„Былъ прежде Иліонъ, гремѣлъ Пріамовъ
родъ;

„Но нынѣ гибнетъ все, Царь, Князи и народъ.

„Бѣги, не воспаляй и сѣчи бесполезной!

„Довольно сдѣлалъ ты для родины любезной,

„Владычество прешло, и грянулъ рабства
часъ;

„Коль Зевсъ бы восхотѣлъ, Пергамъ бы Гек-
торъ спасъ;

„Съ Ахилломъ въ ратной прѣ, я побѣжденъ
богами,

„Бѣги, бѣги сихъ мѣстъ съ своими племенами,
„Да Грековъ торжествомъ, гласящимъ намъ позоръ,
„Послѣднихъ Трои чадъ не оскорбится взоръ.
„Горящій Илліонъ боговъ тебѣ вручаетъ;
„Ищи ты града имъ; судьба предвозвѣщаетъ,
„Что онъ вселенную узритъ своей работой!“
Умолкнулъ — и вступилъ божницы въ мракъ святой.

Гдѣ Веста, древняя защитница Пергама,
Безсмертный зрѣла огонь въ дыханьи еиміама.
Но Троя между шѣмъ во пламени, въ крови,
Являла страшну казнь преступныя любви.
Уже шумъ, вопли, шрескъ — (хотя далече града
Скрывался мой чертогъ подъ сѣнью верхограда),
Всечасно сляся, стремилися ко мнѣ,
Я вспрынулъ ото сна, со страхомъ на челѣ;
На кровавыя выси послѣшно возпекаю,
И вдаль, недвижимый, слухъ жадный устремляю.
Такъ, если ни въ волнахъ, неисшество огней,
Несется вѣтрами багровою струей;
Иль яростный потокъ свирѣпыми валами,
Покрывши грудь полей, деревья рветъ съ корнями,
Уноситъ зданія и жатвы, и лѣса,
И ревомъ водъ своихъ колеблетъ небеса;
Недоумѣющій пастухъ, горы съ вершины
Склоняетъ слухъ на шумъ, встающій изъ долины.
Вмигъ Грековъ замыслъ, ковъ и гибельный Синонъ,
Понятно было все. — обѣщанные огнемъ,

Со трескомъ рушились чертоги Деифеба,
Разлился красный свѣтъ высоко въ мракахъ
неба,
И днемъ вторымъ низпалъ къ Сигею, къ бе-
регамъ! —
Кликъ бранный, стонъ и плачь, моленія къ
богамъ
Сливались въ воздухъ, со звукомъ трубъ,
тимпана,
Безумный! внѣ себя, забывъ судьбу Пергама:
„Къ оружію, друзья, со мною на враговъ!“
Воскликнулъ и съ полкомъ Дардановыхъ сы-
новъ
Я ринулся впередъ; гнѣвъ, ужасъ и печали,
Казалось, крылъ намъ въпра даровали;
Сражаясь умереть, алкали всѣхъ сердца,
Вдругъ Аполлонова узрѣли мы жреца.
Отъ страховъ ночи сей, полмертвый, поблѣ-
днѣлый,
Съ богами на рукахъ и внукомъ въ колыбели,
Онъ бѣгствомъ отъ смертей прибѣжища ис-
калъ.
„О Панъ! имѣемъ ли опчизну? я вскричалъ:
„Могуль надѣяться, возможно ли спасенье?
„Нѣтъ! совершилося небесъ опредѣленье!“
Мнѣ спарецъ, вздохами стѣняемый вѣщалъ:
„День гибели, день слезъ для Фригіи на-
сталъ;
„Нѣтъ Трои, нѣтъ Троянъ, зашмилась наша
слава:
„Навѣки рушится Пріамова держава;
„Десницу гнѣва Зевсѣ надъ нами опягчилъ,
„Ахейскимъ племенамъ корыстью насъ вру-
чилъ.
„Синонъ ругается въ триумфѣ Трои стономъ,
„И Троя въ пламени злодѣя подъ закономъ!

„Изъ нѣдръ чудовища лешитъ погибель къ
намъ;

„Но ахъ! однѣль оно родитъ полки врагамъ?

„Эней! нѣтъ имъ числа предъ нашими вра-
тами;

„Они стремятся въ градъ ужасными вол-
нами:

„Одни пекутъ пожаръ, убійство разсыпашъ,

„Другіе же съ мечемъ исходы охраняшъ.

„Вездѣ оружій блескъ сверкалъ передъ очами;

„Казалось, я стѣсненъ былъ мѣдными стѣ-
нами,

„Страхъ смертный овладѣлъ безсильною тол-
пой;

„Лишь спража со врагомъ вели неравной бой!

Умолкъ, и яростью умы воспламенились,

Сквозь огонь, сквозь дымъ, сквозь кровь на
мечь мы успремились,

И мечь мой, какъ перунъ, со смертію лешалъ

Вездѣ, куда его гласъ Трои призывалъ.

Арк: Родзянко.

У Ч Е Н Ь Е.

Венеру видѣлъ я во снѣ:

Бѣлоснѣжною рукою,

Нѣжна мать вела съ собою

Милу крошечку ко мнѣ.

Богъ упрямился, дичился,

Былъ неловокъ, и несмѣлъ,

Будто бы людей спрашился,

И смотрѣлъ онъ не умѣлъ.

Пасушокъ, (Богиня-Сладость

Молвишъ съ ласковымъ лицомъ)

Вотъ мой сынъ! — вотъ наша радость:
Сдѣлай ты его пѣвцомъ!

Такъ сказала, — и не спало. . . .

Какъ мнѣ въ голову не вспало,

Что Амура научишь,

Пламень пламенемъ гасишь!

Что же дѣлать? — за ученье!

Ничего я не шаю!

Пастуковъ увеселенье,

Цанову свирѣль пою; —

Флейшу мудрыя Паллады,

Аполлоновы опрады:

Циру съ голосомъ пѣвцовъ,

Лиру вѣстника боговъ. . . .

Все пустое! . . . онъ не слышетъ;

И ничто на умъ нейдетъ;

Страстно, сладостно онъ дышетъ,

Про любовь одну поетъ.

Что же сдѣлалось съ тобою?

Что съ холодною душою? . . .

Ахъ! несчастной, все забылъ,

Чѣмъ съ Амуромъ занимался,

Только съ тѣмъ однимъ остался,

Что Амуръ мнѣ напвердилъ.

Мерзляковъ.

П Ъ В Е Ц Ъ.

Въ тѣни деревъ, надъ чистыми водами

Дерновый холмъ вы видите ль, друзья?

Чуть слышно, тамъ плескаетъ въ брегъ струя!

Чуть вѣтерокъ тамъ дышетъ межъ листьями!

На вѣтвяхъ лира и вѣнецъ;

Увы! друзья, сей холмъ — могила!

Здѣсь прахъ пѣвца земля сокрыла!
Бѣдный пѣвецъ!

Онъ сердцемъ простъ, онъ нѣженъ былъ
душою,
Но въ мірѣ семъ минувный гость онъ былъ;
Едва разцвѣлъ — и жизнь ужъ разлюбилъ;
И ждалъ конца съ волненьемъ и тоскою;
И рано встрѣшилъ онъ конецъ;
Заснулъ желаннымъ сномъ могилы!
Твой вѣкъ былъ мигъ, но мигъ унылый,
Бѣдный пѣвецъ!

Онъ дружбу пѣлъ, давъ другу нѣжну руку —
Но вѣрный другъ во цвѣтѣ лѣтъ угасъ;
Онъ пѣлъ любовь — но былъ печаленъ гласъ:
Увы! онъ зналъ любви одну лишь муку!
Теперь всему, всему конецъ!
Твоя душа покой вкусила;
Ты спишь, шиха твоя могила,
Бѣдный пѣвецъ!

Здѣсь у ручья вечернею порою
Прощальну пѣснь онъ заунывно пѣлъ:
„О красный міръ, гдѣ я вошше разцвѣлъ
„Прости на вѣкъ! съ обманутой душою
„Я счастья ждалъ. . . . мечтамъ конецъ!
„Погибло все! умолкни лира!
„Скорѣй! скорѣй въ обитель мира,
„Бѣдный пѣвецъ!

„Что жизнь, когда въ ней нѣтъ очарова-
нья! . . . .
„Блаженство знать, къ нему летѣшь душой,
„Но пропасть зрѣшь межъ имъ и межъ собой!
„Желашъ всякъ часъ, и шрепешать желанья! . . .

„О пристань горестныхъ сердецъ,
„Могила, вѣрный путь къ покою,
„Когда же будетъ взятьъ тобою
„Бѣдный пѣвецъ? „

И нѣтъ пѣвца! его не слышно лиры;
Его слѣды исчезли въ сихъ мѣстахъ;
И скорбно все въ долинахъ, на холмахъ;
И все молчитъ; лишь тихіе зефиры,
Колебля вянущій вѣнокъ,
Порою вѣютъ надъ могилой —
И лира вторитъ имъ уныло:
Бѣдный пѣвецъ!

Жуковский.

БЕЗСМЕРТІЕ.

Со Славой Зависть обитаетъ!
Беликій человекъ счастливымъ не бываетъ;
Искусство жить — всю жизнь свою скрывать,
И въ смертный только часъ безсмертіе на-
чать!

М — Ъ.

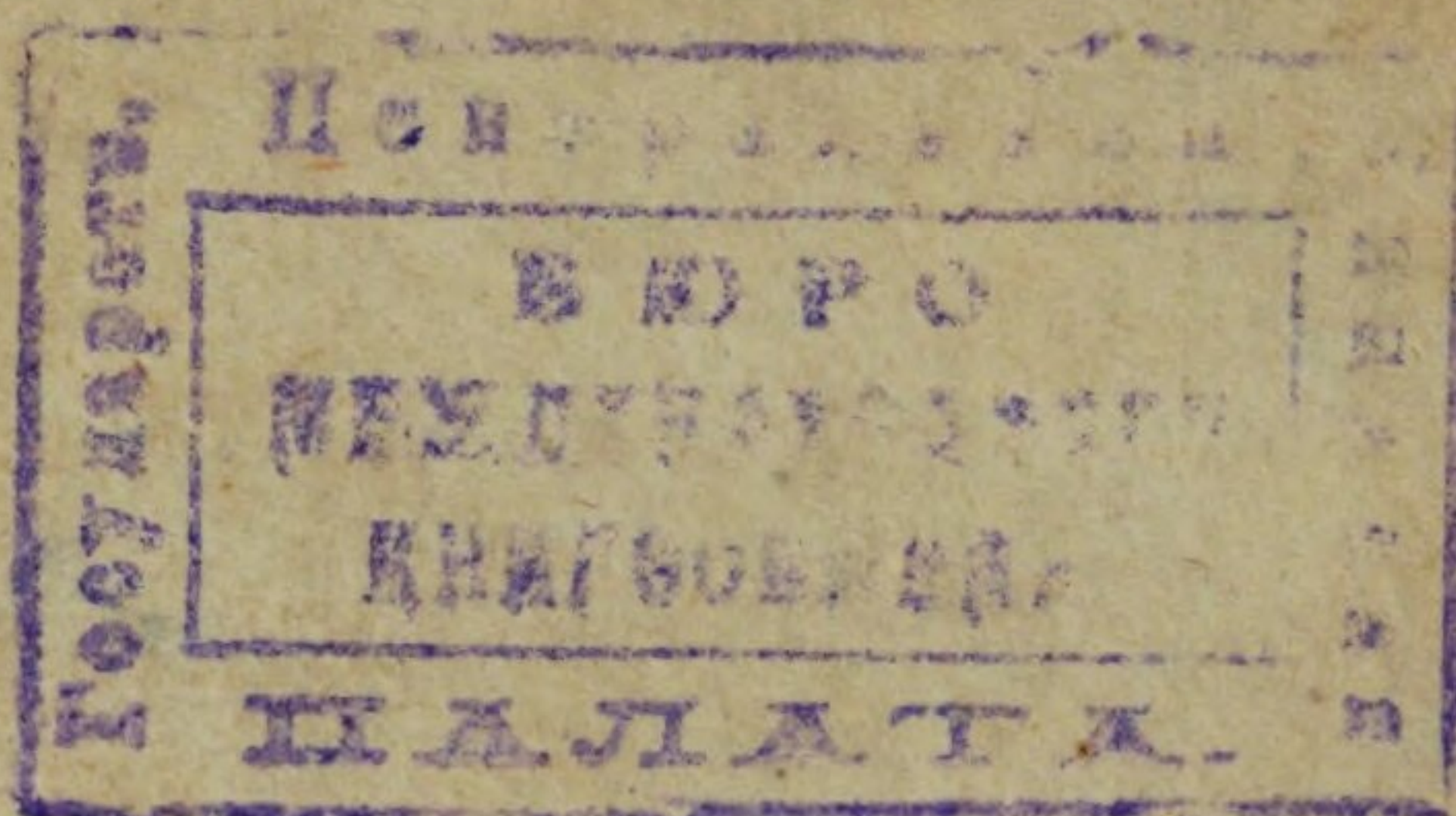
К о н е цъ.

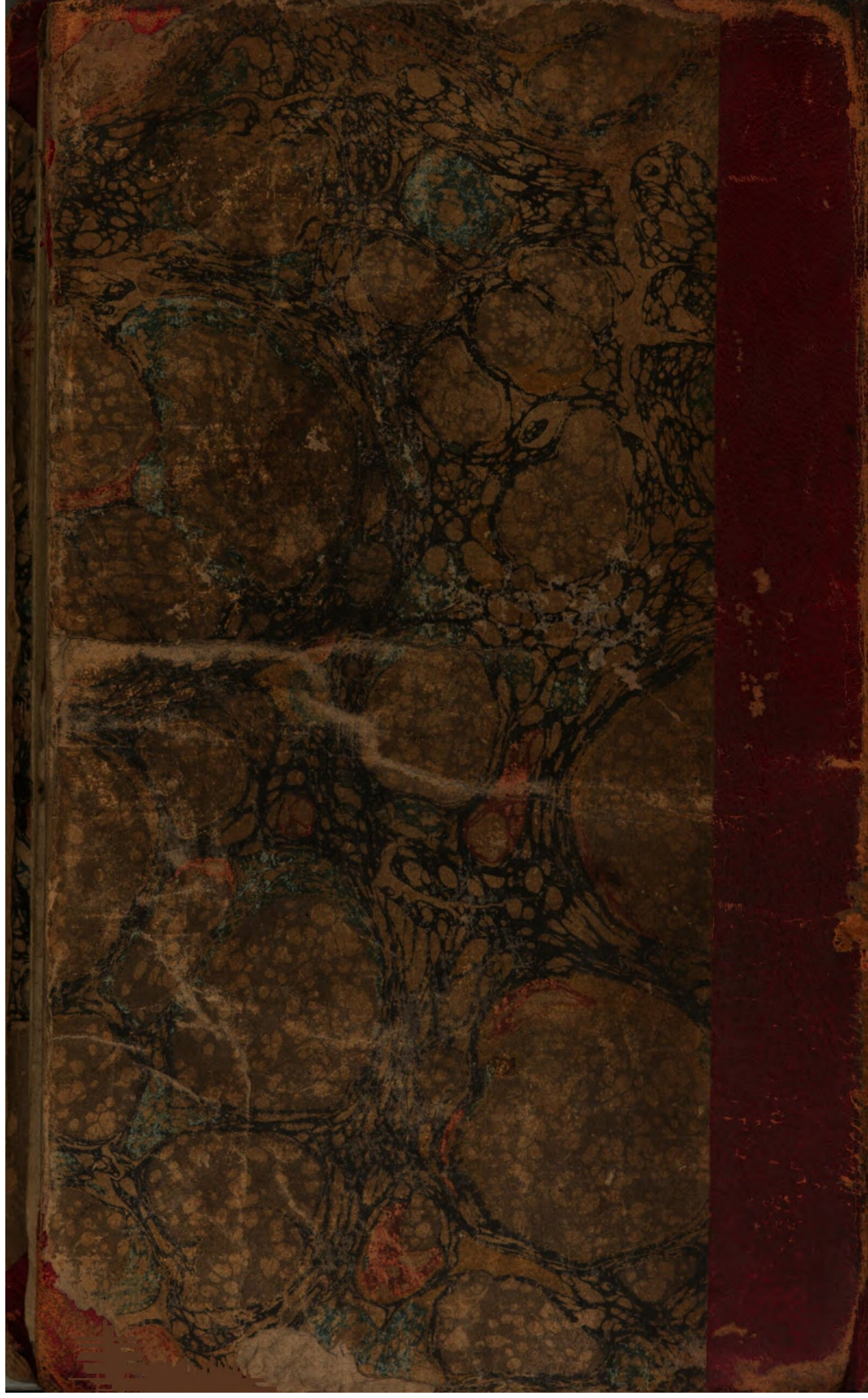

Muza novějsich rossijskich stichotvorcev = Muza rossijskich stichotvorcev

Moskva 1814

P.o.russ. 8 w

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610009-6